РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ

БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)

3

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ

БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)

3

«Каждый мерит мир собственной душой»

Дневник С.А. Кондратьева,

участника экспедиции П.К. Козлова в Монголию

1923 - 1926

Москва
2000

ББК 63.2; 22.18
Б45

Редакционная коллегия: Л.Б. Алаев, Д.Д. Васильев, Р.Б. Рыбаков (председатель), И.М. Стеблин-Каменский, А.А. Столяров (секретарь), М.А. Усманов

Б45 **Бюллетень Общества востоковедов. — Вып. 3: «Каждый мерит мир собственной душой»:** Дневник С.А. Кондратьева, участника экспедиции П.К. Козлова в Монголию (1923 – 1926). — М.: Институт востоковедения РАН, 2000. — 281 с.

ISBN 5-89282-110-2

Издание подготовлено Д.Д. Васильевым и И.В. Кульганек.
Рецензенты: С.Г. Кляшторный, Н.П. Шастина.
Компьютерная верстка и макет: К.А. Котова.
Фотография Х. Хорна

Издание "Бюллетеня" осуществлено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований

ББК 63.2; 22.18
Б45

ISBN 5-89282-110-2

© Институт востоковедения РАН, 2000
© Общество востоковедов РАН, 2000
© Д.Д. Васильев, 2000 (подготовка текста к изданию)
© И.В. Кульганек, 2000 (предисловие, примечания, подготовка текста к изданию)

Содержание

От редакции 4

К моей тетради 7

Предисловие. О научном наследии и творческой личности С.А. Кондратьева. 8

Путевой дневник С.А. Кондратьева:

1-я книга (1923 - 1924 гг.) 29

2-я книга (1924 - 1925 гг.) 156

Примечания к 1-й книге 250

Примечания ко 2-й книге 261

Приложение: 267
П.К. Козлов
Сокровища Монголии:
Новые открытия Тибетской экспедиции

Аннотированный список имен, встречающихся в дневниках С.А. Кондратьева 272

Библиография 279

Resume 281

Введение

Издание «Бюллетеня» Общества востоковедов при Российской Академии наук было начато в 1997 г. по решению Первого Всероссийского съезда востоковедов, который проходил в Элисте. Первоначально в «Бюллетенях» предполагалось публиковать материалы общероссийских и международных научных мероприятий, осуществленных при поддержке и участии Общества востоковедов при РАН. Кроме этого, в вышедших «Бюллетенях» публиковались информационные материалы по истории и научной деятельности востоковедческих научных, высших учебных и культурно-просветительных учреждений различных регионов России. Сам характер такой общественной организации как ОВ РАН предполагает также особое внимание к истории формирования востоковедческой отрасли в отечественной науке, освещение деятельности отдельных ученых, краеведов, просветителей. Далеко не все из них оставили многотомное научное наследие и вклад отдельных исследователей в развитие знаний по истории, культуре и филологии народов Востока может быть очень скромен, но благодаря их подвижнической деятельности, неутомимым изысканиям был создан тот фонд полевых наблюдений, который приравнивается последователями к первоисточникам.

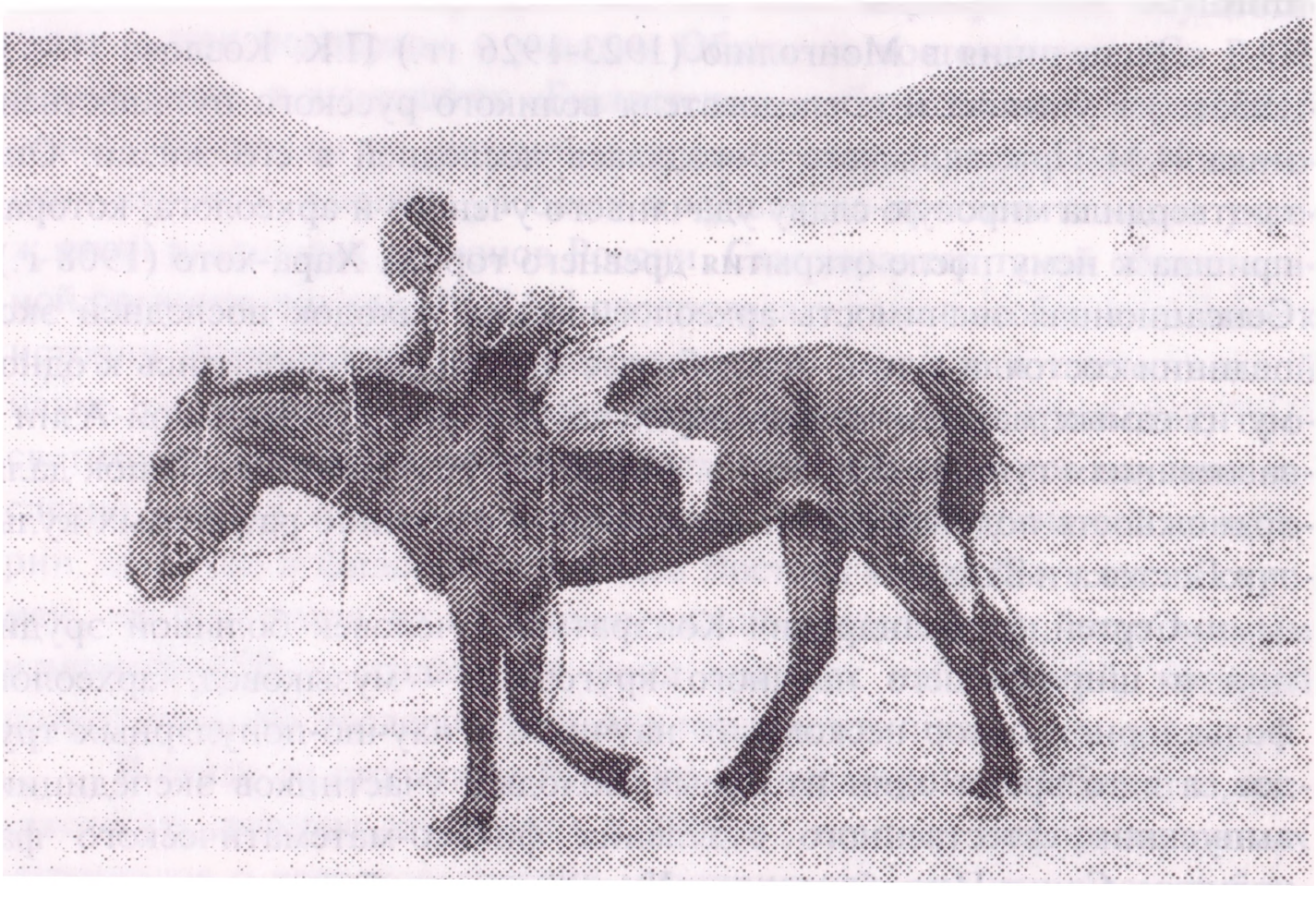
В связи со столетием Русского Императорского Общества востоковедов, которое отмечается в 2000 г., помимо информационных материалов о востоковедческих мероприятиях, мы начинаем публикации персоналий в виде биографических справок, полевых дневников, писем востоковедов и других материалов, которые имеют отношение не только к научной деятельности их авторов, но и дают представление о личности ученого и его жизненном пути.

Публикуемые в настоящем выпуске избранные страницы из рукописных дневников участника Монгольской экспедиции П.К. Козлова С.А. Кондратьева подготовлены к изданию Д.Д. Васильевым и И.В. Кульганек, которые в разное время имели возможность побывать в отдельных пунктах работы экспедиции, а также ознакомиться с теми материалами фольклорных и археологических полевых исследований, которые соответствуют экспедиционному периоду, отраженному в дневниках С.А. Кондратьева. Дневники, после кончины

С.А. Кондратьева, находились у известного монголоведа Н.П. Шастиной и были переданы ею впоследствии Д.Д. Васильеву для подготовки к публикации. Дневники были написаны карандашом, изобиловали сокращениями, условными пометками, своего рода криптограммами. Восстановление текста потребовало длительной работы и консультаций с коллегами. Кроме рукописных дневников, архив С.А Кондратьева содержит фотографии, сделанные им в период экспедиции.

Экспедиция в Монголию (1923-1926 гг.) П.К. Козлова (1863-1935гг.) - ученика и последователя великого русского путешественника Н.М Пржевальского - оказалась последней в его жизни. Она подтвердила мировую славу удачливого ученого и археолога, которая пришла к нему после открытия древнего города Хара-хото (1908 г.). Сенсационная значимость археологических находок последней экспедиции состояла в том, что добытые материалы относились к одному из самых малоизученных периодов истории Центральной Азии - завоеваниям гуннов, (I в. до н.э. - I в. н.э.). Результаты раскопок дали возможность подойти с новыми идеями к изучению различных культур Востока и Запада.

Сергей Александрович Кондратьев - человек большой эрудиции и широчайшего научного кругозора - музыковед, археолог, фольклорист, автор нескольких научных и научно-популярных трудов, а в то время один из самых молодых участников экспедиции, выпускник естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского Университета, был взят в экспедицию в качестве собирателя музыкального монгольского фольклора. Но, так сложилось, что он стал фактическим руководителем раскопок. Дневники его представляют собой увлекательное повествование о жизни монголов, их этнографии, культуре. Кроме того, они являются пока единственным письменным свидетельством, предлагаемым читателю, где раскрывается обстановка, которая сложилась вокруг экспедиции. Дневники позволяют взглянуть на внутреннюю жизнь экспедиции, показать межличностные отношения ее участников с точки зрения тонкого, умного, прозорливого и глубоко чувствующего человека, каким был С.А. Кондратьев. Дневники легко и с большим интересом читаются, рассчитаны на археологов, историков, монголоведов, а также на самые широкие слои читателя.

Фотография Х. Хорна

К моей тетради

Люблю тебя, мой друг безмолвный,
Твой скромный облик, переплет...
Мне грустно и приятно помнить,
Что друг меня переживет.
Во тьме библиотечной тины,
Чрез многие десятки лет
Тебя найдет неутомимый
Испытанный архивовед.
Он осторожными руками
Раскроет черный переплет,
Угасшие переживанья
Скептической душой вдохнет.
И верный тягостному долгу,
Оттиснув номер и печать,
На предназначенную полку
Поставит ветхую тетрадь.
Но, может быть, в осенний вечер,
Иль в дождь, или когда-нибудь
Склонятся над тобою плечи,
И легкий взор начнет свой путь
По разлинованным страницам,
Следя за сумрачным стихом.
И хрупко будут шевелиться
Листы под медленным перстом.
Но вскоре шелест равномерный
Исчезнет в краткой тишине,
И ты, читатель мой неверный,
Задумаешься обо мне.
Твоя душа внезапным светом
Затмит житейский карнавал,
Откликнувшись глухим приветом
На отзвучавшие слова.

С.А. Кондратьев. Весна в Кентэе

ПРЕДИСЛОВИЕ

О научном наследии и творческой личности С.А. Кондратьева

Безграничные степи, причудливые очертания сопок, лаконичная и суровая природа, древняя кочевая история и культура аборигенов, отличная от европейской - все это Монголия, которую называют сердцем Азии. Именно она составляла большую часть Великой степи, протянувшейся от Причерноморья до Амура – с запада на восток. А от Южной Сибири до Гималаев – с севера на юг. По этим необъятным просторам двигались громадные массы народа, здесь осуществлялись их разнообразные контакты, создавалось единое культурно-историческое пространство.

Еще задолго до XII в. русские правители обращали внимание на войну и мир соседних мозаичных племен кочевников Великой степи, которые то воевали друг с другом, то входили целиком одним племенем в другое, то начинали называть себя именем одного из соседних племен, то роднились друг с другом, то вырезали нещадно своих соседей. Но, когда единое монгольское государство, созданное великим Чингис-ханом, заявило о себе как о мощном, прекрасно организованном военном, политическом и экономическом образовании, оно оказалось самым непосредственным образом связано с русской национальной историей. Контакты начались не только на уровне простолюдинов, которые существовали и раньше, и выражались в угоне скота, пленении жителей, увозе женщин и детей как рабочей и производящей силы. В Монголию впервые направляются посольства с княжескими дарами, купцы открывают торговые пути, по которым везут товары в новообразованное государство. Европейский мир узнает о монголах. Долгое время их называли «татарами». Это имя носило одно из

самых сильных монгольских племен того времени, которое кстати одержало верх над родом борджигитов, из которого происходил Чингис-хан. Род же «монгол» был тогда еще достаточно слаб. Название народу единого государства «монгол» дано было Чингис-ханом. Но оно не сразу получило распространение в мире.

Немало людей побывало в сердце монгольской империи - Золотой Орде. Разное время провели они там. Неодинаково складывались их биографии и судьбы. Некоторые из них, например, францисканские монахи: Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, Марко Поло, оставили интереснейшие дневники о годах, прожитых там. Из русских путешественников в тех краях побывал В. Петлин. Он описывает интересные и неожиданные для современника стороны жизни, своеобразно воспринимая чужеземную культуру, нравы и обычаи.

После падения Великой Монгольской империи, вхождения ее в Китайское государство, которым управляли маньчжурские династии, утраты монголами воинской инициативы, возвращения к кочевничеству они сошли с мировой политической арены. Интерес к ним несколько упал и появился вновь в XIX в. в связи с российскими интересами на Востоке: Японии, Китае, Тибете. Этот период насыщен контактами с Монголией. Чрезвычайно поощрялось и стимулировалось развитие торговли. В труднейших условиях российские купцы внедряли свои товары в китайский рынок. Одним из таких подвижников был бийский купец В.В. Васенев. В Казани целенаправленно готовятся миссионеры, духовные наставники едут на Восток обращать неверных в христианство. Начинает свою деятельность Пекинская Духовная миссия.

С созданием Географического общества в Санкт-Петербурге в 1848 г., появляется возможность организовывать военно-географические экспедиции. Первыми такого рода путешественниками Российской империи были Н.М. Пржевальский, Вс.И. Роборовский, Б. Пестовский, а затем П.К. Козлов.

Ими были добыты ценнейшие материалы по истории, культуре, этнографии Центральной Азии.

П.К. Козлов начинает свою самостоятельную экспедиционную деятельность с 1897 г. Открытие им древнего города Хара-Хото потрясло научный мир. Современному человечеству предстала цивилизация, существовавшая в этих местах несколько веков назад. В 1907 г. он предпринимает не менее успешное путешествие в Тибет.

После провозглашения независимости Монголии в 1911 г. отношения Монголии и России поднимаются на новый уровень. В Иркутске создается кооперативный центр, филиалы которого появляются в Монголии, куда отправляются наши представители. Там создаются фактории по обменной торговле. Одним из них был Хангенцик на северо-западе Монголии, самой культурной ее части. Несколько лет провел там А.М. Бурдуков, сделавший очень много для отечественного монголоведения, работавший впоследствии в Петербургском университете на Восточном факультете, автор нескольких русско-монгольских словарей и многочисленных научных статей.

После экспедиции 1907-1911 гг. П.К. Козлова не оставляла мечта опять побывать в Монголии. Но осуществить это он смог уже совсем в иной внутриполитической ситуации в России - в советский период, связанный с рядом мероприятий по налаживанию еще более тесных контактов с Монголией, не только в политико-экономическом, но и культурном отношениях. В 1921 г. был создан в Монголии Ученый Комитет, куда стали направляться русские ученые и специалисты различного профиля. В Улан-Баторе создаются светские русские школы, укрепляются экономические связи, увеличивается присутствие русских в городах Монголии.

Экспедиция 1923-1926 гг., ставшая последней для П.К. Козлова и подтвердившая еще раз мировую славу гениального организатора, талантливого путешественника, стойкого и мужественного человека, была в организационном отношении

одной из самых трудных. В этом не последнюю роль сыграло прошлое Козлова: офицера царской армии, человека старорежимного, собравшего в свой отряд людей близких по духу, восприятию жизни, отношению к исследовательской миссии. Несмотря на то, что экспедиция не получила возможности выполнить весь свой намеченный план: дойти до Лхасы - сердца Тибета, и вынуждена была сосредоточить свои исследования на территории Монголии, и более того - близ Улан-Батора, П.К. Козлову удалось даже в таких жестких условиях выйти на интереснейшие памятники древней культуры кочевников-гуннов, территория государства которых в I в. до н.э. - I в. н.э. охватывала Монголию. В местечке Судзуктэ, в 100 км. от Улан-Батора были произведены большие археологические раскопки. За полтора года различными методами было вскрыто 24 кургана, получивших название Ноинулинских, давших обильный материал по культуре гуннов. В настоящее время большинство находок из них хранится в уланбаторских музеях истории Монголии, некоторые – в Санкт-Петербурге, в Эрмитаже. Обилие материалов и отсутствие достаточного количества исследователей этого периода кочевнической истории до сих пор не позволили полностью оценить итоги экспедиции, но огромная археологическая значимость Ноинулинских археологических открытий была понята сразу многими отечественными и зарубежными археологами. Например, еще до завершения раскопок такую высокую оценку им дал С.А. Теплоухов, впоследствии академик АН СССР. Он писал: «Добытый раскопками материал является исключительно ценным по своему научному значению. Он даст нам представление о сношениях народов Запада и Востока в глубокой древности, даст возможность изучать различные культуры Востока и Запада и подойти с новыми идеями к изучению палеоэтнографии Сибири». Кроме С.А. Теплоухова курировали в научном плане эту экспедицию ленинградские ученые Г.И. Боровко, В.И. Крыжановский и Б.Б. Полынов, которые позже опубликовали ряд статей на ос-

нове полученных в результате раскопок материалов П.К. Козлова.

В этой экспедиции принимал участие Сергей Александрович Кондратьев, в то время один из самых молодых ее членов, впоследствии ученый, востоковед, музыкант, музыковед, астроном, этнограф, проживший интересную, богатую духовную жизнь, но оставшийся, по воспоминаниям современников, до конца своих дней удивительно сдержанным, скромным, дисциплинированным и честным человеком, не страждавшим больших наград, не занимавшим никогда высоких постов, но человеком искренней души и доброго сердца. С.А. Кондратьев был ученым широчайшей эрудиции, неутомимым исследователем Монголии. Оценка его научного наследия и творческой личности отечественной историей науки пока не дана. В сферу его научных интересов входили музыкальная фольклористика, этнография, археология, метеорология, география, а в творческой личности переплетались такие, казалось бы, несовместимые интересы, как шахматы, охота, природоведение, фотография, и чем бы он ни занимался, во всем доходил до высокой степени профессионализма.

В творческом пути С.А. Кондратьева отчетливо видны два этапа. Первый из них, связанный с активной научной деятельностью в Монголии, начался с участия в экспедиции (1923-1926 гг.), организованной Русским Географическим обществом и возглавляемой П.К. Козловым, после окончания которой С.А. Кондратьев остался работать в Ученом Комитете Монголии.

В экспедицию П.К. Козлова С.А. Кондратьев, выпускник естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, отслуживший два года в армии, был взят в качестве собирателя музыкального фольклора монголов. Результатом его работы в этом направлении стал ряд статей и монография «Музыка монгольского эпоса и песен». Однако так сложилось, что в экспедиции на него было

возложено также ведение раскопок Ноинулинского кургана, а затем - проведение географических исследований Хентейских гор.

Находясь в Монголии, С.А. Кондратьев организовал метеорологическую станцию. Свои наблюдения и обобщения он отразил в статьях о климате ряда районов Монголии. Есть у исследователя научные статьи и по географии этого региона.

Будучи хорошим шахматистом, он изучил игру в шахматы у монголов и напечатал об этом несколько статей.

В 60-е годы вышла книга С.А. Кондратьева «Необычные случаи на охоте и рыбной ловле», где автор раскрывается не только как охотник и рыболов, но и как тонкий натуралист, умеющий чутко слушать и понимать природу, бережно и честно к ней относится.

Во вторую же половину жизни С.А. Кондратьев сосредоточивается главным образом на музыке, хотя и здесь поле его деятельности широко: от композиторской работы по оформлению спектаклей в Московском Малом драматическом театре до переводческой деятельности. Его переводы Р.В. Уильямса «Становление музыки» и Б. Шоу «О музыке и музыкантах» свидетельствуют о прекрасном знании английского языка и о безукоризненном стилистическом чутье.

В 50-е годы появляются его сборники «Валдайские песни», «Орловские песни», «Народные якутские песни», «Коми народные песни», где он выступает страстным собирателем и интерпретатором музыкального фольклора.

Возможно, на своеобразии его творческого пути отразилась противоположность интересов самых близких людей, которые играли большую роль на начальном периоде становления его индивидуальности. Будучи племянником композитора А.П. Аренского, он воспитывался в музыкальной атмосфере, созданной его матерью (урож. Аренской), а под влиянием отца, главного астронома Пулковской обсерватории А.А. Кондрать-

ева, в нем воспитывался научно-исследовательский образ мышления.

Монографическое исследование С.А. Кондратьева «Музыка монгольского эпоса и песен», появившееся в 1970 г., через 40 лет после сбора основного материала, до сих пор представляет интерес для музыковедов, фольклористов, монголоведов.

Продолжая традиции изучения и собирания монгольского фольклора русскими монголоведами Б.Я. Владимирцовым и А.Д. Рудневым, он впервые обосновал некоторые положения теории монгольской музыки. Относясь бережно к своим предшественникам, С.А. Кондратьев восстановил тесситуру напевов, записанных Б.Я. Владимирцовым в его поездках к приволжским калмыкам и монгольским ойратам. Они хранятся в фонограмархиве Института русской литературы (Пушкинский дом). Он подтвердил также правильность догадок Б.Я. Владимирцова, не имевшего музыкального образования, о приоритете в монгольских былинах мелодии над размером и темпом.

Отдавая дань заслугам А.Д. Руднева в изучении музыки монгольских народов, С.А. Кондратьев теоретически разработал положение А.Д. Руднева о главенстве лейтмотивов в былинах, дал их морфологический анализ, генезис, классификацию, а также уделил в своей работе особое внимание мелодии и мелизмам.

И хотя эта книга не свободна от схематизма, неизбежного на первом этапе изучения предмета исследования (например, запись наигрышей предлагается в транспонированном виде, отсутствует вариативность звучания мелодии в исполнении одного певца, нет строгой последовательности в предлагаемых фрагментах былин), можно с определенностью сказать, что этот труд подводит итог монголоведной музыкальной фольклористике данного этапа и намечает дальнейшие пути исследования в этой области.

С.А. Кондратьев провел в Монголии по его собственным подсчетам в общей сложности 5 лет 11 месяцев 29 дней. В экспедиции П.К. Козлова он был заместителем начальника, фактически руководителем и организатором Ноинулинских раскопок, нес все тяготы лагерной суровой жизни почти безвыездно полтора года, осуществлял хлопотливую организаторскую работу, скрупулезную первичную обработку материалов, проводил каждодневные анализы, реализуя во всей полноте профессиональные навыки археологической работы. Он располагал к себе участников экспедиции мягким юмором, высокой культурой общения, умением организовать досуг: под вечер часто пели хором сочиненные им баллады, играли на гитаре, мандолине, читали собственные стихи, шутки, баллады.

После завершения раскопок и последующего за этим недолгого отдыха в СССР, он возвращается в Монголию, где ведет самостоятельные изыскания по собиранию монгольского музыкального фольклора, в чем большую помощь ему оказывает бурятский ученый Цыбен Жамцарано, находившийся в то время там и способствовавший привлечению С.А. Кондратьева в 1927 году к работе в Монгольском Ученом Комитете.

В нашем распоряжении имеются два дневника С.А. Кондратьева, которые хранятся в архиве Института материальной культуры в Санкт-Петербурге под шифром № 74. Первый дневник включает записи, относящиеся к периоду с августа по ноябрь 1923 г., второй дневник - с апреля по май 1925 г.

Дневники Кондратьева, несмотря на то, что охватывают весьма непродолжительный период его жизни, тем не менее не только позволяют раскрыть ту роль, которую он играл в Ноинулинских раскопках, а позже в работах Монгольского Ученого Комитета, не только дают возможность взглянуть на внутреннюю жизнь, организацию работы, межличностные отношения участников экспедиции и расставить несколько иначе акценты на общепринятых оценках, характеристиках, выводах, но и раскрывают мир удивительно глубокого, внимательного,

лиричного, прозорливого автора записей. Его дневники - это не только подневная запись событий и встреч. Они отражают богатейший духовный мир русского интеллигента начала XX в., неспокойное брожение образованнейших людей своего времени, несвободных от пристрастий прошлого, связанных с идеалами рыцарства, но в то же время устремленных в будущее, имеющих громадный душевный потенциал, силу духа и свои четкие представления о долге, морали, чести.

Не так много написано о С.А. Кондратьеве. Послесловие Л. Лебединского к книге «Монгольский музыкальный эпос и песни», вышедшей в 1970 г., содержит главным образом характеристику автора как собирателя, издателя народных песен, переводчика музыковедческих работ. Но его музыкальные вкусы, пристрастия остались в тени. Не нашли печатного воплощения и воспоминания племянника С.А. Кондратьева - Владимира Александровича Кондратьева – профессора Санкт-Петербургской консерватории. Экземпляр записей этих воспоминаний находится в музее П.К. Козлова в Санкт-Петербурге. Из них можно узнать, что С.А. Кондратьев оставил после себя «значительное вокальное наследие», им был написан целый ряд камерных, инструментальных, фортепьянных музыкальных произведений: баллады, концерты. Сам он играл на рояле и флейте, и хотя он не был профессионалом, его творчество и исполнительская деятельность «имеют большое значение для музыкальной культуры страны». "С.А. Кондратьев имел своеобразный вокальный стиль, который выражался в непризнании новаторства." Этот стиль проявился уже в самом раннем его произведении «Ре минорной балладе», исполнявшейся, кстати, профессиональной пианисткой - его тетей С.Н. Аренской (младшей сестрой известного композитора А.С. Аренского).

Он предпочитал Ф.Й. Гайдна В. Моцарту, особенно ценил баллады из фортепьянных сочинений Э. Грига. У него дома были клавиры всех опер Р. Вагнера. Самой любимой из них

была опера «Парсифаль». С.А. Кондратьев высоко ценил также «Леди Макбет Мценского уезда» Д.Д. Шостаковича.

«Это был строгий, даже суровый человек, с точным распорядком дня. Вставал поздно, поздно ложился, работал ночью. Одна из черт его - выдержанный характер». «Чувство надо обуздывать»- было его жизненным кредо... "Он никогда не повышал голос, даже если его что-то раздражало и возмущало... Собеседника не прерывал. Был всегда корректен и вежлив... иногда спрашивал мнение о своих сочинениях, причем никогда не требовал восхищения или поклонения. Его интересовала истина, никогда не обижался на критические отзывы. С интересом выслушивал их. В своих симпатиях и антипатиях был постоянен. Нельзя было чем-то подкупить его, он пользовался в Союзе композиторов большим уважением и почтением. Ценил Пушкина, Достоевского, Толстого, Баратынского, Гумилева, Шоу», - такую характеристику давал С.А. Кондратьеву его племянник. И далее: «Он был сумрачным человеком, меланхолически смотрящим на мир, и только к концу жизни он становится теплее и теплее. Любимым философом его был Шопенгауэр. Его очень стройная система мыслей и взглядов не соприкасалась с марксистко-ленинской философией. Один из его афоризмов был «Мир плохо устроен». Интересовался восточной философией. Порядочен. Высоконравственный человек. В высшей степени тактичен. Давая рецензии на что-либо, считал, что надо подчеркнуть положительные стороны исполнения. Заботился о благополучии сыновей сестры. В 1943 г. приютил их у себя в Москве". ("Архив музея П.К. Козлова. Дело №10").

Такая же цельная личность вырисовывается и из воспоминаний А.Л. Никитина, выпустившего в 1996 году небольшую книжку стихов С.А. Кондратьева 20-40-х годов. В предисловии А.Л. Никитин дает блестящую характеристику и самих стихов и их автора: "Взыскательный критик отыщет в них погрешности стиля, неточности в размере и рифмах, недоработ-

ки, однако не они определяют наше к ним отношение. В этих стихах встает яркая, многогранная, обуреваемая страстями и порывами личность, и во всем - устремления вперед и ввысь - в преодолении физических ли препятствий, духовных ли исканиях, в любви или в реализации своей миссии на земле".

Такой был С.А. Кондратьев везде: и в Монголии и после. Стихи через лирических героев - поэтов, мудрецов. странников, воинов - выражают собственное отношение к жизни. Они любят, расстаются с любимыми, вдохновленные молитвами, отправляются на правое дело. Их стремление – "найти средь буден обетованный храм", в их сердцах "любовь и тоска пылают неугасимым огнем", судьбою им дан "страннический путь", в котором видит поэт и "горечь и соль земную", и "красу печальной Земли", и "Сияние горнего края". Единственное, что он просит у Неба - найти "разгадку вековечной тайны" этого страннического пути, когда "неведомо куда волшебными ведет лучами вот эта синяя звезда", подвластная "души томленью".

Ко времени пребывания С.А. Кондратьева в экспедиции П.К. Козлова относятся пять стихотворений, поэма "Гава" и баллада «О страннике, мудреце и поэте». Можно проводить параллели между его поэмой «Гава» и одноименной поэмой Н. Гумилева. Из дневников С.А. Кондратьева мы видим, что он читал это произведение. Но скорее мы здесь замечаем сходство по форме. Что же касается поэтики, образов, всего аромата произведения, оно несомненно навеяно чисто монгольскими реалиями. Остается загадкой, как этот молодой человек никогда раннее не бывавший в Азии, незнакомый с кочевнической культурой, хозяйством, основанном на охоте и скотоводстве, с традициями, пропитанными дошаманскими культами, шаманскими и буддийскими верованиями, мог так глубоко почувствовать суть поэтики, единения человека с природой, в их обоюдном естестве, в ощущаемом человеком органичном единстве с нею, почувствовать суровость и покой, решительность и сентиментальность, что составляет основные традиционные

черты характера монгола. В дневниках нет никаких упоминаний о знакомстве им с монгольским эпосом, с поэмами: «Гэсэр», «Хан Харанхуй», «Дуутай Мондор» или с какими-либо другими, да и не мог он их тогда знать, так как начало их собиранию и изучению было положено лишь бурятскими учеными Жамцарано Ц.Ж. и Барадийном Б.Б., а также российским монголоведом А.Д. Рудневым в начале XX века. В русском же переводе они вышли достаточно поздно - в 60-е годы. С.А. Кондратьев ощутил и транслировал ту поэзию, которая живет явно и материально на монгольской земле. Она оказалась доступной ему благодаря природному тонкому чутью, развитому музыкальными занятиями слуху, оказавшемся способным воспринять вибрации, идущие от скалистых ущелий, кристально чистых холодных горных рек, мягких очертаний серо-коричневых сопок с зелеными пятнами лесов, которые он так прекрасно воспел в своих стихах. С.А. Кондратьев прекрасно уловил поэтику образов и взял верный размер стиха - анапест, самый спокойный, строгий, вместе с тем напряженный, не позволяющий расслабляться, а направляющий и влекущий к доминанте на конце слова, строки, стиха, всей поэмы. Суть поэмы «Гава» прекрасно понял Ц. Жамцарано. Дневники С.А. Кондратьева сохранили весьма благожелательный отзыв ученого об этой поэме. Нельзя не согласиться с ним. В дневниках сохранились также различные варианты набросков, видна вся творческая лаборатория, которая еще раз показывает С.А. Кондратьева как человека крайне дисциплинированного, умеющего управлять своими страстями, вмещать их в прокрустово ложе суровой необходимости, работающего по четкому, данному самому себе заданию, судящего себя самым честным и бескомпромиссным судом. Довести дело до конца - аксиома его жизни и творчества.

«Он был мобилизован после второго курса на военную службу, окончил курсы прапорщиков, и с 1916 по 1918 гг. служил орудийным во втором дивизионе 1 Запасной тяжелой ар-

тиллерийской бригады, стоявшей в Гатчине, а с 1919 по 1921 гг. преподавал на командных курсах Красной Армии в г. Воронеже», так пишет о его юности А.Л. Никитин. Закончить естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета смог после демобилизации в 1922 г. Был зачислен в экспедицию П.К. Козлова в 1923 г. в возрасте 27 лет, вполне сформировавшимся человеком, прошедшим службу в армии, женатым. Его жена, Мария Ивановна Клягина-Кондратьева последует за ним в Монголию несколькими годами позже. Она станет его верной спутницей в экспедициях. Так же как и Сергей Александрович, она будет увлечена этой своеобразной страной: займется монгольской архитектурой, напишет ряд научных статей по юрточным и монастырским постройкам. Возможность заниматься этнографией, культурой и искусством Монголии ей дало прекрасное образование, которое она получит в ЦИЖВЯ (Центральный Институт живых восточных языков)на индийском отделении, где она училась на момент встречи с Кондратьевым.

ЦИЖВЯ возник в 1920 г. на основании постановления Совнаркома, он находился в ведении Наркомпроса, Наркомнаца, Наркоминдела, в правах был приравнен к специальным военно-техническим ВУЗам, с принятием на довольство и размещался в здании бывшей военно-юридической Академии на набережной Мойки 96 (А.Н. Кононов и И.И. Йориш Ленинградский Восточный институт. - М., 1977. - С 19). К преподаванию в институте были привлечены лучшие силы Петрограда, востоковедного центра страны. Занятия велись профессорами и академиками с мировыми именами, известными путешественниками, специалистами по истории и этнографии Центральной Азии, такими как В.М. Алексеев, Н.И. Конрад, В.Л. Котвич, С.А. Козин, Гр.Ев. Грум-Гржимайло. Индийские языки преподавали Ф.И. Щербацкой - первая величина тогдашней индологии, знаток многих языков, философии, культуры Индии, а несколько позже - академик С.Ф. Ольденбург. М.И. Кля-

гина изучает урду. Увлекает им своего будущего мужа. Именно этот язык становится их тайным, интимным языком. Дневники С.А. Кондратьева хранят полные любви, нежности страницы текста на урду к своей жене.

Напряженная, богатая духовная жизнь С.А. Кондратьева в доэкспедиционный период проявляется в разнообразии его интересов, увлечений, окружении людьми, причастных к миру науки, культуры, музыки, театру. Получив лишь домашнее музыкальное образование у своей матери К.Н. Кондратьевой (настолько высокое, что давало ему возможность поступить в консерваторию, как пишет Никитин, С.А. Кондратьев не раз в своей жизни обращается к музыкальному творчеству: и до Монголии, и после он работал в московских театрах, занимаясь музыкальным оформлением спектаклей. Первой большой его работой был спектакль «Укрощение строптивой» по В. Шекспиру, поставленный весной 1923 г. на сцене Первой студии МХАТ. Тогда же он был принят в Союз драматических и музыкальных писателей в Москве. Так что его зачисление в монголо-тибетскую экспедицию, возглавляемую П.К. Козловым, в качестве научного сотрудника по сбору, изучению монгольской музыки и песен, было естественно. Насколько он постоянно был полон музыкой, музыкальными образами, звуками, дают представление его экспедиционные дневники. Они пестрят нотными записями экспромтов, возникшими неожиданно для его самого, отрывками из любимых музыкальных произведений, воспроизведенных по памяти, набросками новых замыслов, аккомпанементов романсов и частушек. Он слышит музыку в стуке колес и в чтении вслух монгольскими чиновниками указов в присутственных местах, сочиняет песни, импровизируя строй народной музыкальной песни, учит и исполняет вещи из репертуара своих информантов.

По дороге в Монголию он не упускает ни одного случая сыграть на музыкальном инструменте: он исполняет свои любимые фортепианные произведения знакомому на улице в Ир-

кутске, друзьям Козлова по его предыдущим экспедициям, датчанам из консульства в Верхнеудинске, в общественном клубе на маленьком полустанке, где случилась непредвиденная задержка поезда. Потребность в игре, насыщенность музыкой характерны для его восприятия жизни. Он с одинаковой радостью готов давать уроки вокала, брать уроки игры на флейте, читать доклад на музыкальную тему перед интеллигенцией провинции, исполнять своим "мальчикам", как он любовно стал называть самых молодых участников экспедиции – К.К. Даниленко и А.Д. Симукова, что-нибудь на гитаре или мандолине, разучивать с ними новые произведения. Репертуар фортепьянных пьес, которые он исполняет на импровизированных концертах, а затем педантично записывает, по уровню - консерваторский, и состоит из концертных вещей того времени. Почти всегда звучат фрагменты из любимого вагнеровского "Парсифаля".

В Монголии, со всей страстью, присущей ему, он начинает изучать и записывать монгольский музыкальный фольклор, собирать музыкальные инструменты. Ц. Жамцарано, сам большой любитель старины и собиратель монгольской народной литературы, о котором российский монголовед А.Д. Руднев писал в свое время, что "он собрал такое изумительное количество образцов монгольского народного фольклора, которое кажется до него никто не собирал", найдя в С.А. Кондратьеве единомышленника по увлечению, создает ему благоприятные условия для записи монгольской музыки и песен. Он знакомит его с самыми выдающимися монгольскими певцами того времени, такими как Дугаржаб, ставший впоследствии ведущим басом в монгольском оперном театре.

Он устраивает непринужденные встречи как с профессиональными импровизаторами-исполнителями, так и с простыми людьми, любящими петь. За осенне-зимний сезон, который провел Кондратьев в Улан-Баторе до отъезда экспедиции в Судзуктэ на место раскопок гуннских курганов в марте

1924 г., он записал около 200 монгольских песен и наигрышей, которые впоследствии легли в основу его книги. Материал собирался легко, с увлечением, быстро, наслаиваясь на приязненные личностные контакты с новыми людьми, на расширяющийся круг знакомств в художественно-музыкальной сфере зарождавшейся новой монгольской интеллигенции. Кондратьев назовет период октябрь-ноябрь 1923 г. исключительно благоприятным для занятий по сбору монгольского фольклора. Он встречался с "министрами, милиционерами, владетельными князьями, мясниками, школьниками, княгинями, солдатами". Жамцарано приглашал на встречи с Сергеем Александровичем людей, временно находящихся в Урге, жителей разных районов Монголии с тем, чтобы Кондратьев получил возможность знакомиться с музыкой различных монгольских племен.

Он записывал напевы непосредственно с голоса или с инструмента, повторяя записанное вместе с исполнителем. Некоторые мелодии фиксировал на фонографе дисковой системы "Патепостер". Статья С.А. Кондратьева о работе по изучению монгольской музыки в октябре-декабре 1923 г. в Урге, в которой автор дает определение вокальных качеств и палитры нюансов голоса монгольских исполнителей, мелодии, перечисляет монгольские инструменты, была одной из первых работ подобного рода. Коллекция музыкальных инструментов, собранная им, среди которых есть морин-хур, ятага, шанза, хучир, находится в настоящее время в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге (Кунсткамера).

К этому же времени относится статья С.А. Кондратьева о монгольских шахматах. Сам он был заядлым шахматистом. Не прочь был провести за игрой с хорошим партнером целый вечер. Очень ценил сильных соперников, видно было, что он испытывал не только моральное удовлетворение от выигранной партии, а получал эстетическое и психологическое удовольствие от процесса игры. Сочетание подобных дарований в человеке отнюдь не парадоксально. Шахматистов и музыкан-

тов сближает, как известно, комбинационная способность, одинаково необходимая и тем и другим. Увлечение шахматами было распространенным явлением в среде русских музыкантов. Страстными шахматными болельщиками были А.К. Алябьев, Н.Л. Римский-Корсаков. С.И. Танеев неоднократно устраивал шахматные турниры с Л.Н. Толстым. Желанным партнером для А.Н. Скрябина был А.Б. Гольденвейзер... Несомненно, существует стилевая связь между игрою в шахматы и игрою на фортепиано, суть которой - в освобождении от запоминания и поиски правил, которые могли бы дать "итоги тысяч и десятков тысяч вариантов". И музыкантом и шахматистом движет стремление действовать творчески, не заученными пассажами, а разрабатывать новые ходы, хотя и в жесткой системе правил. Обе стороны имеют единую психологическую основу, им свойственны единые движения сердца и ума: романтические вдохновенные порывы, оригинальные решения, неожиданная трактовка, отточенность, тончайшая продуманность действий, тонкий расчет и в то же время спонтанность, граничащая с импровизационностью.

Аналитический ум С.А. Кондратьева был страстен, а романтизм - рассчитан и продуман. Больше всего эти его качества проявлялись во взаимоотношениях с природой, в том, какой он её видел. Природа Монголии не могла оставить равнодушным Сергея Александровича. Уже по дороге его поражают серебристые воды Ангары, необычно толстые облака на границе с Монголией, сопки, покрытые лесом, уходящие за горизонт, яркое синее небо. Позже, через несколько лет, вернувшись к своим дневникам, он пометил красным карандашом все свои описания природы. Их набралось более двух десятков. В его дневнике они находятся на страницах: 23, 24, 31, 34, 35, 50, 71, 79, 169, 171, 179, 180, 183, 291, 293, 312, 314, 315, 321, 326, 333, 338. Все они говорят о глубоко лиричном, тонко чувствующем природу человеке, который может долго с любовью и терпеливо наблюдать её, чтобы она раскрыла ему свой мир,

тайны, жизнь. Его цепкий ум и большая душа многое видели в жизни природы, а профессиональное образование естественника позволяло анализировать свои наблюдения. В дневниках отражена не только природа Монголии, но и богатство животного мира края. Сергей Александрович был не только натуралистом, но и охотником, рыболовом. Свое увлечение он пронес через всю свою жизнь. В книге "Необычные случаи на охоте и рыбной ловле" собраны воедино все интересное, что с ним происходило не только в Монголии, но и на берегу Черного моря, в Поволжье, на Дальнем Востоке, где он путешествовал позже.

Некоторые описания природы в этой книге он взял из дневников. Иногда они представляют собой научно-точную фиксацию состояния различных ландшафтов, атмосферы, описания промысловой фауны, но чаще в них привнесен человеческий фактор: автор рассказывает о взаимоотношении человека с природой.

С.А. Кондратьев, кажется, исходил вдоль и поперек все северные горные области страны: был на Алтае, Саянах, в Забайкалье, прекрасно знал всю западную часть - Хангай, и восточную - Хентэй, пил воду из Иро, Хары, Орхона и Керулена, бродил в глуши замшелых лесов, взбирался по осыпям горных хребтов, прикрытых островками кедрового сланца, наблюдал замысловатые петли рек на дне долин, поднимался на многоярусные береговые террасы, которые были свидетелями изобилия и щедрости в предшествующие геологические периоды, пересекал травянистые "увалы" и лесистые "покати", вдыхал пряный, смолистый аромат даурского рододендрона и наблюдал... изучал... Двигателем всего было, как он сам признавался, "чувство стремления в неизвестное под напором расцветающих сил". Именно это состояние, очевидно, позволяло ему увидеть косуль так, как он описал их в своей книге: "Они мчались длинными летящими прыжками, с изумляющей легкостью. Казалось, их тела были наполнены воздухом, а не мускулами и

костями. Видны были их точеные ноги, стройные шеи, высоко поднятые гармоничные головы. Эта воздушная скачка завораживала".

До Монголии Сергей Александрович был знаком с нарезным оружием. Поэтому перед вступлением в Монголию, когда экспедиция задержалась на полтора месяца в Троицкосавске, П.К. Козлов организовал для членов экспедиции учебные занятия, поскольку хорошо помнил о возможных встречах в Тибете с шайками разбойников. Каждый день он обязал всех ходить на стрельбище и палить по мишеням из разных положений, чтобы поднатореть в этом деле. Все эти навыки очень пригодились впоследствии: было собрано большое количество экземпляров животных из различных мест Монголии для музейных коллекций. Кроме того, охота кормила и разнообразила рацион членов экспедиции. О первой охоте в январе 1924 года через тридцать лет напишет Кондратьев, что ничего не истерлось из памяти « ни густая синева над оснеженными горами, ни голубые тени в ложбинах, ни темная зелень сосен, ни их рыжие как солнце стволы, ни легконогие порхающие звери... и столб снежной пыли над тихой поляной». Дневники С.А. Кондратьева позволяют коснуться еще одной деликатной темы, которая глухо и незримо присутствовала во всем, что касалось последних лет жизни П.К. Козлова и тянулась как шлейф вплоть до самой смерти Елизаветы Владимировны Козловой-Пушкаревой. Изданные ею дневники П.К. Козлова в 1949 г. эту тему не только не раскрывают, но всячески снимают возможность ее существования.

Честное и бескомпромиссное перо Кондратьева зафиксировало драму, которая могла быть тонко спланирована определенными заинтересованными кругами, с целью вывести из строя путешественника, научная ориентация действий которого не очень согласовывалась с планами Политбюро Советской России и Дальневосточного Секретариата Коминтерна. Параллельно с экспедицией П.К. Козлова готовилась "секретно-

рекогносцировочная экспедиция", имевшая чисто политические задачи - установление контактов с Далай Ламой. Эта операция была успешно проведена: С.С. Борисов, бывший коминтерновец, сотрудник Восточного отдела НКИД благополучно достиг со своим отрядом тибетской столицы 1 августа 1924 г. За спиной офицера старого режима, имевшего широкие контакты и взгляды, не всегда приветствовавшиеся новым правительством в Москве, происходила сложная игра, плелись хитроумные интриги. 63х-летнему П.К. Козлову, который был счастлив во втором браке со своей молодой женой – Елизаветой Владимировной, самый сильный удар можно было нанести именно со стороны личной жизни. Это и было сделано весной 1924 года, по возвращении его из Москвы в Монголию в Судзуктэ, где работала тогда экспедиция и где часть зимы провела Елизавета Владимировна. Главными действующими лицами в этой, возможно, срежиссированной кем-то пьесе, оказались Кондратьев, Козлов и Козлова-Пушкарева.

Дневники Кондратьева подробно передают события этих нескольких драматических дней, когда каждый из них нашел в себе силы открыто и мужественно разобраться в ситуации, понять, простить и сберечь самое ценное - человеческие отношения и уважение друг к другу. Кондратьев оставался другом Елизаветы Владимировны всю свою жизнь, свидетельством тому - несколько папок писем, хранящиеся в музее-квартире П.К. Козлова в деле № 10.

Может быть, в контексте современной жизни и настроении общества его сентенции, записанные в Дневниках, такие как: "жизнь всегда тревожна, смерть отрадна", "любовь к фортепьяно мне привили искусственно", "и все-таки всегда отрадно помнить о смерти", "жизнь создает творчество, а не творчество создает жизнь", "мы позабыли своих учителей", - звучат неожиданно, но они говорят о его высочайшей духовности и напряженной работе мысли. Кульминационным событием своего духовного роста он считал январь 1922 г. Разгадать, что же

произошло тогда, возможно, удастся будущим исследователям. Но уже сейчас его слова "Каждый мерит мир своей душой", звучат как эпиграф ко всей его честно прожитой жизни.

Авторы, подготовившие настоящее издание, приносят благодарность всем, кто предоставил нам возможность познакомиться с Дневниками С.А. Кондратьева и оказал помощь при подготовке их к изданию: зав. фотоархивом Института материальной культуры РАН - Г.В. Длужневскую – за доброжелательность и искреннюю заинтересованность в скорейшей публикации Дневников; с.н.с. СПбФ ИВ РАН Сектора Южной и Юго-Восточной Азии Селиванову Т.П. - за перевод писем Кондратьева, адресованных М.И. Клягиной-Кондратьевой, написанных на урду; с.н.с. музея-квартиры П.К. Козлова А.И. Андреева и н.с. Т.И. Юсупову – за помощь в атрибуции собственных имен, встречающихся в Дневниках, и всех, кто оказался причастен к этому изданию.

И. Кульганек.

Путевой дневник

Книга 1

NB. Красным карандашом отчеркнуты в 1933 г.
описания ландшафтов.
Стр. 23, 24, 31, 34, 35, 50, 71, 79, 169, 171, 179, 180, 183, 291, 292, 312, 314, 315, 321, 326, 338.
С. Кондратьев. [1 стр.]

1923 г.

25/VII. Среда.

Сегодня с поездом 15 ч. 20 м. с Николаевского вокзала отбыла наша экспедиция в следующем составе:

1) П.К. Козлов.
2) Е.В. Козлова.
3) С.А. Глаголев.
4) Н.В. Павлов.
5) С.А. Кондратьев.
6) П.М. Саранцев.
7) К.К. Даниленко.
8) А.Д. Симуков.
9) Е.П. Горбунова.
10) В.М. Худяков.
11) П.С. Савельев.
12) В.М. Канаев.
13) Н.Ю. Касимов.
14) М.П. Налетный[1].

Вагон дали приличный - 2-го класса, но жесткий. Я поместился в двухместном купе с С.А. Глаголевым (далее: С.Ан. - И.К.). Пока из всего состава экспедиции он мне наиболее близок. Товарный вагон [2 стр.] с нашим грузом (около 300 п.) прицеплен сзади классного вагона. Мы уже отъехали более 130 верст, кто-то из участников в дальнем купе чуть слышно бренчит на мандолине, а из сознания не выходят тяжкие минуты расставания. Провожали: папа, Надя, Митя с Гулей на

руках, Татьяна Ал., Андрей, и МИК[2]. Как она трепетала от горя. Последние поцелуи. Кольцо. Две розы в вагоне. Шляпы и руки в воздухе. Вот и все. Трудно. Но слез у меня не было. Зато сейчас не могу ни писать, ни думать о МИКе. Сейчас мне давит в висках и хочется плакать. [3стр.]

26/VII. Четверг

Вчера в 23 ч. нас отцепили от почтового поезда на ст. Тихвин. Аргумент: товарному вагону слишком опасно идти с такой скоростью. Неожиданно неприятно. Поедем только в пятницу утром товарно-пассажирским поездом. Тихвин - неважный городишко. Впрочем, церковь довольно красива. В монастыре не был. Вечером был в городе с Н.В. Павловым (далее: Н.В. - И.К.). Смотрели в летнем театре «Ревность» Арунбалиева. Труппа из Петрограда. Прилично. Перед спектаклем заходили с ним в 2 частных дома (к незнакомым), где я играл на [4 стр.] рояле. Сыграл 2 раза сонату, 2 раза romance, 1 раз прелюд c-m, 2 раза балладу, триаду, "У моря ночью" и небольшую мелодию из "Укрощения строптивой". Приятно было размять пальцы. В вагоне славно, П.К. (Козлов. Далее везде: П.К. - И.К.) в отличном настроении, несмотря на задержку.

Сегодня день рождения МИКа. Больно. Заплаканное лицо так врезалось в меня. Уезжать легко, оставаться трудно. Но ведь... "и ты не делаешь ошибки". Эти слова Сандоржи подкрепляют во мне бессознательную уверенность в необходимости моих странствий. [5 стр.]

27/VII. Пятница. Череповец.

Сегодня в 11 ч. мы отбыли, наконец, из Череповца, прикрепленные к длинному составу из товарных вагонов. Сегодня я с Налетным дежурил в товарном вагоне. (Он, между прочим, горький пьяница). Ночью будем в вагоне оба, а днем

дежурили попеременно. Я с 12-ти до 6-ти. Чудесно было ехать одному среди мешков и тюков. Думал о МИКе.

Вечером в первый раз играл на гитаре. (С.Ан. на мандолине). Остальные подпевали по мере сил. Дело наладится. Днем в вагоне набросал, [6 стр.] между прочим, следующие фрагменты[3]:

1. Хорошо из двери вагона
Под барабан дождя
Глядеть на зеленые склоны,
Убегающие поля.

2. И на чахлый хвойный подлесок
Который скуден и мил,
Который я с самого детства
По родному нежно любил.

3. Хорошо, что нежно алея
Ласковым цветом маня
Как свечи, горят кипреи
Провожающие меня. [7 стр.]

6. В визжащем, грязном вагоне
Ящики, сумы, тюки.
Куда-то их всех загонит
Игра незримой руки.

7. Рядом со мной винтовка,
Из которой мне, может быть,
Придется желтый череп
Выстрелом раздробить.

8. И тогда я увижу руки,
Вскинутые к небесам
Томительный миг разлуки
Тоску по родным пескам.

9. А, может быть, я своим телом

Придавлю горячий песок
..... [8 стр.]

Ведь никто не знает, что слаще:
Целовать ли губы милой,
Иль на горном пустынном кряже
Быть опущенному в могилу.

Любовь к земле осушит
Слезы в глазах у милой.
Но слезы и губы милой
Моей тоски не потушат.

10. Дороги жизни капризны
Но источник у них один
Нас зовут голоса отчизны
....

4. На вокзале красные розы,
Исстрадавшееся лицо, [9 стр.]
Невыплаканные слезы
И золотое кольцо.

5. Хорошо, что путь нам выпал трудный
В далекий горный Тибет.
Хорошо, что бури и вьюги
Заметут проложенный след.

Только что тронулись дальше. Скоро идти на дежурство. Надо почитать Евангелие. Индусским занимаюсь исправно (урду - И.К.). [10 стр.]

28/VII. Суббота.

Ночью сочинял с гитарой. Эскизно - Гумилева "Я помню милую дорогу", затем refrain к нашему гимну:

Вперед, вперед, все дальше на Восток
Друзья, как радостно бродить по свету.
Вперед, вперед, все дальше на восток

Нас ждут хребты далекого Тибета.

Написал открытку нашим, но еще не послал.

Дополнял стихотворения. Вот эти дополнения:

8. А, может быть, я своим телом
Придавлю горячий песок,
И друзья полотенцем белым
Закроют пробитый висок. [11 стр.]

9. Но не страшно, а сладко думать,
Что в честном мужском бою
Сам Михаил Архангел
Примет душу мою.

11. И никто не знает, что слаще:
Целовать ли губы милой,
Иль на самом пустынном кряже
Найти каменную могилу.

(1-ая строфа)
Хорошо, что все мы, как дети,
Отпущенные из тюрьмы.
Хорошо, что наш предводитель -
Такой же бродяга, как мы.

В 4 ч. Приехали в Вологду. Уехали часов в 7. [12 стр.]

12 ч. 30 м.

Последняя редакция стихов.

Хорошо из двери вагона,
Под барабан дождя
Глядеть на зеленые склоны,
Убегающие поля.

И на чахлый хвойный подлесок,
Который скуден и мил,

Который я с самого детства
По родному /нежно/ грустно любил.

Хорошо, что нежно алея,
Ласковым цветом маня,
Как свечи горят кипреи,
Провожающие меня. [13 стр.]

На вокзале красные розы,
Исстрадавшееся лицо,
Невыплаканные слезы,
И золотое кольцо.

Оно расскажет мне скоро,
Прав я был или нет,
Что еду в далекие горы
От любимой ушел /еду/ в Тибет.

Хорошо, что путь наш трудный
В далекий горный Тибет
Хорошо, что бури и вьюги
Заметут проложенный след.

В визжащем, грязном вагоне -
Ящики, сумы, тюки.
Куда-то их всех загонит
Игра незримой руки. [14 стр.]

Рядом со мной - винтовка,
Из которой мне, может быть,
Придется желтый череп
Выстрелом раздробить.

А, может быть, я своим телом
Придавлю горячий песок.
И друзья полотенцем белым
Закроют пробитый висок.

/Но/ Не страшно, а сладко думать,

Что в честном мужском бою
Сам Михаил Архангел
Примет душу мою.

И никто не знает, что слаще:
Целовать ли губы милой,
Иль на самом пустынном кряже
Найти каменную могилу. [15 стр.]

Дороги жизни капризны.
Но исток у них один.
Нас зовут голоса Отчизны,
Позабытой в полях земных.

Хорошо из двери вагона
Под барабан дождя
Глядеть /смотреть/ на зеленые склоны
Уплывающие поля.

И знать, что забытые /суровые/ страны
Нам придется вместе пройти
Исчезающим караваном
По неведомому пути.

Около Галича очень красивые места. Опустил 2 письма: домой и МИКу. [16 стр.]

24 ч.

Читал вечером вслух Гумилева и свое стихотворение С.Ан. и Елене Петровне (Горбуновой. Далее: Ел.П. - И.К.). Все очень понравилось, в особенности последней. Вечером немного играли и пели. Занимался как всегда. П.К. рассказывал о своих охотничьих азиатских впечатлениях. Очень интересно.

На станциях продают много ягод: землянику, малину, чернику. Ягоды, молоко, хлеб и яйца - почти исключительно этим и питаешься. [17 стр.]

29/VII. Воскресенье. 11 ч. 30 м.

Сегодня утром в 5 ч. получили в Шарье телеграмму из Наркомпути с разрешением прицепиться к почтовому поезду (ответ на нашу телеграмму - вопль из Тихвина). Прицепляться будем, наверное, в Вятке.

22 ч.

В 7ч. прибыли в Вятку. Разбирался в вещах, читал "Tristan et Isent"[4]. Только что прочел вслух компании рассказ Мейринка "О розах профессора"[6]. Наш поезд здесь расформировался. Придется ждать. Купил "Голема"[7] на вокзале. [18 стр.]

30/VII. Понедельник.

13 ч.

Только что кончилось неприятное стояние в грязной Вятке. Нас прицепили к почтовому № 4. За час до отхода поезда нам сказали, что нас не прицепят. Мы с С.Ан. и Саранцевым отправились в отделение. Там стали требовать отправки и угрожать телеграммами Совнаркому. Хотели говорить с Правлением в Екатеринбурге, но оттуда почему-то не отвечали. Потом внезапно нашу прицепку разрешили. Очевидно Отделение вовсе и не сносилось [19 стр.] с Правлением. Вообще важный практический вывод: при железнодорожных затруднениях в сравнительно крупных центрах, не полагаться на дежурного или начальника станции, а немедленно отправляться в высшие органы ж.-д. Управления и настойчиво требовать там.

(Маленький песик).

24 ч. 30 м.

Днем читал долго "Tristan et Isent". Очень хорошо. Потом вслух - Гумилева "Костер". С.Ан. и Ел.П. Затем вечером

пошли с С.Ан. играть на мандолине и гитаре [20 стр.] к П.К. в купе. После игры ("Стенька Разин", "Байкал", мой новый романс) П.К. часа три подряд говорил о своих прошлых экспедициях и спутниках. Он необыкновенно интересно рассказывает. Память изумительная. После таких рассказов невольно приходишь к выводу, что "путешественником надо родиться".

Но как часто без всякой причины мысли перебрасываются к МИКу. Что он делает, маленький, брошенный? Индусским заниматься до сих пор горько. [21 стр.]

31/VII. Вторник.

22 ч.

Подъезжаем к Екатеринбургу. Особенно красиво было сейчас же за станцией Кунгур. Сегодня П.К. заинтересовался моими ботаническими знаниями, предложил мне изучить еще инструкции по энтомологии и сказал, что вероятно не оставит меня в Цайдаме[7]. Во время моего дневного дежурства ехал часа 1,5 со мной вместе и рассказывал много интересного. Между прочим, он очень любит С.Ан., Налетного же называет кратко сволочью. "Я очень доволен, [22 стр.] когда его не вижу". Потом ко мне пришли С.Ан. и Ел.П. Мы с С.Ан. разучивали refrain путевой баллады. Я приписал 2-й голос. Вечером я, С.Ан., Павлов и Симуков разучивали до одурения бетховенский канон, а также refrain. Читал "Tristan et Isent" - нравится. Очень вспоминал о МИКе. Скоро идти на ночное дежурство, а очень хочется спать. Слава Богу, гитара вывозит. Буду отделывать гумилевский текст. [23 стр.]

1/VIII. Среда.

Стоим в Екатеринбурге. Утром занимался немного тюркским с Касимовым. В 4 ч. пошел в город. Пруд хорош. Вообще же пыльно и грязно. Поехал на автобусе в Шартаж (6 верст). Озеро того же названия очень красиво. Холмистые

берега, поросшие лесом, прозрачная вода, разукрашенное облаками и закатом небо. Кругом сосновые (опрятные) леса. Отсюда недалеко "каменная палатка". Как бы искусственно положенные друг на друга столообразные глыбы гранита. К сожалению, все они [24 стр.] испещрены надписями (преимущ. фамилиями). С неё -красивый вид во все стороны горизонта, в особенности на запад, где как бы на втором плане за лесом, далеко намечаются синие холмы. Обратно шел пешком. Читал вслух Гумилева и произносил индусские монологи. Вечером имел длинный спор с Николаем Васильевичем. Тема: критика и защита позитивизма. Спор, конечно, ни к чему не привел, но это было нужно. [25 стр.] Присутствовал Симуков, но он еще молод. До этого читал им вслух из Мейринка. Утром купил МИКу золотистый топаз. Кончил "Tristan et Isent". Необыкновенно трогательная и прекрасная вещь.

2/VIII. Четверг. 22 ч.

С утра пошли в музей Общества любителей естествознания. Материала много, но он плохо систематизирован. Кроме того, помещение тесно. Лучше всего - камни. Среди них хороши разнообразные яшмы. Я, согласно желанию П.К. [26 стр.] пересмотрел при помощи студента-энтомолога всю энтомологическую часть и выпросил у музея в пользование на 3 года определитель насекомых Шлехтендаля и Вюжне. Когда рассматривал бабочек, многое вспомнил. Пригодились занятия с Николаем Павловичем. После музея отправились с Н.В. к знакомым Налетного, чтобы поиграть на рояле. Там оказался хороший Mühlbach. Впрочем, перед игрой пришлось нагрузить сверху некоторые dampfer(ы)[8], чтобы [27 стр.] не гудела педаль. Сыграл: 1) Сонату, 2) "Похоронный Марш", 3) Прелюд c-m, 4) Romance, 5) Prelude E-d, 6) Октавный этюд, 7) Пролог из "Странника", 8) "Любовную мелодию", 9) "Весну2, 10) "Сестры", 11) "Балладу", 12) "У моря ночью". После игры угощали чаем, за которым бесполезно и малоинтересно гово-

рили о "Турандот". Во время обратного путешествия на вокзал говорили с Н.В. об отношении П.К. к спутникам и о членах экспедиции вообще. Думать о МИКе больно и сладко. [28 стр.]

3/VIII. Пятница. 21 ч.

Вчера, примерно в 23 ч., мы выехали из Екатеринбурга. Сегодня в 13 ч. - из Тюмени. День прошел рассеянно и в смысле экспедиционных занятий малоуспешно. Занимался ботаникой с Н.В. Знакомился с энтомологическим определителем - определял пойманную на одной из станций стрекозу. Вот и все. Немного беспокоит меня мой кишечник (прямая кишка). Мы едем по нелюбимой мною полосе Сибири. Болота с солонцами. Кое-где березовые лески. Займища с островками деревьев на [29 стр.] них. Жарко. Пыль. Маленькие грязные станции. Сейчас темно. Звезды. Над горизонтом - Юпитер. Наверное, МИК обо мне очень грустит. Я весь день с тревогой и беспокойством возвращаюсь мыслями к нему. Сегодня у меня опять это чувство, которое уже довольно давно стало появляться во мне – "Жизнь моя идет к закату". Неумолимо. Это не грустно, и в то же время непоправимо. И кто-то ведет меня. И МИК тоскует по мне. Ну, ничего. У него пройдет, - а у меня -нет. Но в то же время страшно подумать, [30 стр.] что экспедиция может почему-нибудь распасться.

Сегодня в Тюмени смотрели животных и птиц, которых везут с Дальнего Востока на выставку. Приметны пятнистые олени (Axis). На одной из станций случайно встретился с моим знакомым по Кавкурсам. Он едет в нашем поезде в Кяхту.

Необычайно ярко горит Арктур. Совсем не то, что в Пулкове. [31 стр.]

4/VIII. Суббота. 22 ч.

Около 13 ч. прибыли в Омск. Хорош Иртыш, желтый с большими песчаными отмелями. Часа через полтора уехали

из Омска. Местность все та же. Степь, солонцы, обилие птиц, болота. Немного занимался ботаникой. Вечером музицировали у П.К. Сибирские песни с моим припевом. Потом я пел свой романс: "Я видел пред собой дорогу". Как всегда занимался урду. А ведь когда я давал этот обет с Мих.Мих.[9] 10. XI. 22 г. в столовой Центросоюза - я еще не подозревал о Тибете. [32 стр.]

5/VIII. Воскресенье. 23 ч.

Около 11 ч. приехали в Ново-Николаевск[10] (на Оби). Кстати, время я все время отмечаю по петроградскому железнодорожному. Среднее петроградское + 1 ч. Часа полтора простояли. От Ново-Николаевска местность постепенно меняется, делается пересеченной. Горизонт делается слегка холмистым, появляются долины, лески. Прямая линия дороги начинает прихотливо изгибаться, мосты, подъемы, спуски. Часов около 17-ти переехали полноводную, широкую Томь[11].

Флора (придорожная) делается разнообразной. [33 стр.] Впервые появляются Delfinium elotum, Aconitum Casiostomum, Platontera difilio. Вновь зажигаются знакомые кипреи. Около 21ч. приехали в Тайгу. (Пересадочная станция на Томск).

Сегодня дежурю. Днем порядочно трясло и мотало. В задней части вагона тюки слезают. Надо лучше укладывать. Скоро идти на ночное дежурство. А у МИКа сегодня, должно быть, гости. Может быть, Ек.Георгиевна, К.А.[12]. "Я буду ждать Вас, радость, я не забуду Вас". [24 стр.]

6/VIII. Понедельник. 20 ч. 30 м.

В 16 ч. прибыли в Красноярск. Местность начинает становиться разнообразной и прекрасной верст за 100 с небольшим до Красноярска. Начинают обнаруживаться Саяны. Повсюду холмы, то красные обнаженные (с одной стороны), то травянистые, то покрытые лесом, главным образом сосной.

Часто видны обгорелые деревья. Знойно, мга. Солнце в дымке. Пахнет смолистой гарью. Повсюду холмы, и постоянно - в 2-х 3-х планах перспективы. Дорога по-прежнему извивается. Иногда приходиться ехать [35 стр.] даже на С-З. Солнце заглядывает то в правые, то в левые окна вагона. На вокзале в Красноярске плохо. Пыль, гарь, дым, копоть. Но вот уезжаем, часов в 17. Верста - и необыкновенный Енисей. Широкий, могучий, в сумраке между величественными крутыми берегами. В вагонах, как и прежде охрана. Окна закрывать. Говорят, что здесь также неспокойные места. У нас приготовлено оружие и усилена охрана товарного вагона. Написал 3 письма: МИКу (II), Надежде Мих. и в Университет. [36 стр.]

7/VIII. Вторник. 18 ч. 45 м.

В 14 ч. прибыли в Нижнеудинск[13]. Панорама, предшествующая Нижнеудинску, прямо грандиозна и представляет собою развитие характера местности у Красноярска. Сегодня дежурю. Ночью втроем. Опасные места. Написал 10 строф новой баллады. Послал написанные вчера письма в Университет и Над. Мих. Кроме того, написал и послал письмо со стихотворением в ВЯМИ ("Баллада о Страннике, Мудреце и Поэте")[14]. [37 стр.]

9. Четверг. 10 ч.

Вчера около 11 ч. прибыли в Иркутск. Вся прелесть его панорамы погибла нынче во мге. Пыль и солнце, как мутный, тусклый круг. Непосредственно после приезда отправился в баню с Н.В. После 14-ти дневного путешествия в пыли этот обряд принимает характер ритуала. Из бани поехали к Сарцевичу. Там ели "мапутку" (холодную простоквашу) и пирожные. Оттуда отправились в нотный магазин на Большой. Анекдот с приказчиком. Потом поехали к Шимановскому. Он такой же. А крестница моя - шустрая девчонка, хорошенькая [38 стр.] 7 лет! Сережа через месяц переезжает в Феодосию.

По пути завезет МИКу топаз. Хорошо было пить чай с малиновым вареньем в саду под вечерним небом. Потом рассматривали старые пулковские фотографии и карту финляндского путешествия. Реминисценции. Поздно вечером ходили с ним на радиостанцию. Оказывается и Бордо и Пауэн слышно. Вернулись. Он лег спать, а я писал МИКу письмо на урду которое вложил в раннее написанное и все отослал сегодня. [39 стр.] Сегодня с утра пошли в город. Сговорились с его знакомой по поводу игры на рояле. Я пробовал его. Хороший, новый "Беккер". Приценялся к свечам на базаре, был в банке, узнал адрес доктора по внутр. болезням, были у местного композитора И.А. Белоголового. Нет ли "Клавиров" Вагнера. Он дал адрес знакомого, но вряд ли тот продаст. В настоящее время пишу в вагоне. К 22 ч. надо быть зачем-то у П.К. (Преображенская 55). [40 стр.]

11/VIII. 11 ч. 30м.

Вечером 9-го, был в 22 ч. у П.К. на Преображенской. Там я увидел в первый раз Даниила Убугунова[15]. Бурят, лет 25, с шарообразной головой. Оказывается, он только что получил мандат из центра, и ничего не знал о своей поездке. Не знаю, что это за человек. Но первое впечатление скорее положительное. П.К. много говорил о значении и задачах экспедиции. Потом С.Н. Родионов показывал часть своей коллекции. Он принадлежит к энтузиастам- любителям. Я таких одержимых [41 стр.] люблю. Оказывается, у него накопилось около 70 000 (пауков). Убугунов ушел. Я по просьбе играл на очень приличном "Шредере". "Прелюд c-m", "Октавный этюд", "Балладу", "Триаду", "Дорогу", "Romance". П.К. был очень мил. Вернулся в вагон после 24 ч. Вчера с утра поехал к Сереже. Его с женой не было. Пришла Ольга Ивановна Мейер. Я условился с ней играть у них сегодня. По приходе Сережи поверяли его № 194. Его поправка теперь - 40.6. Таким образом, его ход за истекший месяц - 0.9.(примерно). [42 стр.] До этого ход был - 1 ч. Принимая во внимание жару в вагоне,

замедляющую ход, результаты поверок следует признать вполне удовлетворительными. По пути на обсерваторию купил 26 ф. свечей по 75 р.ф. (покупал на базаре). К 17 ч. собрались к дому проф. Дорогостойского на углу Казарминской и Ангары и поехали на моторной лодке вверх по Ангаре (верст 6). Там погуляли на островке, бросали камни. Вернулись к пристани в [43 стр.] 21.30. Вечером были в гостях у Пабленевича. Он геодезист. Бывал в Пулкове. У него хорошая коллекция разных бабочек. После ужина я играл на великолепном "Mühlbach,e": "Сонату" 3 раза, "Балладу", "Триаду", "У моря ночью", Моцарта, Гумилева, "Октавный этюд", "Прелюд c-m", Прелюды e-m, E-d, "Похоронный марш". Отвратительное пятно на вечере - пошлая певица (цыганские романсы и вообще дрянь). К счастью я ей проаккомпанировал только один романс. Очевидно был мрачен и [44 стр.] она больше не пела. П.К. очень интересно по карте говорил Пабленевичу о пути и задачах экспедиции. Мы все смотрели и слушали. По возвращении в вагон беседовали очень хорошо (часа 2) с Ел.П. и С.Ан. о пути и об отношении членов экспедиции, в частности о неприятных мыслях Ел.П. (П.К. жалеет её как женщину, и т.д.). Сейчас пойду в город: сапоги, доктор, потом - Сережа. А вечером буду играть у Мейер [45 стр.] Их адрес: Матрешинская 12.

Афоризмы житейской мудрости, относящиеся к сегодняшнему утру: 1. В белых штанах не покупать только что прокопченных хариусов.

2.А если же это неизбежно, то нести хариуса на далеко вытянутых руках.

3.Если желтый цвет нравится меньше коричневого, не смазывать жирные пятна желтым мылом с целью их удаления.

12/VIII. 23 ч. 10 м.

Вчера около 13 ч. Отправился в город. Был у доктора Пегавинского (уг. 4-ой Солдатской и Большой). Потом в ап-

теке [46 стр.] купил cathartic. Пошел к Шимановскому. Молодая картошка. Вечером он, жена и я к 7 часам пришли к Мейерам. Потом я весьма много играл. Между восемью и девятью пришли С.Ан., Н.В. и Ел.П.

Программа:

1) Соната
2) Прелюд c-m
3) Похор. Марш
4) Октавный этюд
5) Пролог из «Странника».
6) Любовная мелодия
7) Прелюд C-m
8)Прелюд E-d
9) Romance
10) Триада
11) Моцарт
12) У моря ночью
13) Верь любви
14) Весна
15) Волошин - 2 раза
16) Луна восходит
17) Дорога
18) Птичка
19) Цветик белоснежный.
20) Баллада
21) Янко
22) За то, что голосом своим и взглядом.

[47 стр.] Прощание с Сережей. Потом на извозчике с хронометром, свечами и Ел.П. через морем пахнущую Ангару домой. Перед сном - практика небесной топографии (с Симуковым). Как всегда - индусский.

Сегодня выписал на табличку поправки и ходы хронометров. Сравнивал №194 с Riefler,ом на метеорологической обсерватории. Это лучшие часы во всей Сибири. Переписываю сюда, боюсь что П.К. потеряет опять ее. [48 стр.]

13/VIII. 9 ч. 30м.

Час тому назад приехали в Верхнеудинск[16]. Я только что проснулся, так как лег около 5 час. Налетный опоздал сменить меня на дежурстве. Здесь уже только звонкая монета. Совзнаки отошли. Но все очень дорого. Белый хлеб, напр. 25 к. ф., молоко - 15-20 к., малина - 90 к., и т.д. Я купил себе на последние дензнаки немного серебра. Стоило оно: 1 полноценный рубль - 155 миллионов, а в мелочи - 60-70 миллионов.

Вчера выехали из Иркутска примерно в 11 ч. Провожали [49 стр.] Родионов, Ильюшевичи и др. В 13 ч. 15 м. прибыли на ст. Байкал. Тут впервые открывается «Святое море». Начиная от этой станции, дорога вьется по берегу Байкала и не расстается с озером до утра следующего дня. Скоро за станцией Байкал начинаются туннели, я их насчитал 51 (вместе с бетонными прикрытиями). Самые длинные туннели по счету 19-й (14 ч. 52 м., около 250 с., очень прямой при этом, так что, высунувшись из окна, можно видеть оба отверстия все время), 25-й (15 ч. 55 м., около 300 с.), [50 стр.] 34-й (около 350 с.), 44-й (примерно 16 ч., около 250 с.) Кончаются туннели недалеко до станции Кунтук, куда мы прибыли в 17 ч. 5м. Окаймляющие Байкал высоты, по-моему впечатлению, поднимаются иногда до 150 м. Породы - сланцы и граниты. Выше - песчаник. Известняк - редко. К сожалению, мга суживала горизонт. И почти повсюду берегов не было видно. В некоторых местах на 180 градусов развертывалась перед глазами зеленая свежесть озера. Милый МИК. Если бы он видел эту красоту! [51 стр.]

В 22 ч. 30 м. прибыли в Танхой. Я чуть было не пристрелил таможенных. осмотрщиков, невидимо подошедших в сумраке и захотевших влезть в вагон. Все обошлось благополучно. Осмотра не было. Проехали еще несколько станций. Наконец около 7 ч. сегодн. дня простились с Байкалом и повернули на Восток.

15/VIII. 4 ч. 40 м.

В понедельник пошли было с Симуковым, Касимовым и Канаевым на охоту с винтовками. Но пошел дождь. Пришлось вернуться. Впрочем, как мы узнали потом, охоты здесь вблизи нет, [52 стр.] надо уходить верст за 25. Читаю «Жизнь пчел» Мейринка.

Вспоминаю В. Вагнера. Поистине человеческое мышление растяжимо.

Вчера днем писал отчет (денежный), читал "Жизнь пчел2 и немного "Монголию и Амдо"[17]. Вечером с Н.В., Симуковым и Ел.П. пошли на Большую ул. в партклуб. Там отличный "Беккер" и очень хорошее помещение. Кроме нас было еще 2 морлока[18]. Я был англичанином, ничего не понимающим по-русски. Смеялись очень. Н.В. оставил в клубе благодарственную. записку по [53 стр.] поводу экспедиции, англ. музыканта и культурной деятельности клуба. Сыграл: "Сонату", "Romance", "Тему d-m", "Похоронный марш". "Пролог из "Странника". "Любовную мелодию", "Марш", "Свадебный марш Петруччио". Пытался спеть балладу "по-английски". Спутники насилу удержались. Вообще смеялись они много.

16/VIII. 1 ч. 40 м.

Почти непосредственно после моей вчерашней записи, начали укладываться для переезда на пароход. Погода весьма скверная. Обложной дождь. Не сильный, но противный. Вещи [54 стр.] погрузили из товарного вагона на 7 маленьких подвод, впрочем, весьма компактно уложенных и перевязанных. Весь эшелон подвод отправили одновременно на пристань под моим руководством. Вещи пришлось сложить на открытой платформе, вблизи сходен и накрыть брезентом. Второй эшелон состоял уже только из 5 подвод, на которые легко погрузили личный багаж и особо ценные вещи, бывшие в классном вагоне. Таким образом, окончательно оставили вагоны и переселились на пристань часов около 10. Когда все уже было закончено, [55 стр.] обнаружилось, что сведения о прибытии парохода ошибочны, и что последний прибудет лишь 16-го утром, а может быть, и позже. Всем пришлось ночевать в пакгаузе на овсе. Вечером по желанию П.К. пели вместе, и я - solo, "Дорогу". Тут же в две минуты сочинил первый частушечный период нашей путевой Баллады, по поводу эпизода с Налетным, эпизода, который, как будет видно,

сыграл решающую роль в печальной эпопее нашего спутника. Эпизод этот можно представить в схематизированном, но довольно точном диалоге между [56 стр.] П.К. и пьяным Налетным утром 15 числа.

П.К.(довольно добродушно) - Где это ты опять нализался, Маркушка?

Нал. - (с подобострастным удовлетворением) - В городе, П.К.

П.К. - Откуда же ты добыл денежки?

Нал. - (кокетливо) А это секрет.

П.К. - (вспылив, с раздражением) Ах ты мерзавец! Какие у тебя могут быть от меня секреты? Говори сейчас же, где добыл деньги?

Налетный - (с юмором висельника) - Загнал свою бурку. [57 стр.]

Конечно, не этот эпизод сам по себе прервал путешествие Налетного. Он был лишь последней каплей недоверия, и скажу даже, брезгливого отвращения, которое П.К. питал к нему уже с самого начала экспедиции. Сегодня наконец, гроза разразилась: "Немедленно отстранить этого жида. Он опозорит всю экспедицию. Оставить его в Верхнеудинске. Кинематограф, принадлежности свезем в Кяхту и там сдадим их в ГО[19]. Налетного арестовать и отправить этапом в Петроград. Поручаю все это сделать вам (Глаголеву, мне и Павлову)". [58 стр.]

Мы с Павловым отправились сейчас же в местный Исполком, и там нам с большой готовностью предложили свои услуги по приведению в исполнение ареста Налетного. Удивительно все это просто делается в СР. Написали соответствующий документ, которым к счастью не пришлось воспользоваться, и, который, я вклею сюда[20]. Мы посоветовали П.К. другой план, который и был приведен в исполнение. Налетный получил 12 р. крупным серебром на проезд в Иркутск, [59 стр.] где у него были родственники. С другой стороны, его

патрону по кино в Москву послали телеграмму, с тем чтобы последний выслал для него деньги на проезд в Москву начальнику Иркутского вокзала, чтобы тот купил Налетному билет до Москвы. Вообще вся эта комбинация с арестом считалась нужной лишь для того, чтобы не дать возможности Налетному самому получить деньги на руки от Фельдмана. А то он их непременно пропил бы. Вся эта история, однако, несмотря на её юмористический [60 стр.] колорит в частностях, произвела на меня очень тягостное впечатление. Несчастный совсем был выбит из колеи, весь как-то дергался, от слез переходил к истерическим выкрикам и производил самое жалкое впечатление. Прощаться, впрочем, он пришел опять здорово пьяным. Подводя сухой итог всему инциденту, приходится констатировать: минус - потеря возможности привезти одну из самых интересных кинофильм, когда-либо запечатлевших природу, [61 стр.] плюс - избавление экспедиции от ненадежного во всех отношениях, болезненного, слабого и ленивого человека. Возвращаясь к частушке. Сегодня я бы, конечно, не мог сочинить её: Жалко Налетного. Но считаю нужным привести её так, как она была сформирована вчера.

Налетный. Налетный,
Что ты так весел,
Что ты так весел
В дождик такой?
Выпил, выпил,
На что я выпил,
То мой секрет.

Аккомпанемент восьмыми аккордами I-V-I-V-I-IV-I-V-I. [62 стр.]

2 строфа.

Налетный, Налетный,
Где твоя бурка,
Где твоя бурка
В дождик такой?

Пропил, пропил
Я мою бурку
За пять рублей.

В этом куплете первое "пропил" сопровождается re-minor,ом. В остальном - также.

Природа и лирика.

В настоящую минуту мы уже едем, и я пишу на верхней палубе парохода. Погода стала прекрасной. С утра дождь уже прошел, а теперь почти совсем ясно. Под нами Селенга с нежно-зелеными [63 стр.] и розовыми отсветами заката, вся в островах, покрытых ивняком и травянистыми полянами. А на горизонте, и вблизи, и вдали, всюду холмы и горы, то песчаные, то лесистые, то покрытые чахлой травой. Некоторые складки и вершины уже имеют характерную форму, не виданную мною раньше. В небе жемчужная прелесть молодого месяца, ("Бриллиантовое молоко", говорил маленький), и вечерняя прохлада. Умиротворенность. На воде стаи поденок. Против меня на противоположной стороне [64 стр.] палубы бурят в национальном костюме. Остроконечная шапка с красной кисточкой, грязный голубой халат, перетянутый черным, широким, мягким поясом, и сапоги с загнутыми вверх носками. Сейчас Котик обратил мое внимание на вершину одного далекого холма. На ней возвышение. Кое-кто говорит – "обо"[21]. В бинокль трудно рассмотреть так это или нет. Но слышать приятно. В воде появились поздние малиновые стрелы, а жемчуг луны превращается в металл. Город скрывается. [65 стр.] Сегодня, пока пароход еще стоял у пристани, я совершил небольшую экскурсию вниз по реке к "парому-самолету", какие ещё повсюду в Сибири имеют большое распространение. По пути нашел два интересных цветка: oxytropis (остролодочник) темно-бархатно-красный со светло-зелеными мохнатыми листиками, и matthiola fragvans, необычного для cruciferu светло-фиолетового цвета.

Интересную технику паромной передачи поясняю чертежом на след. странице. [66 стр.][22]

Когда паром отправляется от пристани I на левом берегу, то эта сплошная сторона подвергается большему влиянию течения, чем смежная с носами поддерживающих базис. Но канат, прикрепленный к якорной лодке и поддерживаемый 2-мя [67 стр.] или 3-мя промежуточными подвижными лодками, не позволяет парому плыть по течению. Когда же паром отправляется от пристани II, то канат прикрепляют на нем к столбу В и картина получается аналогичная.

Солнце зашло, холодно. Иду вниз.

18/VIII. 11ч.

С сегодняшнего дня время записей в дневнике буду обозначать по местному времени. Я поставил часы по среднему времени меридиана +106 градусов 30 мин. от Гринвича. Это время с достаточной точностью будет пригодно по крайней [68 стр.] мере для нескольких ближайших месяцев нашего путешествия. Разница со средним пулковским временем примерно 5 ч. 6 мин.

В ночь с 16-го на 17-е дежурил. Многозвездное небо. Холодновато. В одном месте сели на мель. Возились часа 2, пока не выбрались. В другом месте грузили дрова. Очень живописное зрелище было. Штабели сложены на берегу саженях в 30-ти от воды. Пароход к самому берегу пристать не может - мелко. Поэтому между берегом и пароходом втыкается в дно т.н. "вилка", на неё перекидывается с парохода узкий [69 стр.] трап, а другой трап - с "вилки" на берег. На берегу и около штабелей разжигают два костра, чтобы осветить дорогу грузчикам. Дрова накладывают на две длинные палки. Грузчики берутся за их концы и быстрым темпом перебегают по узким деревянным дорожкам. В плане все это выглядит так[23]. [70 стр.] Под конец грузки на пароход пришел толстый бурят без шапки и босой, в полотняных штанах со штанинами разной

длины и в полотняном балахоне. Он настойчиво хотел разбудить начальника команды и долго стучал в его запертую дверь. Наконец трапы убрали, пароход дал свисток. А бурят все продолжал стучать в дверь. В конце концов она открылась, и из темной комнатки просунулась рука с бутылкой водки. И вот толстяк, с тросточкой в одной руке и водкой в другой, идет к борту для обратного путешествия на [71 стр.] берег. Но трапы убраны. Бурят обескуражен. Наконец, при смехе команды спустили тоненький трап с парохода прямо в воду. Бурят спускается по нему, погружается до пояса в воду и радостно ругаясь в ночь, ковыляет к берегу. Когда пароход отъехал, то два костра были как жертвенники с огненными пьедесталами в дрожащей воде.

Кончил дежурить только в 12 ч. вчера. Мы с Савельевым разделились на 2 смены по 12 ч. Практический вывод: дежурить при таком распорядке во вторую очередь можно только [72 стр.] предварительно выспавшись днем, чего я как раз не сделал. Поэтому под конец было трудно. Вчера днем тоже не спал. Слишком душно было в каюте. Кстати, я помещаюсь вместе с Н.В. П.К. взял С.Ан. к себе. Днем в одном месте вылезали на берег. Сухие выжженные холмы и оргия кобылок. Удивительные насекомые! Вот как будто только на днях приобрели крошечные, несовершенные крылья и учатся летать. Неуклюжий полет, металлический звонкий машинообразный звук. Допотопное предчувствие [73 стр.] аэропланов. Потом занимались ботаникой. Я начал вести систематический список всем встречающимся нам новым , еще не виденным в путешествии, видам.

Вечером пели: наша компания и участники миссии, едущей на нашем пароходе в Ургу. Среди них очень славный доктор, флейтист. Пользуясь этим, я беру у него сегодня мой первый и, наверное, последний урок на флейте. Пели студенческие песни: "Байкал" и пр., почти все - с моим припевом. Вечером вылезли на корму [74 стр.] любоваться небом. Когда

остался один, беседовал со звездами и МИКом по-индусски. Потом повторял небо и поучал дежурящую Ел.П. Пошел в каюту уже около половины второго, но еще очень долго говорил с Павловым. Он очень славный человек, но тоже "один из прокаженных". Его миросознание вложено в него позитивизмом, а не выстрадано. Подчинение природе, а не воля. "Жизнь создает творчество", а не "творчество создает жизнь". Характерна его последняя фраза, после которой я замолчал и [75 стр.] заснул: "Мы, биологи, уважаем жизнь, а поэты относятся к ней как-то небрежно". Но думаю, что в глубине он мучается. Только не имеет силы освободиться от гегемонии биологических норм, придающих бытию его души иллюзорный покой. И вряд ли освободится - систематика победит его.

Некоторое время тому назад взял урок на флейте. Доктор, Александр Владимирович Байков был так любезен, что выписал мне аппликатуру трех гамм. Занимался опять с Н.В. ботаникой (II-й сбор на Селенге). [76 стр.] Пользуюсь временем записать те строфы Баллады, которые сочинил раньше[24].

Далека и трудна дорога
Из Урги в суровый Тибет.
Кости людей и верблюдов
Означают неверный след.

По этой хмурой дороге,
Давно, из далеких стран,
С богомольцами и дарами
Шел большой караван.

Меж путников было трое,
Которых избрал творец
Их души не знали покоя -
Странник, Поэт и Мудрец. [77 стр.]

Ученый давал советы
Начальнику каравана,
Предсказывал дождь, зной, ветер,

Губительные бураны.

Поэт слагал двустишья
Пел их красивым басом.
И за это его угощали
Купцы вином и мясом.

А Странник, он был не нужен
Вождю и купцам каравана.
Никто, никто не омоет
Ног запыленные раны.

Но молитва его сияла
Радугой над путем.
Незримым венцом пылала
Охраняющим всех щитом. [78 стр.]

Это она вдохновляла
Утомившегося певца.
И на верный путь направляла
Предсказания мудреца.

Уже грозные горы близко,
Подходит к ним караван.
Кровавое солнце низко,
Здесь будет отдых дан.

Мудрец и Поэт устали,
И странник изнемог.
Никто, никто не смоет
Пыль с израненных ног.

Ночь упала на скалы,
Исчез солнечный свет.
Все спят. Не спят лишь трое
Странник, Мудрец и Поэт. [79 стр.]

И слышат - земля задрожала,
И видят: в свете луны

Какая-то тень упала
На песок с высокой скалы.

20/VIII. 26ч. (дежурство).

В Усть-Кяхту приехали около 7 часов вечера. Таким образом, ехали около 2-х суток. С утра характер береговых склонов несколько изменился. Стали попадаться совершенно обнаженные дюнообразные песчаные склоны, также в обилии безлесные холмы, со скудным травяным покровом. Дыхание Гоби чувствуется. По приезде свалили вещи на пристани под открытым небом, и кто [80 стр.] где лег спать. Одни - на тюках, другие - под брезентом, мы с Н.В. - на веранде казенного дома. Ночью был сильнейший ветер, нас совсем занесло песком. К утру пошел дождь, но стихло. П.К., Котик и С.Ан. уехали совсем рано. Около 9 ч. приехали подводы в числе 21-й двуколки за грузом. Часа 2,5 перевешивали груз, потом тронулись. До Троицкосавска[25] около 23-х верст. Ехали долго, с остановками: лошади заморенные. Дорога хороша. В некоторых местах сырые луга с обильной растительностью, окаймленные склонами, увенчанные [81 стр.] прелестными сосновыми борами. В начале путешествия нас изрядно вымочило, но потом облака согнало, и мы обсохли. Дорогой немного поохотились. Савельев стрелял дважды из винтовки в подорлика, летевшего шагов на 50, а я из нагана в зверька, похожего на белку, но бегающего по земле и живущего в земляных норах. Оба не попали. Это первые выстрелы, сделанные в экспедиции. На закате, часов в 19 приехали в город, который, расположенный в долине, показался нам всем очень уютным. Тотчас по въезде в город, нас встретил посланный П.К., [82 стр.] указал нам дом Вязигиных, на S окраине города, где остановился П.К. и пригласил нас пить чай, что всеми было принято весьма сочувственно. Приехали. Перенесли весь груз в дом (большой, 2-х этажный, деревянный) и потом утомленные, пошли в здание училища, где отделением ГО во главе с

П.С. Михно нас ждал сытный ужин, чай и вообще радушный прием. Еще до этого, в доме, мы познакомились с нашим новым спутником Гусевым (по стилю напоминает Худякова), а также старым спутником П.К. и Пржевальского - Пантелеем Прокофьевичем Телешовым, живым, [83 стр.] симпатичным старичком, который за 70 верст приехал в город снарядить нас и поучить вьючению и пр. По всей вероятности, он проводит нас до Урги. Спали как попало. Сегодня с утра начали устраиваться. Я с Н.В. поместился наверху в просторной комнате, где кроме того будет ботаническая и энтомологическая лаборатория. Вычистили, вымыли, поставили импровизированные столы и постели - комбинации козел и досок с изголовьями. Хорошо. Обширно и много света. Окна на юг. Церковь, дорога и [84 стр.] виднеющаяся вдали, за версты 3 - Кяхта. А на горизонте синие горы Монголии. Кстати о горах: хороши были краски в вечере при низком солнце на Селенге. Дымно-красный и дымно-зеленый покров хвойных на горах, на него местами наброшены густые фиолетовые тени от складок. Все это на фоне пыльно-голубого неба.

Сегодня много болтался по делам - был у начштаба бригады по поводу стрельбы, виделся по личным делам П.К. с представителем миссии, ехавшей на одном с нами пароходе в Ургу. Был у русского консула [85 стр.] Шахова. Он шахматист, и очень любит музыку. Есть рояль. Вечером, после ужина, читал Н.К. Ходасевича.

С завтрашнего дня начинается военный режим нашей жизни. Вставать в 6 ч., ложиться в 10ч. О МИКе думаю постоянно.

Воспользуюсь одинокой ночью, и дам краткие характеристики всех 7 членов экспедиции.

П.К. Козлов.

Загорелое, морщинистое, щетинистое лицо. Взъерошенный кустарник бровей. Сухое, кряжистое тело. Упрямый, своевольный оскал рта при смехе. [86 стр.] Примечательные

руки с широкими, плоскими концами пальцев, плоские ногти. Жадность к жизни. Пожиратель ее живого тела. Любит хорошо поесть, и это очень существенно. Эстетические критерии смутны, неразборчивы, но сила самого эстетического восприятия - велика. Порывист, несдержан. Воля в нем проявляется не как жизненный план, не как стремление к закономерности и гармонии, а как стихия. Это ключ к пониманию многих его успехов, природа и люди чувствуют в нем (в воле его), органическую, недифференцированную силу, а поэтому легко подчиняются ей. [87 стр.] Эта же сила так правдиво и чудесно сочетается в нем с порывами непосредственности и детскости. Считает себя знатоком буддизма. Это ошибка. Буддизм, как религиозное мирочувствие, совершенно чужд ему. Красота философской структуры буддизма может конечно занимать и интересовать его, но сокровенная мистика учения бесконечно далека П.К. Честолюбие П.К. так же сильно, как и бескорыстная жажда подвига. Преданность традиции, а главное, неугасимая память об учителе, творят его благородство. Он бывает гневным, но никогда не бывает злобным. [88 стр.] А ведь это так много значит. Очень честен, и больше всего ценит правдивых и честных людей. Ему гораздо приятнее иметь дело с такими людьми, которых он вполне понимает, до дна, чем с такими, в которых ему есть что-то непонятное. Тогда он чуть-чуть подозрителен. Остается сказать о большой памяти, умении увлекательно, живо рассказывать, о громадном опыте путешественника и бродяжническом строе души. Еще вспоминается мне взгляд его несколько выцветших, утомленных глаз: прямой, твердый, встретивший и проводивший вереницу многокрасочных [89 стр.] отрадных и суровых дней, видевший сотни опасностей, кровь, смерть и снеговые вершины Тибета.

21/VIII 22 ч. 30 м.

Сегодня произошло радостное событие. Телешов попросил П.К. взять его с собой, и тот с радостью согласился.

Оба они поплакали. Мы все сердечно поздравили нашего нового спутника. Ведь он участвовал еще в 3- ем путешествии Пржевальского! 66 лет старику, а едет. Захотел умереть там. Он будет оставлен в Цайдаме на складе. Как бы не остаться там и мне.

Днем приходила Л.Н. Лушникова, [90 стр.] болтливая знакомая П.К. Она предложила нам на время пребывания здесь свою фисгармонию, которую мы с Н.В. и доставили к нам в комнату. Фисгармония типа нашей старой, но и то хорошо. Вечером был в бане у Михно. Нездоровится, и в бане было весьма душно. Пришлось открыть наружные двери. Вышел совсем мокрый и потный, вечер холодный.

Мать Жени Михно дала мне на время их фамильную гитару, очень хорошую. Ведь наша гитара во время последней перевозки сломалась. Гриф, оказывается, был склеенным, размок от сырости и развалился. [91 стр.]

22/VIII. 22 ч.

Весь день возился с солнечным кольцом. Для времени взял 15 высот в вертикали и кроме того 4 - близмеридиональные высоты для широты. Точной обработки еще не кончил. Вечером были с Н.В. у Шахова, русского консула. Сыграл там сонату на плохом рояле, потом пошли к некоей Пановой, у которой, как говорят, хороший рояль. Она, старушка, была одна дома и перепугалась, по-видимому, до смерти, когда мы пришли, было уже темно. Условились зайти к ней дня через два, когда дочки приедут. [92 стр.] Вчерашнее письмо МИКа медлю перечитывать. Ай, хозяин, хозяин.

23/VIII. 21 ч. 30 м.

Сегодня днем опять возился с солнечным кольцом. Результаты и обработка в астрономическом журнале. В 17 ч. П.К. читал доклад в ГО о своей прошлой экспедиции и о нашей. Слушателей набралось очень много. Говорил он, как

всегда, интересно и несколько небрежно в отношении синтаксиса. Вечером беседовал с Ел.П. Играл на фисгармонии. Все еще чувствую себя немного простуженным. [93 стр.]

24/VIII. 23 ч.

Сегодня утром и днем стреляли на 200 шагов примерно в кв. аршин. В нем сделали мишень. Вечером, после ужина с Н.В. были у Пановых. Жесткий, но благородный "Беккер", из новых. Сыграл "Сонату", "Romance" и "Любовную мелодию". К сожалению, без всякого удовольствия, так как обе барышни, "божьи коровки", как выразился Н.В., все время разговаривали во время игры. Поэтому мы так быстро ушли. Очень неприятно. Вечером папа был необыкновенно любезен. Когда мы возвратились с Н.В., он сидел во дворе. Нам захотелось покурить, но не оказалось спичек. Папа пошел к себе и принес нам коробок. [94 стр.]

27/VIII. 7 ч.

События последних двух дней: 25-го прибыл к нам тибетец из Лхасы[26], разыскивавший П.К. Он передал П.К. кусок пилообразно разрезанного материала, который в точности сошелся с другим куском, бывшим у П.К. Это значит, что посланный действительно явился от Далай-ламы. Сам тибетец черный, с непроницаемыми хитрыми глазами. П.К. был очень взволнован. По-видимому, тибетец присоединится к нам в Цайдаме и оттуда поведет экспедицию на Лхасу. Все это в высшей степени замечательно. П.К. водил его по помещению. Я угощал тибетца моими псалмами [95 стр.] на фисгармонии.

Начальник, начальник,
Зачем ты приходишь,
Ночью приходишь
В верхний этаж
Папа! Папа!
Что за пример ты нам даешь?

Это коллективное творчество с Н.В. [96 стр.] Вечером пели на дворе с гитарой и мандолиной. Репертуар все тот же.

21 пошли утром с Н.В. и Ел.П. на охоту за тарбаганами (сурками) верст за шесть от города. День выдался великолепный, ясный. Пробыли там до заката солнца. Тарбаганов видели немного. Оказывается, они вылезают из нор только на восходе и на закате, в остальное время прячутся. Когда вылезают, сидят около норок и забавно лают. Животные большие - покрупнее зайца. Стрелять по ним так и не удалось. Слишком далеко было. Зато постреляли по джумбуранам (spermofillus eversmani). [97 стр.] Убить их очень трудно. Даже тяжело раненые, они все-таки уходят в норы. В конце концов я убил одного на 25 шагов. Снес пулей всю черепную коробку, но все-таки он успел закатиться в нору, откуда я его и вытащил. Н.В. убил сорокопута и рогатого жаворонка. Из других птиц видели пустельгу, коршуна, чеглока. Собрали порядочно растений, преимущественно по камням. Сделали маленький энтомологический сбор (гл. обр. - навозники). Самое прекрасное во всей прогулке [98 стр.] было смотреть на закате на монгольские горы, которые благодаря боковому освещению изменили свой обычный синий силуэтный рельеф на великолепную перспективную картину. Между ними и нами в двух местах блестели два озерка. В небе на закате были какие-то стальные отсветы строгих оттенков, без обычной фиолетовой грузности.

Забыл еще упомянуть об одном эпизоде 25-го числа. Привели к нам продавать лошадь. П.К. велел вывести её за ворота, проехался на ней, потом спросил меня: "Вы ездили на лошади?" [99 стр.] – "Нет". – "Попробуйте. Садитесь". Я сел в седло и поехал. Было такое чувство, что я когда-то давно ездил, но позабыл. В общем ничего трудного.

Вчера прибыл в экспедицию наш новый спутник бурят Мухарайн. Одет прилично. Воротничек с галстуком, костюм. Сегодня он переехал в наш дом уже окончательно.

28/VIII. 23ч

Вчера писал письма. Написал и отослал МИКу (IV), папе и в Иркутскую почтовую контору. Вечером записал от Касимова две песни. Окончательно переписал и отделал "Дорогу". Пошлю её МИКу. [100 стр.] Канаев отпрепарировал мне хвостик джумбурана. Тоже пошлю его Мику. Поздно вечером П.К. уехал в Харбин[27].

Сегодня утром возился с фотографом. Пружина, придерживающая завод, опять сломалась и опять поранила мне два пальца. Придется чинить, а это здесь трудно.

Читал Фаминцына. Играл на фисгармонии. Днем был у датчан, служащих на местном телеграфе. Сыграл у них на скверном "Шредере" "Прелюд c-m". Смотрел, как они играли в теннис. В общем, удивительно туго иностранцы подвергаются ассимиляции. [101 стр.] Смотря на них и на обстановку их квартиры с трудом веришь, что все это пребывает в Троицкосавске. На закате ходили с Н.В. и Котиком на охоту к востоку от города (версты 3). Хотели подкараулить волка, которого 3-го дня видел там С.Ан. Конечно, не нашли; видели орла. Котик стрелял по нему, но безуспешно. После ужина были в "Швейцарии", пили молоко, слушали Шаляпина в граммофоне, а потом я сыграл на пианино:

1) Прелюд
2) Мелодию
3) Пролог
4) Ну, накажу
5) "Актеры"
6) Надумку
7) Хорал
8) Марш [102 стр.]
9) Балладу
10) Поля вечерние
11) Кольцо.

Ел.П кормит меня от кашля доверовскими порошками, которые кашель совершенно игнорируют, но зато имеют явно послабляющее действие.

29/VIII. 21 ч.

Сегодня после обеда отправились с Касимовым в Маймачин[28] менять золото на серебро. По границе стоят телеграфные столбы. По эту сторону - русский пост, по ту - монгольский. Маймачин делится на две части: китайскую (собственно Маймачин) и монгольскую (Алтын–булак)[29]. Китайская часть [103 стр.] представляет собой зрелище еще более печальное, чем Кяхта. От большей части зданий остался лишь растерзанный фундамент. Следы революции. В центре скучились 2-3 здания типичной китайской архитектуры: между ними - кумирня. Постройки в Алтын Булаке очень напоминают великоросские избы. Но специфическую их особенность составляют сплошные земляные с мякиной заборы, окружающие и дом, и двор сразу. Издали напоминают бетонные сооружения.

На обратном пути зашли в Кяхте к знаменитому местному охотнику Иннокентию [104 стр.] Дмитриевичу Синицыну, дяде Е.И. Карнаковой. Ему я передал наконец то серебряное яйцо с деньгами, которое мне поручил передать матери Карнаковой Дикий, перед моим отъездом из Москвы. И.Д. Синицын - фигура весьма примечательная. Высокий старик с седой гривой. Ходит в поддевке. Энтузиаст. Играл у него на старом "Шредере":

1) Октавный этюд
2) Любовную мелодию
3) Романс.

После обеда и чая мне гадал по какой-то старой персидской книге и картам живущий там глухой старик с арабской физиономией (очень мне напомнил Аттаю). [105 стр.] Наговорил мне массу неинтересных глупостей. Не только не про-

рицатель, но даже не обладает ни в малой степени заурядной проницательностью.

И.Д. показал мне множество фотографий - по преимуществу иллюстрирующие различные эпизоды охотничьей жизни. Сам он убил в течение своей жизни около 80 медведей. Почтенное число.

Вклеиваю на эту страницу монгольский пропуск[30], полученный нами в "ямане"[31], на предмет обратного возвращения в Россию. "Яман" это правительственное учреждение, находящееся в Алтын-булаке[32]. [109 стр.]

30/VIII. 18 ч.

Решил попробовать другую баночку с доверовскими порошками и, как оказалось, весьма опрометчиво. Поэтому принужден целый день сегодня провести дома. Переписал в дневник "Дорогу". Занимался урду, читал Пржевальского, а теперь займусь продолжением серии характеристик:

Е.В. Козлова. (Далее: Ел.Вл. - И.К.)

Ей лет 35. Очень опрятна. Прихрамывает. Говорит немного. Тактична, нетороплива. Хорошо знает П.К. и с большим умением приспособляется к совместной жизни с ним. Втайне несколько свысока относится к нему за то, [110 стр.] что лучше знает его, чем он её; но подчиняется его мужскому началу и воле. Очень ревниво относится к Святому Святых своей души. Глаза открытые, но в то же время - необыкновенно скрытые.

Кажется, прилично знает зоологию /mammalia и птиц/, хорошо стреляет, но не думаю, чтобы естественно - исторические интересы главным образом влекли её в Азию. Любит музыку. Воспринимает её гораздо полнее и тоньше, чем муж. Когда мы ехали по ж.д., то однажды я невольно подслушал, как в пустом коридоре из открытого окна декламировала в ночь стихи (Бальмонт, Соловьев), при этом с большой страстностью. (111 стр.) Наверное, у нее самой есть стихи, кото-

рые она старательно прячет и никому о них не говорит. Ел.П. как-то на днях сказала мне, что Ел.Вл. очень религиозна, при этом - в отношении обрядов. Я же думаю, что за выполнением обрядов в ней живут метафизические потребности своеобразной композиции. В общем из всех членов экспедиции Ел.Вл. наиболее замкнута, хотя часто старается поддержать «непринужденный» разговор с товарищами. По существу она пламенна, но проблема личной жизни настолько поглотила ее, что поверхностный взгляд может счесть ее холодной. [112 стр.]

Е.П. Горбунова.

Очень милая. Настоящая странница. Но совсем другого качества чем, например, П.К. Я бы мог так выразить свою мысль. Когда П.К. идет по земле, земля вздрагивает, Елену же Петровну несет с легкостью и благодушным приветом. Особое чувство нежности у меня к таким людям, как она. Бродят они в мире одинокие, не приемлют "радостей" культуры, свободны от тщеславия, честолюбия, алчности и "обладательских" посягательств. Всякая грубость на них болезненно действует, но также чужды они и жеманству. Такие люди отказываются от различных [113 стр.] материальных благ не во имя свершения подвига, как это часто бывает, а по бессознательному побуждению своей духовной природы. Это - таинственный след далекой родины. Голос Отчизны. Для Ел.П. он еще не понятен, но постоянно слышен. И в противоположность многим другим, прикоснувшимся к науке и взвалившим на свою духовную жизнь бремя натуралистических законов, Ел.П. свободна от него, и тайная жизнь ее духа протекает далеко за пределами лабораторий и библиотек. Мистерии ее пока еще не понятны, скорее они звучат как неясные обетования. Внешний мир еще несколько подавляет ее. Ей еще [114 стр.] постоянно приходится преодолевать его грузное насилие. Аристотелевская логика еще тяготеет над ней. Трудно ей отделаться от миросозерцания, внушаемого ей почти всем

современным обществом. Кроме того, вообще трудно искать в потемках, но она все таки ищет, а потому найдет.

31/VIII. 21 ч.

Ночью на дежурстве немного разрабатывал Балладу. Утром разбудил всех гитарой, внезапно сочиненной ироническ ой песенкой[33]. [115 стр.] Днем читал "Sub specia acternitatis". Молодой Бердяев[34] менее интересен, чем поздний. Слабее форма и сама мысль менее мощна. Но почти все, о чем я сегодня читал (критика марксизма, о трагедии, в частности о Метерлинке) очень близко мне. Днем был у датчан. Беседовал часа 2 по-английски с молодым датчанином. Потом тренировались с ним в теннис немного. Вполне приличная площадка. Вечером занимался музыкальными записями с Касимовым, а потом долго импровизировал на фисгармонии в полифоническом стиле. Очень часто вспоминаю о МИКе. [116 стр.]

3/IX. 8ч. 30 мин.

1/IX уходил с С.Ан. и Ел.П. на целый день в горы к востоку от города. С винтовкой. Стрелял в орла (на близком расстоянии в лет), но промахнулся. Они видели лисицу. Уходили верст за 8. С тамошних высот открываются широкие горизонты во все стороны. Видно в некоторых направлениях верст на 70. На каменистой вершине высокой сопки беседовал с Ел.П. на старую тему - о взаимоотношениях спутников. Вечером по приходе домой читал Ел.П. Волошина (между прочим, конечно и "Corona australis").

2/IX писал долго длиннейшее письмо МИКу. Днем играл с датчанами в теннис в 1 раз и, к большому удовлетворению [117 стр.] побил их. (6-2 и 6-3). Занимался с солнечным кольцом. Прочел С.Ан. и Ел.П. "Дитя Аллаха". Вечером пил чай в "Швейцарии". (У датчан, между прочим, сыграл "Romance" и "Любовную мелодию").

3/IX. 2 ч.

Дежурю. Днем писал романс на текст Гумилева "Лаос" из "Павильона"[35]. Вечером читал вслух С.Ан. и Ел.П. "Христос и христианство"[36]. Начали. Беседовали долго с Н.В., преимущественно на тему о взаимоотношениях между членами экспедиции.

5/IX. 22 ч.

4/IX получил чудесное, одно из самых лучших, письмо от МИКа. Взволновало оно меня очень. [118 стр.] Получил также посылку (толстовку) из Пулкова и несколько слов от папы. Днем играл в теннис с датчанами. Побил их. Вечером в сопровождении Н.П. и 2-х местных преподавателей путешествовал в реальное училище и там много играл на рояле. Сыграл:

1) Пролог
2) Любовную мелодию
3) Свадебный марш
4) Комедиантов марш
5) Ну, наконец
6) Октавный этюд
7) Этуаль
8) Балладу
9) Костер
10) Луна восходит
11) 2-ю альвильту
12) Был царь
13) Светит солнце
14) Триаду

Сегодня читал опять "Христос и христианство" вслух. Наблюдал с солнечным кольцом. В следующий раз попробую выяснить, не лучше ли [119 стр.] отсчитывать через луну. Днем долго играл в теннис. Опять обыграл всех. Сыграл 10 сетов.

Вчера, между прочим, С.Ан. говорил по телеграфу из Маймачина с Бадмажаповым. Оказывается, верблюдов нам придется покупать, а не нанимать в Урге. До Урги же придется нанять в Троицкосавске подводы.

6/IX. 23 ч.

Днем работал с солнечным кольцом и читал вслух "Христос и христианство". В 5 ч. дня состоялся в ГО доклад Н.В. по поводу проблемы леса и степи. Доклад был очень содержательным, но несколько вялым по напряжению, и недостаточно отчетливым по ясности [120 стр.] плана, т.е. общие тезисы недостаточно подчеркивались и тонули в массе фактического материала. После доклада пошли к о. Малышеву, коллектору - ботанику и шахматисту. Там я последовательно обыграл его, его знакомого и П.С. Михно. И батюшка, и Михно играют очень плохо. Третий получше.

7/IX. 22 ч.

Забыл упомянуть о том, что было 3 дня тому назад. Заявил нам о своем уходе Мухараин, который, кстати, последнее время совсем и не показывался. Мотив его ухода: "Начальство не понравилось".

Вчера, перед тем как идти к батюшке, был в реальном училище. Сыграл там сонату, а [121 стр.] кроме того, пробовал голоса у 4-х скромных девиц в связи с попытками организации концерта из собственных произведений. Испробованные мною барышни оказались негодными, как в отношении вокальных средств, так и в отношении слуха.

Сегодня утром читал вслух "Христос и христианство". Днем играл с датчанами с С.Ан. в теннис. Вечером были с Н.В. с визитом у Л.Н. Лушниковой. Сидели там часа два с половиной, беседуя на надоевшие политические темы. Нет, даже холодная осетрина и рыжики не вознаграждают таким образом проведенного времени. [122 стр.] Сегодня дежурная

Ел.П. разбудила нас при помощи утки, которая немедленно напакостила на одеяло Н.В.

Дежурный утром в виде шутки
Нас будит непристойной уткой.

Кстати, вот еще, импровизация на тему о доверовских порошках. Мотив хорошо известный МИКу и мне.

Текст:

- Мальчик, мальчик маленький
Что с тобою миленький /bis/
Почему ты плачешь?
- Мне сегодня скучно [123 стр.]

Я их съел две штучки.
- Что ты бредишь маленький
Что за штучки миленький? /bis/
Кто тебе их выдал?

- Мне дала их тетя,
Что живет в том доме,
Ласково сказала -
Кашель твой пройдет.

- Что же, мальчик маленький!
Тетя знает многое
Тетя образованная,
Тетя не обманет!

Что же, моя крошечка,
Вкусны ли лепешечки? /bis/
Как твое здоровье?
(вариант). [124 стр.]

- Тетя обманула
кашель не прошел!

- Но, зато я бегаю,
Бегаю по лестнице.

Лестница высокая
Грустно мне сегодня!

- Ничего, мой маленький.
Подожди немножечко - /bis/
Тетю мы отравим.

9/XI

8/IX был дежурным днем. Быстрым, но грубым способом определил широту Троицкосавска при помощи солнечного кольца.

Результаты получились недурные. Долго работал над докладом, к которому начал [125 стр.] подготавливаться с 7/IX. Вечером читал "Христос и христианство", а потом работал над "Балладой" (успешно). Н.В. уехал с И.Д. Синицыным на охоту в Монголию.

Сегодня вновь работал над "Балладой". Осталось только отлить видения Мудреца и Поэта. Днем за мной зашел Михно, так как его жена выудила певицу, с которой знакомиться он меня и повлек. Певица оказалась вполне удовлетворительной для возможности осуществления концерта. Но поработать с ней придется: великолепный, но застоявшийся голос, хороший слух, малое музыкальное развитие. С завтрашнего дня начну с ней систематически работать. Вечером играл с С.Ан. и датчанами в теннис. После ужина [126 стр.] читал "Христос и христианство". Сейчас буду подготовляться к докладу. Пробуя певицу в реальном училище, сыграл между прочим:

1)Любовную мелодию
2)Октавный этюд
3)Прелюд c-m

Оба эти последние дня ездил на лошади. В субботу, садясь на лошадь, чуть было не перелетел через её гриву.

10/IX. 23 ч.

Почти весь день готовился к докладу. Был в женской гимназии, где начал систематически заниматься с певицей к концерту. Часов в 5 вернулся Н.В. с охоты. Очень доволен. Принес 8 птиц, тушканчика и растения. Читал вечером "Христос и христианство". Перечитывал письмо МИКа. Замечательное оно. [127 стр.] И стихи такие значительные. Сейчас намереваюсь писать письма. Вечером, между прочим, приехал Убугунов.

11/X. 24 ч.

События дня опишу завтра. А сейчас перепишу сюда "Балладу" (продолжение).

И смотрит Мудрец: на утесе
Грозный и мрачный дэв
Заклятья гор произносит.
В голосе мощь и гнев.

Звуки страшно хохочут,
Мчатся друг другу вслед,
И горы тяжко грохочут
Глухо гремят в ответ. [128 стр.]

Дэв руки раскинул над кручей -
И со всех четырех сторон
Взгромоздили ветры тучи
На мертвеющий небосклон.

И тогда Мудрец подумал:
"О, могущественнейший маг!
В скудных днях моей жизни угрюмой
В труде её - хаос и мрак.

Но в кругах колеса земного,
В изменениях бытия
Я найду ужасное слово,

Поражающее и тебя.

Разметает твой прах по свету
Заклинаний моих гроза".
И Мудрец, промолвив это,
Отвернувшись, закрыл глаза. [129 стр.]

И Певец посмотрел на скалы:
Там Дэв, как лунный свет,
Поет далеким звездам (в ночное небо),
И небо поет в ответ (звезды поют).

В ответ на эту песню
Трепещут блески зарниц.
Прилетают друг друга чудесней
Хороводы цветов и птиц.

И Поэт тогда подумал:
"О, могущественный Певец,
Тебя в садах подлунных,
Наверное, слышит творец.

Твоя песня творит победу,
Неземные смущая края,
Но милой, к которой я еду,
Слаще неба песня моя. [130 стр.]

Ты велик, о дух небесный.
Но земные голоса (возлюбленной волоса)
Мне милей, чем мир твой чудесный".
И Певец сомкнул глаза.

И Странник смотрит в волненьи
На далекий черный утес.
Там, преклонив колени,
Недвижней небесных звезд,

В доспехах - черных воин,
Воткнув перед собой копье,

Молитвенно взоры возносит
На сверкающее острие.

В благоговейном молчаньи
Ночных песков и гор
Таинственные очертанья
Вознесшего в тайну взор. [131 стр.]

И Странник в восторге плачет:
"Исполнилось время мое.
Я понял, что это значит -
То Грааля святое копье.

Посланник неба, он скажет,
Куда мне надо идти.
Священным знаком укажет
Стезю моего пути".

И только познал он это -
От коня протянулись лучи
И, блестя нестерпимым светом,
Разверзлось небо в ночи.

Там на конях крылатых-
Воинов дивный отряд.
Их мечи, щиты и латы
Белым огнем горят. [132 стр.]

И как небесное пламя,
Над царем нездешних мест
Голубое вьется знамя,(сверкает)
На знамени - черный крест.

Глаза вождя сияют,
Смотрят на Странника в ночь,
Странника призывают
Покинуть земную ночь.

- Ты сеял в песках суровых

Любовь и тоску пути.
К нам для подвигов новых
Желанным братом приди.

И странник идет. Но тело
На песке недвижно его.
Лишь пламя души отлетело
В сияющее торжество. [133 стр.]

День возник, и ясен и светел,
Когда набожный проводник
Безучастное тело заметил
И в страхе к земле приник.

Ученый увидев это (Мудрец),
Сказал ему: "Дурак!
Мертвый - благая примета,
Благоприятный знак".

Когда же Поэт услышал,
Что странник трупом стал,
Он двадцать пять двустиший
В бреду сердечном создал.

И на всем протяженьи Тибета
В высокую синюю твердь
Вонзалась песня поэта
Про одинокую смерть. [134 стр.]

О друзья! Как часто тушат
Странника слабый свет.
Но и в самых железных душах
Живут: Странник, Мудрец и Поэт.

Дни ума поют и знают,
Но в сердце, сердце ночном
Любовь и тоска пылают
Неугасимым огнем.

Любовь к тоскующим людям,
Тоска по иным мирам.
Мы никогда не забудем
Обетованный храм.

Каждый может, как хочет и знает,
Земную жизнь пройти.
Но никто, никто не минует
Страннического пути. [135 стр.]

В нем горе и соль земная
Красоту печальной земли
С сияньем далекого /нездешнего/ края
Неразрушимо сплели.

Эпиграфы к балладе:
1)Мы не знаем учителей.
2)Мы позабыли о благоговении.
3)Каждый мерит мир собственной душой.

12/IX

Вчера очень утомился. Целый день провел в безостановочной умственной и творческой работе. Не считая занятий урду, чтения "Христоса и Христианства", занятий с певицей и интенсивной подготовки к докладу, я еще написал романс на текст Гумилева из "Павильона", и кроме [136 стр.] того, 6-7 страниц "Баллады" (не особенно удачных), которая только теперь таким образом приняла более или менее законченный вид. Затем написал два письма (МИКу (IV) и его родителям) и открытку в Пулково. Сам получил длинное, чудесное письмо от МИКа, третье по счету, но озаглавленное ею шестым. Два первых письма находятся в Иркутске, а еще одно не успело, вероятно, дойти. Оказывается, МИК был чем-то болен, что меня встревожило. Теперь поправляется. Любопытно сравнить с "Балладой" следующие фразы из письма: "На друзьях твоих всех до сих пор осталось сильное впечатление от твоего

отъезда. Вот что действительно [137 стр.] послужило возбуждению тоски по чужим мирам".

В письме МИК прислал стихотворение, изящное, свидетельствующее о чуткости к форме. Переписываю его сюда и еще предварительно первое, присланное в предыдущем письме, написанное на обороте репродукции с картины Рериха: "Песнь о Викинге"[37].

Песня:

Если песню я запою - не услышишь: ты далеко
Если руки я протяну - не увидишь: ты далеко.
На коне ли вслед полечу - не догонишь: ты далеко.
В шелесте ветра услышь меня. Я с тобой [138 стр.]

В зеркале лунном узнай меня. Я с тобой.
В огненном сне обними меня. Я с тобой.

В золотистых песках пустыни
Ты раскинешь шатер свой синий.
Ты разложишь алый костер
И увидишь: в облаке дыма,
Словно страстной тоской томимый,
Призрак руки в небо простер.

Как и милой образ далекий -
Златокудрый он, синеокий;
Рот его, как алый коралл
Горько сомкнут в безмолвной муке,
Словно в горькие дни разлуки
Тщетно звать и плакать устал. [139 стр.]

Но в душе, принесшей обеты,
Нежной жалости места нету;
Ты разгонишь дымный дурман.
Потом колдуну - ювелиру
Из топаза, рубина, сапфира
Закажешь тройной талисман.

Позабудешь светлые косы,
Голубые слезинки - росы
И кроваво-пламенный рот.
И опять по желтым пустыням
Под безоблачным небом синим
К ясным зорям пойдешь вперед.

В экспедиционной жизни все довольно беспеременно. Отношения между Н.В. и С.Ан. не только не улучшаются, но ухудшаются. Убугунов приехал с женой - молоденькой буряткой, [140 стр.] которую намеревается взять с собой. Воображаю, как обрадуется папа, когда приедет. Убугунов просил С.Ан. объявить членам экспедиции о том, что он политический комиссар и что его права в некоторых отношениях превышают права начальника экспедиции. Весьма пикантно.

23 ч.

Читал сегодня вслух "Балладу" Н.В., Котику и Симукову. Н.В-у ,кажется, не очень понравилось, что, впрочем я и ожидал. Мальчики безмолвствовали. Вечером закончил "Христос и христианство", после чего "Балладу" прочитал С.Ан. и Ел.П. Им обоим очень понравилось. Занимался с певицей. Досочинил и записал новый романс. Теперь остался один долг – докончить [141 стр.] "Лаос". Днем немного играл в теннис. Подготовился к докладу.

Перепишу романс в разобранном виде[38]. [143 стр.]

13/IX 23 ч.

Только что кончил переписывать этот фортепьянный романс. Сегодня днем играл его Н.В. Потом занимался с певицей. "Баллада" начинает выходить недурно. В 5 ч. С.Ан. читал доклад в Г.О. об исследованиях Тибета. Содержательно, отчетливо и довольно непринужденно, [144 стр.] хотя и не вполне гладко в отношении формы. Утром играли в теннис.

После ужина читал С.Ан. и Ел.П. вторично "Балладу" по их просьбе, а также характеристики П.К. и Ел.Вл., каковые им очень понравились. Потом перебирали старые воспоминания. Посмеялись порядочно. Оказывается, одно из первых впечатлений обо мне Ел.Петр. выразилось в словах: "Ну и тип!", высказанных С.Ан-у. Сейчас еще немного поработаю над докладом.

14/IX. 22ч.

Наблюдал за кольцом. Занимались с певицей. Теперь «Баллада» идет почти совсем хорошо. Сегодня начали разучивать [145 стр.] "Был царь". Играл Ел.П.

1) Садовника.
2) Верь любви.
3) Сестры.

Написал примерно половину нового романса из "Павильона" "Странник далек от родины". Был взволнован. Вечером играл в теннис. Сегодня выяснилось, что Убугунов не имеет никакого желания ехать в Тибет. У него, оказывается, очень плохое сердце. Сейчас буду переписывать "Балладу".

23 ч.

Переписал "Балладу" для МИКа. Только что Симуков принес сенсационное известие: приехал папуля. О, безмятежные дни, прощайте!

15/IX. 22 ч.

Сегодня уже пришлось побегать по делам. Автомобиль для переезда в Ургу, пианино Бадмажапову и пр. и пр. [146 стр.] Днем занимался с певицей. Затем работал над "Странником". Кроме того, с быстротой импровизации сочинил романс на текст из "Павильона" "Счастье". Романс, как и следовало ожидать, вышел плохой. Отделывать и переписывать его, наверное, не буду. Поиграл немного в теннис. Вечером дописы-

вал письмо МИКу. Только что приходил к нам, блуждающий в дебрях 2-го этажа, папуля.

16/IX. 21 ч.

Сегодня с 4 до 7 часов с перерывом на обед, играл в женской гимназии. Окончил "Странника" и отделал более или менее "Счастье". Играл всю серию из "Павильона" Ел.Вл. и Н.В. Кроме того любовную мелодию и "Садовника". Затем занимался [147 стр.] с певицей, а все остальное время готовился к докладу. Н.В. что-то сегодня разнервничался после музыки. Задело его.

Распределяли сегодня белье, шубы, полушубки, сапоги и пр. и пр. У каждого получилась гора вещей. Не знаю, что делать. Придется часть своих пожиток оставить здесь. П.К. подарил сегодня С.Ан. бронзовую статуэтку –Тару[39] и обещал, что следующую подарит мне. Сейчас буду опять подготовляться к докладу.

17/IX. 24 ч.30 м.

Дежурю. Днем занимался с певицей и подготовлялся к докладу. Вечером опять работал над докладом и дописал письмо МИКу. П. К. показывал сегодня замечательные подарки, которые мы везем в Тибет. [148 стр.] 18-го получил письмо от Т.А.[89]

19/IX 23. 21 ч.

Вчера готовился усиленно к докладу. Пел с певицей. Кажется я ее окончательно развратил и очень доволен. Она хочет во что бы то ни стало ехать учиться. Сегодня нас с Н.П. П.К. угощал. Обедали и ужинали вместе. Все было необыкновенно благопристойно. Ужинать, впрочем Н.В. не пошел. Вместо него была наша буряточка и папа занимался с ней хиромантией. Вечером приехали Саранцев с Эрдениевым.

Сегодня утром стреляли из наганов. Я стрелял лучше всех и папуля оставил меня пристреливать новые револьверы. Днем получил посылку и 5-ое письмо от МИКа. О своих сильных впечатлениях по [149 стр.] этому поводу, напишу в письме МИКу. Все остальное время готовился к докладу. Сейчас буду продолжать заниматься этим же. Сегодня утром я, поставив вопрос ребром, осведомился у Ел.Вл. о том, писала ли она когда-нибудь стихи. Она отвечала, что "писала давно, но никогда их никому не читала"2. Не замечательна ли моя проницательность!

22/IX

20 немного подготовлялся к докладу, днем отдыхал. Вечером с 7 до 9.30 состоялся доклад. Общее название его "Генетическая связь между европейской и азиатской музыкой". План же был такой:

I часть:

1) Генезис и морфология европейской музыки.
2) Генезис и морфология музыки [150 стр.] арийских и монгольских народов Азии.
3)Общие ветви на основании изложенного материала.

II часть:

1)О целях, средствах и методах моих музыковедческих исследований в предстоящей экспедиции.
2)О проблеме отчужденности канонического музыкального искусства от безискуственного народного творчества.

В заключение З.И. Юнтер[90] спела "Был царь" и "Балладу". Читал я удачно. С подъемом и, кажется, хорошо по форме. П.К. был очень доволен, вся аудитория - тоже. Слушали доклад человек 200. Во время перерыва меня избрали членом Г.О., также как и всех старших помощников. Все протекло очень чинно и торжественно. Забыл упомянуть, что днем переписал «Странника», а 18 числа получил [150 стр.] от папы четырехголосные русские песни и "Сборник песен" Бортнянского!

21 ч.

В пятницу ездил в Маймачен с Екатериной Матвеевной Михайловой смотреть пианино для Бадмажапова. Решил приобрести. В 5 ч. дал домашний концерт по желанию П.К. для участников экспедиции и немногих посторонних слушателей. Играл новые гумилевские романсы, "У моря ночью", "Триаду", "Садовника", "Сонату c-m", "Romance", "Любовную мелодию", "Пролог", "Марш комедиантов", "Похоронный марш". З.И. спела "Был царь" и "Балладу".

После концерта с П.К. и Михно отправились ужинать к Родионовым. Скучный вечер. Исключительно гастрономические удовольствия. Вернувшись домой, писал письмо МИКу. [152 стр.]

Сегодня с утра бегал по делам. Сочинял доверенность для получения Михно всей нашей корреспонденции. Послал вторичную телеграмму МИКу с благодарностью за посылку. Первую он не получил, так как я адресовал ее на имя Кондратьевой. Днем было заседание в память А.В. Потаниной и М.И. Малисон. По поводу Потаниной Н.В. прочел очень теплый некролог. Говорил П.К. с несколько джеромовскими интерлюдиями. Потом пошли на кладбище возложить венки. На могиле Малисон, недавно умершей, П.К. задумался как-то удивительно хорошо и предложил Ел.П. и Ел.Вл. поклониться праху покойной, [153 стр.] что они и сделали с волнением. Хорошо было.

Были с Михно у консула. Потом репетировал с З.И. в Народном доме к предстоящему завтра концерту. Читал "Балладу" Ел.Вл. Она ее глубоко задела. Просила дать переписать. Вечером писал письмо МИКу (вопросы о предсказаниях и о наших отношениях после последних петроградских дней).

Канаев застрелил сегодня огромного орлана-белохвоста. Получил повестку на 1500 р. из Пулкова. Приехал Помытов[93]. Физиономия его неприятна. Батюшка подарил мне лопаточку для дзамбы[40], а Н.В. вычертил на нем "Т". Выезжаем, по-

видимому, 26-го. Сейчас я прервал свое писание и Н.В. долго читал мне из своего письма очень содержательного и интересного. [154 стр.]

25/IX. 23ч.

В воскресенье 23-го утром была последняя прощальная стрельба залпами из винтовок на 200 шагов, из наганов - на 30 шагов, и из пулеметов. Результаты хорошие. Днем укладывал инструменты. Переписал "Странника". Вечером участвовал в концерте в пользу пострадавших от землетрясения "с благосклонным участием С.А. Кондратьева". Зоя Ивановна Юнтер опять спела "Был царь" и "Балладу". Предварительно я сказал несколько слов в публику, примерно в таком стиле: "Граждане г. Троицкосавска! Сейчас З.И. Юнтер споет вам два моих романса. Первый из них написан на слова знаменитого немецкого поэта Гейне. Стихотворение называется так потому, что [155 стр.] в нем говорится о том, как любовь сталкивается с долгом, стремится преодолеть его веления и через это несет гибель любящим, рушит их в смерть. "Баллада" о рыцаре и его прекрасной даме написана мною на собственный текст. Сюжет относится к средневековью. Рыцарь Альвадор и Лирейя любят друг друга. Но гремят рога, Альвадор идет в святые места биться за гроб Господень. Там он гибнет. Любовь обрывается и служение идее увенчивается каменным крестом. Как видите темы не новые, но всегда пылающие в нашей жизни". После успешного исполнения, мне поднесли букет роз, который я, за исключением одной - темно- пламенной, отдал З.И. Эту же единственную [156 стр.] взял в память о моей милой, моей прекрасной даме, моей оранжевой девочке. До концерта говорили с Н.В. о белой и красной любви. Он совсем разволновался, "был потрясен", как сам сказал.

24-го (понедельник) целый день бегал по делам, продавал вещи, укладывал инструменты, писал письма.

Сегодня укладывал свое личное имущество, бегал по делам, стригся, ходил в баню. В честь П.К. и экспедиции было торжеств. заседание всех союзов и организаций. Я не был за недостатком времени. Отослал письмо со "Странником" МИКу. Другое - папе. Получил от МИКа 7-ое письмо, которое еще не дочитал: растягиваю удовольствие. [157 стр.]

Список вещей, которые я везу с собой. (В назидание будущим поколениям).

Белье

14 ночных рубашек
10 пар кальсон
2 теплые нижние рубашки
2 пары теплых кальсон вязаные
1 простыня
15 носовых платков
21 пара носков
3 пары носков теплых
5 полотенец
4 серые наволочки
1 кусок на портянки
1 косынка

Верхняя одежда

1 гимнастерка
3 толстовки
1 полотняные брюки
2 брюк хаки [158 стр.]
2 пары брезентовых брюк
1 суконные (драповые) брюки
1 кожаные брюки
1 костюм суконный (френч и брюки)
1 френч английский военный
1 телогрейка стеганая
1 суконная гимнастерка
1 стеганое полупальто

1 полушубок овчинный
1 гигантская шуба овчинная
1 легкое пальто
1 пары вязаных рукавиц
1 п. длинных перчаток
1 п. кожаных рукавиц
1 куртка на меху

Обувь

2 п. ботинок
3 п. высоких сапог
1 п. валенок
1 п. краг.

Головные уборы

2 кепки (суконная и коленкоровая) [159 стр.]
1 вязаная шапка
1 заячья шапка с наушниками
1 кожаная фуражка

Упаковочный материал

1 мешок картонажный
6 малых мешков плотных
1 маленький чемодан

Канцелярские принадлежности

4 толстых тетради (в средн. по 300 стр.)
2 толстых тетради по 380 стр.
10 (приблизительно) малых записных книжек и тетрадей
20 карандашей (из них 8 химических)
2 резинки
1 вставочка и перья
1 баночка чернил
1 тюбик синдетикона
30 (приблизительно) листов нотной бумаги разного форма
2 нотные тетради
1 машинка для чинки карандашей [160 стр.]
1 перочинный ножик

1 пачка цветных карандашей
1 самопишущее перо

Инструменты

1 часы
1 компас
1 циркуль
1 линейка
1 флейта (!)
4 катушки ниток (белые и черные)
10 иголок (приблизительно)
24 французские булавки
18 пуговиц (приблизительно)

Разное

3 пояса
1 финский нож
2 фунта табаку
1 банка вазелина
1 бутылка одеколона
1 бутылка глицерина
4 куска мыла [161 стр.]

Посуда

1 ложка с вилкой
1 ложка
1 вилка
1 ножик
1 чайная ложка
1 алюминиевая тарелка
1 алюминиевая кружка
1 фляга (2 бутылки) в войлоке
1 стаканчик (милая прислала)

Книги

Гумилев: "Костер", "Огненный столп", "Посмертный сборник", "Дитя Аллаха", "Жемчуга", 2Фарфоровый павильон".
Ходасевич: "Путем зерна". [162 стр.]

Блок: "Двенадцать".
Вагнер: "Парсифаль", партитура "Траурного марша", партитура Вступление к "Тристану".
Шуберт: "Квартет d-m".
Бердяев: "Sub specie osternitatis", "Христос и христианство".
Эйхенбаум: "Мелодика стиха".
Tisdal: "Urdu - conversativa grammar", "Rey for it".
Ницше: "Так говорил Заратустра".
Трапезникова: "English Idioms", "Англо-русский словарь"... [163 стр.] Список допишу потом. Завтра мы уезжаем. Подводы, уже загруженные за день, стоят во дворе. Кое-какие вещи оставляю Михно. Надену ли я их когда-нибудь? Сейчас позанимаюсь и спать. Последняя ночь на постели.[41] [164 стр.]

26/ IX. 16 ч.

Привал. Река Тура ведет от Троицкосавска. Сегодня около 10 ч. выехали из Троицкосавска. П.К. с женой и Убугунов с женой уехали одновременно, но на тройках. Мы же в составе 32 подвод пойдем дней 10. Провожало много. Учащие и учащиеся провожали за границу. Мне учащиеся школы 2-й ступени поднесли букет астр и импортелей. Весь процесс отъезда был выполнен быстро и планомерно. Мику отправил телеграмму о выезде. В Маймачене захватили купленное для Баджамапова пианино. Там же к нам присоединился тибетский лама Галсан Джолдуб. Недалеко от [165 стр.] стоянки стоят 7 белых субурганов[42] (пирамиды увенчивающиеся шариками с остриями). Ландшафт все тот же. Разве только такого крупного дересуна[43] я не видел вблизи города.

27/IX. 15 ч.

Привал. После перевала Цаган Дабан. Вчера ночевали под открытым небом без палатки у р. Ибыцына. Вечер был ясный, лунный. Дорога красива. Сегодня замечательные места были у Цаган Дабана. "Темнозеленые узоры на пламенеющих

коврах". Очень много осенних берез на горах - чем ландшафт отличается от селенгинского. Вспоминается рисунок. А краски нежны и разнообразны. С перевала при Цаган Дабане [166 стр.] открывается великолепная панорама на р. Иро и синеющее за нею плоскогорье. Котику удалось увидеть с одной из высот около перевала Троицкосавск. По дороге много сорок, воронов, даурских галок. Стрелял 2 раза из нагана, но безуспешно.

Сегодня глубоко вспоминал, как ровно три года тому назад в Воздвиженье, я приехал после годового перерыва в Пулково. Пришел со стороны балкона. Какие были лица у мамочки и папы! Потом стал вообще думать о мамочке, но, чтобы не [...] от слез, пришлось уйти от этих воспоминаний. Как болезненно нежно я ее любил. И какое страшное влияние оказала на [167 стр.] меня ее смерть.

Хотя бы в смене отношения к Пулкову. Как много погасло вместе с ней.

28/IX. 13 ч.

Привал после перевала на р. Иро. Вчера еще к концу нашего дневного привала пошел дождь, вскоре принявший обложной характер. Вначале мы предполагали переправиться через реку и там заночевать. Но расстояние оказалось больше ,чем мы предполагали, и когда мы еще не дошли до реки - уже совершенно стемнело. Дождь шел сильный. В темноте мы кое как расположились табором, развели костер, но из больших палаток нашли только одну. Другую куда-то запихали. Все основательно вымокли, и, если бы не брезентовое пальто - пришлось бы плохо. Я чувствовал себя [168 стр.] скверно и подсмеивался над тем, что сказал бы папуся, если бы история с затерявшейся палаткой произошла бы при нем. Поужинав, почти все плечом к плечу легли в палатке и заснули. Мне спалось чудесно в необъятной шубе.

Вчера еще на дневном привале "беседовал" с ламой. Научился читать по-тибетски. Оказалось, что Помытов, бурят,

хорошо знает бурятскую народную песню. Он указывал на ограниченное, около 10, число напевов в ней, применяющихся в различных бытовых комбинациях.

Сегодня с утра погода стала исправляться. Когда мы ходили умываться с Н.П. на р. Иро, я был потрясен [169 стр.] удивительно богатым и разнообразным ландшафтом, окружавшим нас. К северу от нас мощная стена Иринского хребта с безлесными южными склонами. На юг за рекой - пологие, но значительные подъемы, поросшие сосной. На З. - долина извилистого Иро, на В. - даль с туманными горами. Ночные осадки на одной из вершин Иринского хребта выпали снегом - резкое белое пятно. Вдали в горах вдруг протяжно завыли волки, и вдруг на одно мгновенье вся моя душа встрепенулась, как будто из глубины ее вырвался острый язык пламени и погас. Трудно объяснить существо и значение таких моментов, но именно они оставляют незарастающие следы. Но я как-то почувствовал, что и в космосе [170 стр.] земель самое прекрасное - это странничество.

Сейчас же после того, как выехали, пришлось вброд переправляться через Иро. Переправа произошла очень удачно. Сидели либо на возах, либо на лошадях. Вода до живота лошадей. Течение не очень сильное. Дно не вязкое. Ширина около 100 шагов. (Эпизод с монголами и быками). Поспешная молитва. После переправы одолели довольно отлогий, но длинный перевал, за которым рельеф несколько изменился в сторону большой плавности увалов. Теперь холмы, виднеющиеся перед нами, вовсе лишены леса. Ранее же сосна и в особенности береза росли в обилии на северных склонах. Уйдя вперед, стреляли в плоты из нагана. [171 стр.]

29/IX. 13 ч.

Привал на р. Дзул-Дзыха. Широкая долина. Окаймляющие холмы довольно отлоги. Остановка в 100 саженях от русла. Заросли (негустые) дересуна.

Вчера ночевали на р. Куйтун. На этот раз обе палатки были подготовлены. Вечером хорошо поговорили с Н.В. о программе наших путевых бесед и вообще. Видел яркий болид, расколовшийся на 4 части, которые все однако шли в одном и том же направлении, пока не погасли.

Сегодня все тот же холмисто-степной ландшафт. Холодно, свежий NO. Дежурю сегодня. Впрочем дневное дежурство характеризуется только навешиванием винтовок. [172 стр.] Никаких специфических обязанностей нет. Трудно писать. Поранил палец при собирании дров, которых, кажется, теперь долго не встретится.
Сочинил 2 строфы:

Нам медленно плывут навстречу,
Расцвечивая каждый склон,
Берез оранжевые свечи
И сосен вечный халцедон.

Нам радостно смотреть с подводы
На горы в позднем сентябре.
Темнозеленые разводы
На пламенеющем ковре.

Сегодня именины милой по старому стилю. Наверное, еще только получила "Дорогу".

30/IX. 12 ч.

Привал после пологого, но очень длинного, верст 7-8, подъема. Рельеф местности тот же, что и вчера. Только что открылась перспектива [173 стр.] на хр. Мангатай, так он назван по крайней мере у Обручева[44] Конец вчерашнего дня и начало сегодняшнего прошли тихо, без событий. Вчера, когда уже все улеглись спать, я подсел к дежурившему Помытову, и он мне напел чуть ли не все виды бурятских мотивов. Они все скомпонованы вне темперации, капризны в ритме, и потому записать их будет довольно трудно. Как всегда без удовольст-

вия наворачиваем дзамбу, расставляем и складываем палатки, увязываем возы, разводим днем желтые, ночью алые костры, как всегда немного сочиняю, занимаюсь урду, беседую с Н.В., как всегда думаю о МИКе, который сегодня будет совершать свое осеннее жертвоприношение. Год тому назад мы поздравляли коллективно Софью Яковлевну на Знаменке, а в 1921 г. я в этот день в Новочеркассы писал: [174 стр.]

"Семнадцатого сентября
В день именин моих сестер
Я вверг тоскующее тело
На кокаиновый костер".

Сегодня же 4-х стопный ямб заключил в себя совсем другое содержание:

"О вы, монгольские просторы,
Холмы и долы без людей,
Размашистые косогоры,
Безводие пустых полей".

Вспоминал я несколько раз о Троицкосавске. Много лиц мелькает в памяти: П.С. Михно, в поношенной шинели с петличками статского советника. Энтузиаст-коллектор, безобидный, светлый и мягкий человек. Серг.Ал. Успенский, со скуповатым выражением подбородка, акцентирующий на "о". Иннокентий Дмитриевич Синицын, знаменитый охотник, великан сереброкудрый, в поддевке и с развивающимися седыми волосами. Исполин. Любимец земли, о. Малышев, [175 стр.] страстный ботаник и плохой шахматист. Какой он сад вырастил при своем домике! Александра Алексеевна, к которой ежедневно мы с Н.В. ходили пить молоко. Зинаида Ивановна Юнтер, чувства и волю которой я всколыхнул своими занятиями с ней и балладой. В ней было что-то и от [...] и от Марты Гуде. Екатерина Матвеевна Михайлова, у которой я купил пианино для Бадмажапова. Она хорошо одевалась и дарила мне темные розы. Компания датчан, с традициями

буржуазного европейского общества на границе Монголии. У них был теннис и рояль. Впрочем, в музыке они ничего не понимали. Родионовы, у которых мы с П.К. провели такой гастрономический вечер. Консул Шахов, толстый еврей в костюме канареечного цвета. Сестры Пановы_и много [176 стр.] других мужских и женских лиц, вступивших в поле моего зрения и так же быстро покинувших его. Всех их я принял и проводил.

1/X. 14 ч.

Привал на р. Харе. Вчера под вечер въехали в широкую долину Баян-гола. С юга ее ограничивает хребет Мангатай. Его наиболее возвышенные точки были оснежены, само собой разумеется - это не снеговая линия. По долине Баян-гола - редкие китайские домики без специфической архитектуры, однако, и бурятские - в 3-4 юрты. Имеются пашни. Возделывается пшеница. К ночи разъяснило, обильно вызвездило. В половине третьего дежурный должен был выстрелом отпугнуть возможных волков от лошадей. Как раз это - час, когда я должен подумать о МИКе. Но выстрела я не слышал, и, проснувшись в какой-то другой момент ночи, [177 стр.] горько пожалел об этом невольном упущении. Утром подморозило, на палатках и траве белел иней. Умываться пришлось, проламывая ледок в речке. Замечательно бодро себя чувствую. Утром пришли встревоженные китайцы и стали жаловаться на то, что лошади наши по недосмотру ямщиков ночью ели их хлеб, сложенный в снопы. Ямщикам пришлось им дать 3 рубля. Монета, имеющая здесь хождение помимо банковского рубля - китайский серебряный янчан, соответствующий 1р.40к. банковским серебром.

Путь наш пошел к западу по Баян-голу, до тех пор пока понижающийся Мангатай не даст тракту перевалить через него. Перевалив через Мангатай, мы вступили в долину р. Хары, которую переехали вброд, и расположились привалом на левом берегу. Таким [178стр.] образом Мангатай разделяет

долины Баян-гола и Хары, западнее сливающиеся. День сегодня прекрасный, ясный, прозрачный. Правда довольно холодный ветер, но солнце пригревает чудесно. Утром на ухабе я свалился с повозки, к счастью, вполне благополучно. Около Хары стрелял из винтовки в аистов, но безуспешно. К дзамбе начинаю привыкать. Сегодня даже с удовольствием поем ее. На Баян-голе, на самом тракте находится русский постоялый двор. Там мы с Н.В. поели хлеба и молока. Очень дорого, однако. Здесь (Баян-гол) как раз половина пути от Кяхты до Урги. Узнал сегодня интересные сообщения о миссии Убугунова и Помытова. Чрезвычайно интересно, как будет протекать наша внутренняя экспедиционная жизнь.

2/X. 14 ч.

Привал на р. Боротай. Вчера ночевали на р. Харе, в очень живописном широком месте. Вечером, перед заходом побродил с винтовкой. Н.В. ходил на охоту, убил 7 штук чирков и серых куропаток. Дичи вообще много: все время тянут гуси. Из хищников часто попадаются лунь и коршун. Опять закат был великолепен в мантии из фиолетового бархата. Записал мотив эпических бурятских песен у Помытова. Удачно. Он многократно удивлялся этому. С 2-х ночи до 8-ми дежурил. Было ясно и морозно. По ощущению и толщине слоя льда в ветре градусов до 8. В шубе отлично, но ногам очень холодно, и если бы не батюшкины пимы - пришлось бы побегать. Сидел на суме, думал о МИКе, сочинял немного. Вот еще два четверостишия: [180 стр.]

Как высоко блестят плеяды.
И Сириус - звезда любви,
Зажег полночную лампаду
Над гребнем, брезжущим вдали.

Молюсь. Да будет меч мой звонок,
Рука - тверда. Душа - нежна.

Пусть слабый, маленький ребенок
Не отвернется от меня.

Еще необходим материал для фрагментов. Кольцо телег. Обращенные в небо оглобли, белые палатки. Желтый костер встречающий солнце, и алый - вечернюю звезду.

Сегодня опять ясный день. Встали до восхода. Тронулись с солнцем. Чрезвычайно длинный подъем. Окружающие голые холмы загораживают горизонт. Ветер. Неинтересно. Зато были вознаграждены, когда [181 стр.] добрались до вершины перевала. Широкий вид на дальние (верст 40) горы со снежными пятнами на 2-3х доминирующих высотах. Еще утром, до перевала переезжали через ручеек, и одна повозка сковырнулась с мостика, но, к счастью, зацепилась за него. Лошадь упала. Ее выпрягли и общими усилиями вывернули воз на мостик. Счастливо обошлось. Река Боротай узка. Но долина ее очень широкая. Здесь мы вновь выехали на основной телеграфный тракт, от которого отделились 30/IX вечером для того, чтобы обогнуть Мангатай, перевал, который слишком каменист и крут для каравана, в стиле нашего. Н.В. говорит, что я чрезвычайно загорел. Лицо горит все время от ветра, солнца и резких температурных перемен. [182 стр.]

3/X.

Привал верст 25 к югу от постоянного брода на р. Боротай.

13 ч.

Вчера, часов в 16 присоединился к нам Пахомов, который, получив разрешение на выезд за границу, догнал нас на уртонских. Он очень счастлив, все время улыбается. Разрешение он получил непосредственно от Иванова, чуть ли не министра внутр. дел ДВР, случайно приехавшего в Троицкосавск. Привез телеграмму Козлову из Верхнеудинска, пере-

данную ему Михно, в которой передавалось разрешение выехать Козлову за границу! Это совсем похоже на приключения бригадира Жерара в Дартмурской тюрьме. Привез Пахомов телеграмму и мне от МИКа: "Счастливый путь. Помни меня, вернись скорее". Н.В-у взгрустнулось по этому поводу. Очень затосковал у нас Котик. Плачет и хочет домой. Жалко мальчика.

Вчера под вечер на сжатом [183 стр.] пшеничном поле, около тракта, видели великое множество гусей. Палили по ним немилосердно из винтовок, но безрезультатно. Поднялось их около 200 штук. Ночевали в долине Боротая. Ночь была ясная, но теплая, без мороза. Сегодня утром ходили с Касимовым на охоту. На поле в долине монголы сделали искусственный пруд с круговым земляным валом. На этом пруду было множество уток. Вообще дичи здесь сколько угодно, но охотников почти нет. Канаев убил луня. Здесь он часто встречается. Сейчас сделали привал на дороге около небольшого леска. Запаслись дровами. До Урги осталось теперь верст 95. Сегодня с утра появились перистые и легкие слоистые облака. Теперь они плотнеют и темнеют. Вот еще фрагмент:

Вечерняя заря покрыла
Лиловым бархатом холмы. [184 стр.]

4/X. 13 ч.

Привал на р. Бургунтае. Вчера вскоре после выхода с дневного привала, северный ветер начал быстро свежеть, горы покрылись дымной мглою, и пошел снег. Первый буран. Он продолжался вплоть до вечерней остановки, когда небо на северном горизонте прорезалось дымно-розовыми щелями, необыкновенной, призрачной красоты. На юге же, покрытые снегом горы сумрачно белели. Остановились около речки в месте, называемом монголами Айаган-Шинаган, что значит: чашка-ложка, по обилию маленьких котловинок наполненных водой. Быстро разъяснило и ночью грянул мороз градусов

около 15 С. Спал, не снимая брюк. Холодно не было, но чай пили каждый в своей палатке. Сегодня с утра было ясно и морозно. Теперь же снег остался [185 стр.] только на неосвещенных склонах гор. Небо, впрочем, наполовину облачно. Утром сочинил еще фрагмент об обо.

Затейливые амулеты,
Обломки дерева, костей,
Лоскутья, мелкие монеты
На груде сложенных камней.

Все это набожные руки
Безвестных странников земли
На обнаженную вершину
Благоговейно принесли.

Сегодня продолжительно беседовали с Н.В. о музыке, творчестве и любви. В его позитивное мировоззрение любовь к музыке врезается необъяснимым лучом. Он сам сознается в том, что не может дать ей надлежащего объяснения и этим лишний раз доказывает искусственность и несовершенство своей системы. Поучительный и грустный пример представляет собою этот человек, загнавший добрую и нежную душу в схемы биологии. Проходит [186 стр.] мимо истинной жизни, весь во власти феноменов.

Сегодня я убил из нагана сороку, шагов с 15. Канаев отпрепарировал ее, а Касимов зажарил тушку. Я съел кусок - очень вкусно. Но вот, с четверть часа тому назад, замечательный выстрел сделал Канаев. Над лагерем довольно низко пролетал орел, и Вася убил его из нагана. Это было замечательно эффектно[46]. [187 стр.]

5/X.

Привал на Хасын-голе. Вчера перевалили Халзан-Дабан. Конец подъема был труден - крут и каменист. Вечером окончил запись текста и музыки бурятского эпического моти-

ва. Ночью было морозно, но не так, как третьего дня. Ночевали в долине на Нарын-голе. Сегодня утром одна лошадь оказалась больной. Хозяин ее остался на месте ночевки. Захворал ночью Бохин (сердце). Сегодня отлеживается на подводе.

Нужно отметить внезапно прекрасный вид, открывающийся с перевала Халзан-Дабан, на горы севера и юга. На самом перевале - громадное обо. П.К. и Н.В. положили туда по камешку, а он еще кроме того записочку в честь своей жены. В остальном день прошел ровно и незаметно, как внутренне, так и внешне.

Фрагмент:

Иль выстрелом из револьвера
Сшибить летящего орла. [188 стр.]

6/X. 21 ч.

Урга. Юрта[47]. [189 стр.]

7/X.

Урга. Целостного впечатления от Урги у меня пока еще нет, так как въехали мы в нее снежным туманным днем, так что даже священная гора Богдо-Ула не была видна почти совсем. Отдельные частные впечатления таковы: множество бездомных собак, больших, [190 стр.] чернобурых, которых нельзя убивать, так как они священны, выполняют санитарную службу по городу, так как поедают всю выбрасываемую падаль, вплоть до человеческих трупов. Караваны верблюдов, мерно проходящих время от времени по улице, под однообразный перезвон низко-звенящих бубенцов. Монголы и монголки в ярких халатах. В пышность их национальных костюмов сплошь и рядом вплетена европейская макулатура: дешевые фетровые шляпы с металлическими побрякушками в виде пятиконечной красной звезды. Монгол в оранжевом халате с зеленым поясом, который едет по снегу на велосипеде. Все

это первые [191 стр.] мимолетные впечатления. У дома Бадмажапова нас встретили П.К. и Ел.Вл. Караван поехал на следующий двор, а воз с пианино остановили, разгрузили и с большим трудом втащили на крыльцо, а оттуда в сени дома. Здесь я впервые познакомился с Цокто Гармаевичем Бадмажаповым, одним из любимейших спутников П.К. Среднего роста, поджарый, но крепкий, с очень привлекательным лицом, на которое монгольская раса не наложила особенно заметного отпечатка. Пианино оставили отогреваться в крохотных сенях, и я поспешил к каравану, разгрузку которого уже начали в соседнем дворе. [192 стр.]

После того, как разгрузка была окончена, стали размещаться в двух юртах, поставленных для нас во дворе. В одной юрте П.К. поместил Глаголева, Горбунову, Павлова и меня. Впоследствии к нам присоединились Симуков, Котик и Саранцев. В другой юрте - менее нарядной - все остальные. П.К. с Ел.Вл. живут у Бадмажапова, Убугунов с женой - где-то в городе в ГПУ. В юрте замечательно хорошо. Она около 2 саженей в диаметре, поставлена на настил из досок, доски покрыты матерчатыми коврами, стены изнутри - матерчатые. Остов корпуса составлен примерно из 130 жердей, укрепляющихся в [193 стр.] кольце верхнего отверстия, которое имеет в диаметре около полутора аршин. Верхнее отверстие затягивается войлоком, которым снаружи покрывается вся юрта. Посередине юрты - печка-времянка, труба которой высовывается в верхнее отверстие. На ночь она убирается, и отверстие закрывается войлоком. Так мы расположились в юрте[48]. [194 стр.] Устроившись наскоро, пошли к Бадмажапову обедать, "пролетариат" - на кухне, а "интеллигенция" - в столовой. Накормили нас до отвала. Была и водка. Вообще много пришлось бы мне выпить вина и водки за это время, если бы не обет. Говорю это не с сожалением, а с радостью. После обеда пошли укладываться на своих местах, а потом под моим наблюдением раскупоривали пианино. Поломок серьезных не

оказалось. Его внесли в переднюю и там накрыли шубами и одеялами. Из разговоров с Бадмажаповым выяснилось, что со мной жаждет познакомиться министр народного просвещения Жамцаранов (Далее: Ж - И.К.), [195 стр.] весьма интересующийся записью монгольских напевов. Это - чистая находка для меня. В Урге мы пробудем вероятно около месяца, и я надеюсь успешно поработать за это время. Ужинал я опять у Бадмажапова. Когда я вернулся, уже все спали. Позанимался индусским, лег и перечитывал последнее письмо Мика. Очень его люблю.

Сегодня проснулся на рассвете. Вышел из юрты. Золотой, непривычно наклоненный месяц. Богдо-Ула в облаках. Прекрасно. Разбирался в вещах. Пошел к Бадмажапову. Чистил и мазал касторовым маслом пианино. Детально осмотрел его. Оказывается, система демпферов сместилась несколько, отклеились 2 молотка, стали [196 стр.] западать несколько нот. Во вторник начну все это исправлять. В час дня Бадмажапов заказал для нас китайский обед в монгольской части города, куда мы и отправились на автомобиле в следующем составе: П.К., Ел.Вл., С.Ан. Гл., П. Н.В., я, Бадмажапов с женой и дочкой. Все было чрезвычайно интересно и необыкновенно. Мы уселись за круглый стол, установленный множеством тарелочек с разнообразной снедью. На стене комнаты громадный плакат с надписью по-китайски в честь этого обеда. Надпись в переводе гласила примерно следующее: "4000 лет тому назад в Китае было 4 славных страны, которые были в расцвете. И вот тогда ели те же [197 стр.] кушанья, что вы едите сейчас". Вот тщательно записанное меню этого экзотического обеда.

Холодные закуски:

1)Водоросли тонко нашинкованные

2)Водоросли с червями

3)Тухлые яйца

4)Брюшина баранья, тонко нарезанная

5)Копченый верблюжий горб
6)Колбаса из свинины
7)Колбаса из каракатицы
8)Колбаса из бараньей требухи
9)Сардины
10)Свинина
11)Копченые бараньи губы
12)Сало свиное
13)Баранина копченая
14)Водоросли крупные
15)Ананас
16)Груша

Горячие блюда:

1)Сосиски из верблюжьего мяса с фаршем
2)Тонкие свиные кишки, начиненные рисом
3)Курица разваренная
4)Каракатица в супе
5)Креветки (шейки) вареные с зеленым горошком
6)Баранина с рыбьими плавниками и жабрами
7)Омлет вареный с мукой и зел. горошком
8)Чай с горячими яблоками в сахаре
9)Хлебный (дуфу) сыр (ячмень), сваренный в супе
10)Хлебный сыр - под другим соусом
11)Брюшина баранья
12)Отстой из бараньей крови (белые шарики)
13)Фрикадельки из баранины
14)Трепанги с грибами
15)Баранина, длительно тушеная
16)Баранина с салом, тонко нарезанная
17)Пельмени кружевные
18)Вареный лотос (плоды) с яблочной пастилой
19)Японская рыба вареная [199 стр.]

Напитки:

Подогретая рисовая водка

Мадера, красное вино - привезенное с собой.

Замечательно вкусны были горячие яблоки в сахаре, пельмени и креветки с зеленым горошком. Все остальное из экзотики мне не понравилось, а нечто (напр. хлебный сыр), было прямо отвратительно. Обед прошел очень весело и оживленно. Продолжался 2 часа. Вернулись на извозчиках. Лежали, отдыхали от этой чертовщины. Состояние у меня сейчас довольно мутное. К тому же еще нога болит - натер себе основательный пузырь, который беспокоит. Осталось еще позаниматься урду, а потом спать. [200 стр.][49] [201 стр.]

8/X

Днем дежурил. Днем с С.Ан. и Н.В. должен был пойти с визитом к Юдину, но не смог из-за больной ноги. Образовался большой пузырь. Нога кругом опухла и покраснела. Только что Ел.П. проколола мне пузырь, залила йодом и перевязала ногу. Во время операции все обитатели юрты с интересом наблюдали за манипуляциями Ел.П., давали советы, а я смешил всех.

Утром наблюдал кольцом для определения времени. Во время дежурства сочинил пять строф стихотворения, посвященного китайскому обеду. Перепишу их потом. Ел.Вл. говорила сегодня со мной о нефритовой табакерке и Жамцарано, причем почему-то волновалась. [202 стр.] Очень интересны монгольские солдатские песни. Часто слышишь их от марширующих мимо солдат.

10/X. 12 ч.

Изложу обильные впечатления о вчерашнем дне. С утра мы с Н.В. отправились к Жамцарано. Дома его не застали и пошли в яман, куда он ушел. Главная комната ямана сильно напоминает учительскую в благоустроенной гимназии. Несколько банальных европейских столов, высокие шкафы с книгами, на стене учебные карты полушарий. Однако и мон-

гольское есть: вдоль всей комнаты около окон тянется помост (вершков восемь высоты). Он устлан материей. На нем столики - длинные и низкие (вершков 6 высоты). Перед столиками коврики, на которых нужно сидеть по- восточному - поджав ноги. Жамцарано представил нас начальнику ямана (нечто вроде министра) - старому монголу с умным и хитрым [203 стр.] лицом. Здоровался с нами он изысканно любезно, беря нашу руку в обе свои и умильно тряся ее. При прощании мы так восхищены были друг другом, так усердно кланялись, что стукнулись головами. Почтенный министр сидел за столиком, выцарапывал острой палочкой какие-то знаки на чем-то, вроде цифирной доски и по временам вынимал из под стола медный тазик, отхаркивал в него и сморкал туда же, зажимая одну ноздрю пальцем. Н.В. занимался с Лисовским - местным ботаником, рассматриванием гербария, а я стал беседовать с Жамцарано (он как бы товарищ министра) о моих предполагаемых музыкальных исследованиях. Оказывается, монгольское правительство уже давно настойчиво хочет собрать и зафиксировать монгольские мелодии, и для этой цели даже пыталось пригласить из России образованных музыкантов, но никто не вызвался приехать. [204 стр.] Таким образом, я прибыл к ним как Deus ex machina. Поэтому перспективы в моей музыкальной работе - блестящие. Судя по намерениям Жамцарано, перед моими ушами продефилируют певцы из всевозможных мест Монголии, а, может быть, и из Тибета. Меня познакомят также со всеми местными музыкальными инструментами. Для привлечения певцов монгольское правительство ассигнует некоторую сумму денег. Покончив разговор о способах моей работы, я, по поручению П.К., стал расспрашивать Ж. о местных палеонтологических находках, и о дальнейших раскопках в интересных местах силами экспедиции. Ж. показал мне имеющийся у них палеонтологический материал - шейные и поясные позвонки и бедра какого-то огромного млекопитающего, может быть, носорога, но не

выказал особого интереса к этой теме. "Кости полежат", сказал [205 стр.] он – "ударной мы считаем Вашу работу". Потом Ж. ушел, а я, поджидая Н.В., принялся записывать в соседней комнате музыкально-декламационное чтение монгольского писца, произносившего по рукописи текст какой-то переводной сказки с индусского, причем другой писец сличал копию. Оказывается, как объяснил Ж., почти всегда монголы читают нараспев. Вот как звучало предложение в чтении этого писца.

Конечно, каждое новое предложение варьируется. Иногда, напр., "c" в начале звучит несколько раз, иногда предложение оканчивается просто на "g" без портаменто и короткого "d", может менять свое положение проходящее "a". Но в общем, звукоряд остается совершенно неизменным. При помощи подвернувшегося переводчика я спросил писца - не может ли он читать на другой напев? Тот ответил, что он может читать только так. [207 стр.] Ж. сказал мне, что другие чтецы пользуются другими музыкальными схемами. Он опять пришел в яман и просил придти меня в 5 ч. для знакомства с одним местным певцом. По дороге домой зашел к Бадмажапову взглянуть, как приглашенный настройщик австриец чистит пианино. В назначенное время пришел к Н.С. В ожидании певца беседовали на разные темы вплоть до буддийской мистики. Ж. очень интересный, умный человек. Он критически отзывался о военном характере экспедиции Пржевальского[51] и Козлова, хвалил Потанина и говорил о том, что человеку, любовно относящемуся к азиатским народам, не страшны разбойники, и открыт путь куда угодно, вплоть до Лхасы. Очень радовался, что в экспедиции участвует музыкант. Пили чай. Певец надул - не пришел, зато пришла жена [207 стр.] Ж. (бурятка, окончившая Читинскую гимназию). Вместе с ней - ее, по-видимому, подруга. Мне уже ранее говорили, что жена Ж. хорошо поет монгольские песни. Но в моей просьбе по этому поводу сначала она, поддерживаемая мужем, отказала. Однако я в конце концов настоял. И вот она, то одна, то вме-

сте с подругой принялись петь. Сначала робко, застенчиво, по-европейски, потом, увлекшись - резкими, сильными, горловыми нотами. К общему удовольствию, (Ж. по предшествующему своему опыту, думал, что я одной песней буду мучить певца несколько вечеров) я записал примерно за час времени 3 монгольских частушечных напева и одну бурятскую эпическую песнь. (Подробности моих музыкальных работ теперь и в дальнейшем я буду записывать в специальном журнале, напевы - в особой тетради). [208 стр.] Поужинав, Ж. повез меня в местный театр - Народный дом, где на монгольском языке здешние актеры разыгрывали переводную индусскую пьесу в характере буддийской идеологии. Царевич, сын раджи, раздает все свое имущество, отдает затем своего белого слона и уходит с женой и двумя детьми в горы. Там ему предстоит последнее искушение - расстаться с женой и детьми, что он и выполняет. В дальнейшем, в следующем вечернем представлении, он опять сходит на Землю и воцаряет на ней золотой век. В антрактах играет духовой европейский военный оркестр. Дирижирует им псаломщик, причем, ту невероятную пошлость и безграмотный сумбур, которые играют несчастные музыканты- монголы, сочиняет сам дирижер. Сочинения же эти представляют собою монгольские [209 стр.] напевы в наборе из фальшивых аккордов I, IV и V ступени. Познакомившись с дирижером, я так и сказал ему, что мне это не нравиться. Там же в театре за кулисами осмотрел народные монгольские инструменты, которые сопровождают чтение, часто внедряющееся в пьесу. Мне дали как гостю почетный билет в первом ряду. Теперь намечу фрагменты для статьи о монгольском театре, которую хочу послать Вале. Актеры - все мужчины. Декорации в дешевом европейском стиле. Грим - схематичен. Молодые лица, развесистые бороды, уголь. Одна маска - брахман. Замечательный белый слон, с красной ленточкой на конце хобота. Безучастность к пьесе всех действ. лиц во время монолога. Кусок оранжевой [210

стр.] ткани - мясо, отрезанное от собственной ляжки царевичем. Дух Ормузда[52] - упитанный малый в пышном костюме с синими очками на глазах. Дух Земли - скачки, белый балахон, гигантская растрепанная черная шевелюра, борода и усы. Царевич забывает роль, из-за кулис спокойно выходит монгол, дает ему шпаргалку. Царевич вдумчиво читает ее и потом продолжает играть как ни в чем не бывало. Ручка от инструмента, торчащая из-за кулис. Музыкант, который выходит на задний план сцены, сплевывает на пол, и спокойно уходит обратно, во время трагического монолога царевича. Талантливых актеров не было. Не дожидаясь конца, мы ушли - поздно было. Ж. отвез меня домой. В городе темно, постоянно [211 стр.] окликают патрули, и все время лают и воют собаки, у которых к ночи просыпаются кровожадные инстинкты. Ходить по улицам в темноте - опасно. Бохин нездоров. Наверное не поедет. Наш лама, по видимому, в то же самое время агент по закупке оружия для Тибета.

Из-за непонятных мне стараний С.Ан. П.К. предполагает назначить меня начальником одного из эшелонов. Очень прискорбно. Впрочем, посмотрим, что выйдет из всего этого.

Пробовал сегодня пианино у Бадмажапова. Сыграл:

1)Прелюд c-m
2)Любовную мелодию
3)Пролог
4)Тему d-m
5)Балладу
6)Странника
7)Природу
8)Счастье.

Бадмажапов подарил мне 50 пачек сигарет "Pirate". [212 стр.]

23 ч.

Сегодня при помощи Н.В. перевел "Anleitung für etnographische Beobachtungen und Sammlungen", данное мне еще

Зиминым в Москве. В 4 ч. пошли с визитом к представителю РСФСР В.И. Юдину. Поговорили с ним о почте. Затем, воспользовавшись его граммофоном послушали Шаляпина, Карузо и пр. Сыграл там же на старом рояле: "Любовную мелодию", "Октавный этюд", "Странника". Вечером занимался в один раз английским с Саранцевым, Котиком и Симуковым. Занятия прервала записочка П.К. с просьбой придти поиграть. Сыграл: "Любовную мелодию", "Прелюд c-m", "Октавный этюд", "Балладу", "Странника", "Счастье" и "Три цвета"". [213 стр.] Выяснил, что и Бадмажапов, и его жена никакого отношения к музыке не имеют.

12/X. 4 ч.

10/X читал письма С.Н.П. к Н.В. там довольно много и хорошо говорится о МИКе. Н.В. написал С.Н. письмо значительное по содержанию и напряжению. Трещина в его душе обнаружилась для меня яснее, чем когда либо ранее.

Вырабатывал подробную программу музыкально-этнографических исследований на основании инструкции, данной мне, местных условий и здравого смысла.

Изучал дальномер военного образца, который лама везет в Тибет. Вечером был Ж. Было очень интересно. Кроме знакомых мне лиц были комендант города -композитор, молодой монгольский [214 стр.] князь, с красивым эмалевым лицом, еще два монгола, говорящие по-русски и две бурятки. Играли на флейте, пели частушки. Комендант спел шесть эпических песен, монгольских (см. журнал). Говорили с Ж. о монгольском театре и мистериях.

Фрагменты для статьи о театре.

Влияние индуизма в театре и мистериях неизмеримо больше китайского. Ламские мистерии в определенные сезоны. Продолжительность мистерии до 1 месяца. Руководит мистерией наиболее важный и чистый лама, который управ-

ляет не только техникой, но и постоянной телепатической передачей.

Содержание: (темы разных мистерий).

1)Подготовление человечества к грядущему Будде. [215 стр.]
2)Неприятие мира во зле
3)Очистительные мистерии умилостивления
4)?

Форма:

Религиозные танцы с музыкой. Многие в масках. Основные маски:

1)Брахман - доброе начало.
2)Охотник в тигровой шкуре - дух Мирового порядка
3)Человек с оленьими рогами - дух Земли.
4)Ворон - злое начало.
5)Череп - смерть.
6)?

Метод: подготовительные упражнения в танцах, с различными медитациями в разными моменты. Содержание медитаций диктует управляющий мистерией лама. Смысл основных медитаций - концентрация воли, которая способна уничтожить зло. В Урге мистерии происходят [216 стр.] летом и зимой. Но главные мистерии имеют место в монастыре в Эрдэни Дзу к западу от Урги.

13/X. 23 ч.

Вчера днем обрабатывал музыкальный материал. Начал вести правильный музыкальный журнал. Приходила к нам Ел.Вл. Читал вслух Гумилева.

В 4 часа пришел к Ж. Его жена и подруга пели. Ж. записывал тексты. Записал №7 и №8. Беседовали очень интересно с Ж. Я прочел ему "Балладу". Он сказал, что это очень глубокое произведение, и что оно будет понятно и близко всякому в Азии.

- "Баллада", если Вы прочтете ее образованному ламе, будет для Вас как бы паспортом.

Мы много говорили еще о кризисе материализма. [217 стр.] Жамцарано очень начитан и в европейской литературе. Знает Бергсона, Бердяева.

23 ч.

Разговаривали еще относительно мистерий и о различных пунктах нашего маршрута применительно к возможности встретить интересных людей. Об этом в другой раз. Потом поехали с Ж. в театр на комедию. Фрагменты для статьи: Плохой любительский русский фарс. Плохие актеры. Интересно: шекспировский характер техники - герой, например, воображает стену. Движение рук, как бы открывающее дверь. Коллективность творчества. Один актер играет несколько ролей. Отыграв, среди действия приходят в публику. Сюжет пьесы злободневно-политический. Это уже надоело. [218 стр.] Позабыл написать, что у Жамцарано спел свою монгольскую песенку, написанную в этот же день. После этого, жена Ж ее подруга напели мне частушку, напоминающую мою песенку. Этой частушки я не знал. Мне это было очень приятно. Значит схватил характер музыки.

Сегодня днем был на базаре. Купил себе пимы, перчатки, а для экспедиции - две флейты и латчит[53]. Встретил на базаре Котика. На обратном пути зашли с ним в китайскую лавочку и поели пальцами пельменей. Вечером опять был у Ж. Кроме коменданта, князя с его вассалом, помощника Жамцарано, [219 стр.] были еще китаизированный монгол - учитель из Пекина и еще южные монгол с монголкой. Записал песни № 9 и 10. Кроме того, фонографом - № 1 и эпическую песнь о ястребе. И все начал записывать с голоса. Это трудно. Все исследователи, включая Руднева[54], отказались от этой задачи. Тем более нужно мне преодолеть это. Играли на хуре[55], хучире[56] и флейте. Хур очень красивый во всех отношениях инструмент. Если вернусь из экспедиции, то мне поч-

ти обеспечено место в Урге по музыке и астрономии. На базаре записал молитвы нищенствующих монахов. [220 стр.]

14/X. 23 ч.

Сегодня с 11 до 21ч. провел у Ж. Записал 10 мелодий № 11-20 журнала. Фонографом, кроме того, записал 8 напевов. Сегодня пели: один халхасец, разбитной ургинец- юноша и два монгола из южных – хорочинцы[57].

Приходил к Ж. кобдоский генерал-губернатор. Как они обменивались с Ж. голубыми хадаками![58] Как губернатор угощал меня нюхательным табаком из нефритовой табакерки! Как мы за чаем угощали друг друга! И как прощались! Он дал мне свою визитную карточку. Сохраню ее. [221 стр.] Работал сегодня плодотворно, но под конец утомился. Голова заболела. Кроме записей напевов, произвел тщательный анализ хура. Совсем теперь нет времени. Но о МИКе думаю постоянно.

15/X. 13 ч.

Дежурю. Только что получил 9-ое письмо от МИКа. 8-е, очевидно, где-то задержалось. Оно, как оказывается, вложено в книгу Ходасевича.[59] Все так, как было у нас обоих. Писал перед письмом бумажку в Центросоюз о картонных подошвах на их обуви. Сейчас перепишу фрагменты о китайском столе, написанные ранее. Последнее время ничего не написал за исключением песенки по схеме монгольской частушечной формы. Приведу и ее.[60] [222 стр.]

Фрагменты.

Для неофитов экспедиции
Любезный наш монгольский друг
Обед нам дал, каким патриции
Не угощали их подруг. [223 стр.]

В трущобной лавочке Маймачена
Накрыт веселый круглый стол

Со снедью, явно предназначенной
Затмить гиперборейский стол.

Миниатюрные тарелочки,
Где зелень выглядит свежей.
Смиренно сложенные палочки
В соседстве вилок и ножей.

В утеху бренным вожделениям
На скатерти пестреет лес
Смущающих (пленяющих) воображение
Гастрономических чудес.

Омлет вареный. Гнилые яйца
(Их держат много лет в земле)
Меж ананасов помещаются
На экзотическом столе. [224 стр.]

Здесь водоросли нашинкованные
Рядом - баранья требуха,
Китайской кухней патентованной
Из каракатицы уха.

Бараньи губы. Рыба нежная.
Восточных солнечных морей
Я вижу наслажденья прежние
Давно угаснувших царей.

А колбаса из каракатицы!
А черви! А ячменный сыр!
Наш смех невежливо-раскатистый
Компрометирует весь пир.

Вот эту прелесть экзотическую
Китаец ловко подает.
Он, как священник католический,
Брит. В черном. И большой живот.

И в сне дневном (ведь так мы все устали)

Плывут китайские божки
Креветки, лотос сладко сваренный,
И яблочные пирожки. [225 стр.]

23 ч. 30 мин.

Только что вернулся от Ж., к которому пришел в 5 ч. вечера. По поручению П.К. беседовал с ним о Богдо-Уле. Затем пришел комендант. Записал от него фонографом 6 эпических песен (12 пластинок, 6 дисков). Затем с голоса записал эпическую песню о ястребе. Очень трудно. Еще записал с флейты мотив, сочиненный комендантом.

17/X. 15 ч.

Вчера ездил на радиостанцию. 3 антенны по 18 саженей. Сильные приемники. Мощность - 25 KW. Станция находится в верстах в 4-х к О от дома Бадмажапова. Буду на днях определять долготу Урги. Вечером [226 стр.] был у Ж., был только Дугаржаб. Записал фонографом и на бумагу мелодию флейты его собственного сочинения и эпической песни № 7а и 8а. Затем длительно учил "Ястреба". Прошел купить для Котика сладенького (в честь дня его рождения), и когда вернулся домой, пили все вместе какао. Сегодня был на базаре, купил шанзу[61], и для МИКа две буддийские иконы, изображающие [? -- И.К.]. Сегодня день рождения Богдо-хана[62].

18/X. 22 ч.

Вчера вечером был у Ж. Разбирался в 4,5 дюймовом рефракторе, который по дороге из [227 стр.] Москвы в Ургу переболтался в ящике. Примерно скомбинировал его, но придется еще поработать. Был князь, записал от него №№ 22 и 23. Кроме того он пел "Ястреба", по-моему, беднее, чем я. Сегодня днем переписывал и приводил в порядок нотные черновики.

Был у Бадмажапова. Сыграл в 4 руки с Идой Павловной первые части. Было очень приятно. Забыл упомянуть, что вчера по пути на базар зашел к Вязигину и сыграл на превосходном концертном "Шредере", несколько расстроенном, "Прелюд c-m", "Балладу" и "Странника". [228 стр.]

Сегодня буря. Богдо-Ула в дыму снега и пыли. Судорожный сильный ветер. В юрте холодно. Вечером был у Ж. Был Дугаржаб и две певицы, из которых княгиня Боротолгой (arbiter elegantia - Урги) - замечательно музыкальна и обладает хорошим голосом. Записал от нее №№ 27, 26 и № 25 - от Дугаржаба.

Возился с рефрактором. Возвращался с княгиней на лошади Ж. Ветер, холодно, разорванные тучи, луна. Где-то в глубине зарождается творческое беспокойство.

19/X. 24 ч.

Днем работал с солнечным кольцом и гироастроидом [229 стр.] вместе с П.К. В 4 ч. с Ел.П. пошел к Ж. Там показывал луну и другие небесные и земные объекты в 4,5 - дюймовую трубу. Потом занимался музыкой. Записал №№ 27-29 от Дугаржаба. Была еще княгиня вчерашняя. Напела "Кангрему" в фонограф. Вышло очень хорошо.

20/X. 23 ч.

Встал в 6 ч. Вскоре приехал автомобиль, и я, захватив Котика, отправился на радиостанцию определять долготу Урги. После определения осмотрели станцию. Заведующий угостил нас чаем с лакомствами. Затем поехали в город. Проходя мимо нашего дома, увидели первый эшелон верблюдов, входивший в ворота. Съездили в Госторг. [230 стр.] Заведующий преподнес мне две пачки русских папирос. Потом поели в китайской лавочке яблочных пирожков. Оттуда направились на квартиру к инструктору связи Сергею Кононовичу Петрову, сопровождавшему нас. Там он мне подарил великолепный

спальный мешок. Внезапная русская щедрость. Оттуда поехали в яман, где я занимался с ламой обменом астрономических познаний. При содействии местного картографа Лисовского я унес с собой два интересных документа, касающихся небесного свода и румбов.

Дома под руководством П.К. изучали вьючение верблюда. Позабыл сказать о том, что на радио написал письмо. [231 стр.] Вечером был у Ж. Сначала смотрели в рефрактор на луну и кровавые облака. "Смущал медлительных монголов астрономической трубой". Затем по обыкновению пели. Был министр внутренних дел. Его придворный музыкант прекрасно играл на хуре. Пробовал безуспешно записать его фонографом. Записал "Кангрему" в исполнении Дугаржаба, на чем фонограф опять сломался. Министр и его музыкант были предельно радостно изумлены, услышав, как я пел "Ястреба" и частушки. Затем долго беседовал с Дугаржабом. Это музыкант божьей милостью. Чуток, талантлив и болен музыкой. Я пел ему свои романсы, Вагнера и др. "Отрада поздняя. Вечерняя отрада!" [232 стр.]

22/X. 10 ч.

Вчера с утра П.К., Ел.Вл., Н.В. и Бадмажапов уехали на охоту дня на два. Днем я приводил в порядок музыкальные записи. В 13 ч. записывал показания барометра и термометра и попутно сыграл с Идой Павловной "1-ю симфонию" Бетховена. Играет она неважно, но все-таки было приятно. Потом пошел к Ал.Вл. Байкову. Он мне подарил школу для флейты. Потом пошли к Вязигину в составе: я, Ал.Вл., Ел.П., Котик, Симуков, Саранцев. Туда же пришли Дугаржаб, Галсан, монгол, певший № 10, и некоторые другие. Программа концерта была такая: доктор сыграл на флейте под мой аккомпанемент несколько вещей Чайковского и Глазунова, Дугаржаб спел ряд эпических песен и частушек, а я сыграл:

1) Романс. [233 стр.]
2) Похоронный марш.

3) Октавный этюд.
4) Балладу.
5) Странника (дважды)
6) Счастье (дважды).
7) Природа
8)-10) 3 Альвильты
11) Моцарта.
12) Верь любви.
13) Дорогу.

После концерта все пошли в китайский театр. Фрагменты для статей: помещение барообразное, партер, галереи, ложи, столики, лакомства. Чай, галереи перед ложами, надушенные горячие полотенца, жонглерство ими. Шумно. Накурено.

Сцена. Декораций нет. 2-3 стула. Стул изображает стену и ворота в ней. В глубине сцены - музыканты. Действие - на авансцене.

Оркестр. Трубы простые. Хучир 2-х струнный. Флейта. Большое количество ударных. Гонг - тускло дребезжащий (высокое ре), оловянное блюдо, маленькие тарелки. [234стр.] Звонки, деревянные бруски. 5-ти тоновый звукоряд.

На хучире мелодии из следующих нот[63], метр - 2 четверти, четверти и восьмые. Флейта играет в очень высоком регистре. Координация между движениями и ритмом ударных инструментов (например, трясение головой).

Грим. Белая, черная и красная краски. Длинные черные бороды, (не у всех), прикрепляющиеся над верхней губой. Белый нос означает лживость персонажа. У некоторых актеров лицо безучастно. Мимика пальцев богата. Во время исполнения приносят иногда тому или другому актеру чай. Красивые костюмы. Маски только у фантастических животных. Несколько пьес в один вечер. [235 стр.]

Содержание. Чиновник, не берущий взяток, и за это возвеличенный царем. (Деталь: он садится на воображаемую лошадь и долго стоит с поднятой ногой).

Другая пьеса. Воин отправляется в поход и оставляет жену. Через 18 лет возвращается обратно и убеждается в верности своей жены. Воина с бородой играла 11 летняя девочка! А его жену - мальчик.

После возвращения домой в первый раз использовали папину посылку. Разучивали "Ноченьку": Котик, С.Ан., Саранцев, Симуков и я. В постели читал урду. Между прочим, в книге Гумилева, по возвращении ее от Ел.Вл., я обнаружил вложенное в нее стихотворение, написанное ,по-видимому, ею. Быть может, здесь есть связь с "Балладой". [236 стр.]

24/X. 11 ч.

Вчера чувствовал себя несколько нездоровым - грипп. Накануне разучивал песни с юртянами и накричался. Ездил впервые на верблюде (наладил седло). Высоко и довольно удобно. Днем пришла бумага из полномочного представительства. Отъезд откладывается. Вечером пошел к Ж. Там много играл в шахматы. Сначала 3 раза обыграл Галсана, потом стал играть, не смотря на доску, против Галсана, министра внутренних дел и еще одного человека, специально вызванного. Играли долго, [237 стр.] я устал и проиграл. Потом стал играть с чиновником и позорно проиграл, подставив слона и ферзя. Жар. Записал с трудом от Дугаржаба №№ 30-31. Вечером вернулись наши с охоты. Убили трех коз (из них одного самца), зайца и рябчика. Сегодня, вероятно по случаю получения вчерашнего документа, П.К. в чрезвычайно нервном состоянии. Мне и Н.В. досталось, как и всем. Нам - за то, что не вышли поздороваться. Заставил нас учиться снимать шкуру с коз. Потом несколько успокоился. Мне нездоровится. Вероятно, легкая инфлюэнца. [238 стр.]

23 ч.[64] [239 стр.]

25/X (Дежурство).

Утром П.К. поручил мне передать подарки министру внутренних дел. Занимался приведением в порядок музыкальных записей. День теплый, зимний, ясный. Н.В. снял нас около юрты[152]. Потом меня и Симукова в вооружении на верблюдах. Затем мы с Н.В. отправились к Ж. Затем я зашел вместе с Ж. к министру, передал ему подарки и выпил чаю. Вернувшись к Ж., показал Дугаржабу, министру и пр. в трубу разные земные и небесные объекты. Н.В. снял Джигжита с хуром, с ятагой, меня с Дугаржабом и старика поющего эпические песни. Ятага – древний [240 стр.] монгольский инструмент. (см. журнал). Засиделись до 9 ч. 30 мин., много пели. Записал по журналу №№ 32-34. Эпические песни записывались сегодня очень легко. Должно быть, вошел в них. Сейчас хотел воспользоваться редким свободным временем и написать МИКу, но не могу - слишком холодно водить рукой.

27/X. 13 ч.

Сейчас отправляемся на обед, устраиваемый монгольским правительством. Вчера утром занимался музыкальными записями. Днем пошел с Ел.П. и Галсаном на базар. Искали мастера для [241стр.] фонографа. Ели европейские пирожные. Потом пошел к Ж. Описал там ятагу и дзин, который оказался ничем иным, как приобретенным ранее латчитом. Записал у Дугаржаба №№ 35-36. Было очень трудно. Учил Дугаржаба нотам.

Прибыла к нам вчера последняя партия верблюдов. Сегодня были у нас в юрте два цайдамских монгола. Они пели немного (5-ти тоновый звукоряд.). Мелодия по сложности - между бурятской и монгольской эпическими (ближе к бурятской).

Вчера Ж. по поводу моей работы сказал: "Ну знаете, у Вас какое-то чисто немецкое упорство". Только что узнал, [242 стр.] что папуля решил посадить меня на верблюда. "Это будет стильно" - сказал он при этом С.Ан. Для меня эта фраза загадочна. Ну что же, поеду на верблюде. На днях я узнал от Н.В., что папуля не хочет оставлять меня в Цайдаме. Было очень радостно услышать это.

20 ч.

Только что вернулись с обеда, устроенного для экспедиции монгольским правительством в Монголии. Присутствовали: Петр Кузьмич, Елизавета Владимировна, Елена Петровна, Я, Николай Васильевич, Сергей Антонович, Убугунов с женой, председатель Учкома Жамцарано с супругой, Бадмажапов с супругой, [243 стр.] министр внутренних дел Цэцэнхан, министр финансов, председатель ЦКП, и еще несколько человек. Была обильная еда, вина, шампанское, на которое я с грустью смотрел. Перепились все здорово. Говорили речи: П.К., Н.В., Убугунов, я (поблагодарил Ж.), Цэцэнхан и Ж. Последний много говорил о моей работе и о неисследованных областях Тибета. (Удар против Цайдама). Говорил нескладно по форме, так как выпил, но значительно и напряженно. Подарили нам всем голубые шелковые хадаки. Один я ничего не пил и поэтому с досадливой грустью слушал все речи, [244 стр.] которые, как это всегда бывает в таких случаях, в большинстве были преувеличенно-чувствительными. Одним словом, иероглифы радости. Жамцарано был неискренен в том отношении, что с величайшей похвалой отзывался о путешествиях П.К. Н.В. старался утвердить свое глубокое уважение к азиатской культуре. Чем больше пили вино, тем ощутительнее чувствовалась фальшь. Под конец С.Ан. и Н.В. целовались с каким-то монголом. По возвращении Н.В. философствовал, причем все время икал (очень мне напомнил лицедейства Коли Морина). [245 стр.] С.Ан. лег и заливался

бессмысленным детским смехом, причем очень смешно говорил разные глупости. Вообще в пьяном состоянии С.Ан. производит много более благоприятное впечатление чем Н.В., у которого живущие в каждом самолюбие и самолюбование неприятно подчеркиваются. Я же во время обеда и потом думал о странствиях, о МИКе, о милом отце, об одиночестве души и о вечном духовном братстве в веках и мирах. Был один хороший момент во время обеда, когда Н.В. попросил меня вынуть мой хадак и с какой-то детской трогательностью [246 стр.] потер о него своим хадаком. Но все-таки, движение это стимулировавший его алкоголь, в значительной мере обесценил.

28/X. 23 ч.

Вчера вечером прочел вслух Котику, Симукову и Саранцеву "Саниаси". (Имеется ввиду поэма "Гава". Санскр. Саньяси: "бродячий аскет", "отшельник" – И.К.).

Сегодня горькое и неожиданное известие - отстраняются от экспедиции Саранцев и Савельев. Они, мальчики и Ел.П. плачут. Все мы удручены, делаются самые ужасные предположения, вскрываются какие-то гнойники. Скверно в юрте. Лишний раз раскрывается во всей низости лживость обычных человеческих взаимоотношений. [247 стр.] Жестяные вывески.

Вечером был у Жамцарано. Говорил он мне о буддийских мистических ритуалах (пение толпы в ночном храме, весенние мистерии в природе, восхваление мужского и женского начал в каждом человеке). Был Дугаржаб и монгол Цамба из местных. От последнего записал в черновом виде три эпические песни, от Дугаржаба – "Замутив"[65] и "Думун"[66] (окончательно отделал их). Сейчас в юрте тихо. Николай Васильевич, Екатерина Петровна и я - пишем. Андрей Дмитриевич сидит и думает. Остальные спят. Настроение у всех подавленное. Милый МИК! Думаешь ли ты обо мне! Я тверд, как прежде, и нежно люблю тебя, как прежде. [248 стр.]

29/X. 24 ч.

Долго занимался английским со своими учениками. По-прежнему удручены отчислением Саранцева и Савельева. Вечером у Ж. записал от Дугаржаба № 2а и 8а, от Б.Ц. Ж. - бурятскую песенку. Писал латинский ботанический диагноз для Н.В.

31/X. 12 ч.

У Ж. Вчера днем добывал пропуска для провожатых верблюдов. Препротивное учреждение ГПУ. Уехали Телешов, Эрдэни и Пахомов. Место пастьбы - Буху, верст 25 к W от Урги. В 5 ч. как всегда, пришел к Ж. Дописал [249 стр.] от Дугаржаба № 8а ("Эрдэни сайхан")[67]. Потом пошли с Дугаржабом Галсаном к Бадмажапову, предварительно зайдя к Дугаржабу. Хорошо у него в юрте. Ковры и коврики, низенькие скамеечки. Тихие светильники перед sacra. Хозяйка поднесла мне молочных пенок в твердом виде и холодного кумыса. Тут же дугаржабята (2 маленьких) и киска. У Бадмажапова были Ж с супругой, С.Ан. и Котик. Дугаржаб пел эпические песни и частушки, играл на флейте. Я много пел: "У моря ночью", "Балладу", "Странника", "Счастье", "Природу", "Садовника", "Вперед", Моцарта, Глюка, "Прелюд c-m". [250 стр.] Сначала разговаривали, потом все притихли. Днем Н.В. в ямане сказал мне что-то о пренебрежении мною рыцарства, что, конечно, меня задело и удивило. Как выяснилось сегодня - это все по поводу этого пьяного обеда в гостинице. Н.В. упрекнул меня в холодности и безразличии, на самом же деле я был не только безразличен, но даже враждебно настроен из-за той фальши, которая лилась рекой на этом обеде. Когда же я сказал Н.В. об его "уважении глубоком к азиатской культуре", он сначала не поверил, потому, как был сам поражен. Все написанное им об обеде значительно отличается от действительности. Иначе и не могло быть. Слишком уж сильно пили. [251 стр.] В юрте по-прежнему печальные разговоры. (Разговор с

С.Ан. и Симуковым о Тибете). Сегодня узнал от Убугунова последнюю потрясающую новость; С.Ан. также отстранен. Теперь понятны слезы и слова Е.П. Плохо все это очень.

2/XI. 25 ч.

Вчера дежурил днем. Вечером историческое заседание. Выводы: радикальное изменение намерений после сегодняшних разговоров с П.К. Нравственная оценка. Вечером в темной юрте. Пение Галсана. Монгольский язык. Вечером с Н.В. у Байкова. Разговоры о литературе. Журнал "Восток". Владимирцов о книге П.К. (последней)[68]. По возвращении холодно. [252 стр.]

3/XI.

Сегодня - неожиданная радость. Получил письмо от МИКа, кажется, десятое. Длинное и чудесное. Днем ходили с Н.В. в баню. С 5 до 12 был у Бадмажаповых. Там же присутствовали Байков с супругой. Играл "Сонату", "Романс", "Зарницу", "Без улыбки", "Весну", "Сестер", "Костер", "Счастье", "Природу", "Странника", "Ты, шелест", "Пела, пела Пеночка".

Слушала главным образом Ел.Вл. и Ида Павловна. У Ж. не был. Он передавал по телеграфу, что у них не все благополучно. Утром читал нашим статью Владимирцова в "Востоке" о книге П.К. (последней). [253 стр.]

4/XI.

Позабыл написать: 2/XI продолжительно в одиночестве ездил верхом к Богдо-Уле. Было очень хорошо. Сегодня днем работал в ямане: обработал записи и написал краткий отчет о работе для ГО.

Потом длинно разговаривали с Н.В. о любви, мистике и пр. и пр. Бездна между нами. Вечером занимался, как всегда английским, монгольским и индусским. Предположения о желанной экспедиции в Тибет. Расход в экспедиции. "Худо-

жественное творчество" Лапелина. О передаче мне денежной отчетности. [254 стр.]

5/XI. 18 ч.

Много ездил верхом с Котиком по городу. Менял в Госторге американские доллары на янчаны. Диалог с Williams. Пельмени в русской столовой. Компания: я, Котик, Симуков, Саранцев, С.Ан. (возвращаемся из гостей). Вскоре после возвращения принесли почту, мне - восьмое письмо с "Тяжелой лирой" от Мика. Долго читал. Потом читал всем нашим (отсутствовал только Н.В.) "Шатер" и "Тяжелую лиру". В последней много хорошего. Не знаю, что делается в Пулкове. Ни от кого из наших не получил ни одного письма. [255 стр.]

7/XI. 10 ч.

Рассуждения на тему о "марте". Убугунов и П.К. Смета расходов на проезд. Бурятка у Ел.Вл. Беседа с П.К. Возвышение – "духовный помощник". Вечером у Ж. Штудии в области монгольской и буддийской поэзии с Ж. Поездка в Народный дом. Стереотипные речи. Знакомство с Ринчино. Дома мирная беседа с Н.В. по поводу нашей принципиальной розни. П.К. объявил мне сегодня, что мне придется читать доклад о музыке. Прискорбно. Не знаю, как выйти из затруднительного положения. [256 стр.]

8/XI. 10 ч.

Вчера долго катались верхом с Котиком. Привезли от Ж. хур. Потом съездили к Богдо-Уле. Чем ближе к ней, тем она прекраснее и мощнее. Вероятно, во время поездки потерял финский нож. Очень жалко. В ежедневном обиходе он был моей самой нужной вещью. Был у Ж. вечером. Провел там время вдвоем с Дугаржабом. Объяснялись по-монгольски и мимикой. Окончательно исправил "Замутив", "Думун", "Джаргалтай", "Эрдэни сайхан". Записал № 43, придя домой

написал письмо МИКу, которое отправил сегодня. Тема: тибетские комбинации. Затем беседовал с Н.В. на эту же тему. Зима наступает. По ночам сильные морозы. И какие звезды! [257 стр.]

9/XI. 11 ч.

Вчера занимался как всегда монгольским, английским и индусским. Вечером был у П.К. Записал от Сотбоевой вариант "Алаг сарал"[69] и №№ 44-47. За ужином беседовал об Иркутске 1916 г. Потом играл Ел.Вл. и Иде Павловне "Садовник", "Странника", "Костер", "Печать любви".

Ночью дежурил. В плеядах различаю 12 звезд - такова прозрачность Ургинского неба.

8 ч. 30 мин.[70]. [260 стр.]

Напряжение в экспедиции по-прежнему тяжелое, беседа с П.К. Я в роли заместителя С.Ан. Дипломатия. Визит к консулу. Управление деньгами и ящиками. Прощай музыка! [261 стр.]

11/XI.

Дипломатический визит к Юдину. Шахматная партия. День и вечер у Ж. Работа, предстоящая в Урге. Записал от мадам Ринчино №№ 48-56. Ринчино прелестно пела корейские песни. Сегодня узнал «приятные новости» - меня тоже собираются отправить в Москву. Любопытно.

13/XI. 11 ч.

Дежурство. Вчера приходил Убугунов. Дразнение. Вечером был с П.К., Ел.Вл., С.Ан., и П.М. на бурятском спектакле. Пьеса с тенденцией. Пренебрежение ко времени и действованию. Потом танцы (иркутский!) и игры. [262 стр.] Вечером инцидент с лошадью, повозкой и тюрьмой. Бохин по-видимому, отчисляется за не прекращающееся пьянство.

По поводу спектакля еще: фальшивый бурятский хор и Ринчино. Днем ходил в город по поводу яматов и долларов. Любопытные метеорологические данные. Сегодня ночью минимум (в ящике) - 16 гр. С.

Сейчас:	t - в тени	t - на солнце
11ч.	-10,8°С.	+31,6°С.
11ч. 15 мин.	-10,6°С.	+32,2°С.
11ч. 30 мин.	-12,4	+33,1
12ч.	-11,8	+30,0

Снег не тает, а испаряется. Вынул термометр из футляра. [263 стр.]

14/XI. 23 ч.

Вчера днем отлучался в город. Значительный разговор с Убугуновым. Новый свет на происходящее. Закупки для МИКа. Письмо и посылка. Сегодня прием заместительства С.Ан. Трудно будет. Деньги, ящики, административные заботы. Беседа с С.Ан. о МИКе и дружбе. Вечером концерт в Центросоюзе. Играл "Похоронный марш", "Марш комедиантов", "Пролог", "Любовную мелодию", "Прелюд с-m", "Октавный этюд", гумилевские романсы, "Балладу", "У моря ночью", "Зарницу", "Верь любви", "Садовника", "Старую песню", "Вперед", "Триаду".

Многое играл дважды. Скромный мальчик! [264 стр.] Слушали человек 18. Между ними: П.К., Ел.Вл., Убугунов с женой, Ринчино (она), Жамцарано (она) и другие. И туда и назад на автомобиле. После приезда длительные разговоры (мягкие) с Н.В.

16/XI. 20 ч.

Вчера днем уехали наши. Было тяжело. Многие плакали. Пролетариат основательно выпил. Перед их отъездом я по очереди поговорил с С.Ан. и П.М. о МИКе.

П.К. пришел к нам обедать. Тягостно говорил о разных мелочах. Скверно. А С.Ан. был прямо прекрасен. "Ужасно

жалко покидать вас всех" - сказал он мне при прощаньи и неудержно заплакал. Надолго врезались и слова и интонация. [265 стр.] Теперь взошла моя печальная "звезда". Получил приказ подтянуть всех. О музыке, наверное, придется забыть. Административные мелочи, канцелярия, деньги и трудные разговоры с П.К. И надолго, может быть. Я даже как-то завидую уехавшим. Вчера вечером беседовал с П.К. об Убугунове. Может быть, небезрезультатно. Сегодня целый день мотался по делам. Утром Н.В. в первый раз распустился до того, что нецензурно выразился по отношению ко мне. Скверно до последней степени. Хотя он и повинился, но след все равно останется. П.К. целый день в отвратительном состоянии.

Вечером Галсан пел мне молитвы и тибетские песни. Это было хорошо. В юрте пусто. [266 стр.]

18/XI. 12 ч.

Вчера весь день занимался мелочами. И так, наверное, будет долго-долго. Дипломатия с пролетариатом. Беседа с Н.В. об отношениях между людьми. Вечером у П.К. Байков смешил еврейскими рассказами, жена его рассказывала еврейские сказки. Играл "Балладу", Моцарта, "Октавный этюд", "Прелюд c-m", "Вперед". Беседовал с Ринчино. Жена его пела корейские песни. Днем сочинял, но очень мешали все время.

Когда оранжевый костер
Погаснет в западных просторах
И отсверкают гребни гор
Последним пламенным узором, [267 стр.]

А в небе чистом, как нефрит,
Зажжется древний знак молчанья
И славу солнца претворит
В нежнейшее очарованье,

Тогда по улицам глухим
По площадям пустым и пыльным,

Поговорил с Н.В. (сегодня) относительно П.К., Ел.П., (случай в Троицкосавске) и Ел.Вл. Последняя охотилась "сухим, холодным и с сатанинской злобой" человеком. И это сказал Н.В. после всего, что говорил о ней раньше. Поистине безумны поверхностные отношения людей. [268 стр.] Видел во сне маму и МИКа.

20/XI. 24 ч.

18 вечером был у Ж. Сначала беседовал с его женой. Ее сильно потрясла моя музыка. Может быть, это способствовало тому, что она рассказала мне свою скорбную автобиографию. Потом пришел Ц. Жамцарано, и я долго беседовали с ним о его замечательной деятельности в Монголии. Какая жертвенность, какая воля, какая любовь!

Вчера был опять с дипломатическим визитом у Юдина. Принес почту. Мне писем не было! Н.В. читал письмо (чудесное, [268 стр.] я его потом прочитал С.Ан.) и вдруг пишет мне на бумажке: "Вы знаете, что МИК попал под автомобиль?" Помню, что я обратил внимание на то, что он не забыл поставить последнюю "е" в слове "знаете". Во мне все застыло, но я как равнодушный автомат спросил: "Ну, и какие результаты?" и только когда он ответил: "Все благополучно", я понял, что произошло. Вечером написал длинное письмо в Пулково. Сегодня утром в Ургу приехал Свен Гедин[71]. В 14 ч. он пришел к П.К. [270 стр.] Несколько позже пришел туда и я, а потом был вызван Н.В. Умилительно было смотреть на двух азиатских могикан, дружески и весело барахтавшихся в лавине воспоминаний. Свен Гедин необыкновенно бодр, элегантен и красив. Едет на родину, объехав чуть ли не весь свет. Вечером были с Н.В. у Байковых. Чувствовал себя томительно[72]. [271 стр.]

21/XI. 23 ч.

Сегодня опять приехал к П.К. Свен Гедин. К обеду позвали меня и Н.В. Как и вчера старики плавали во взаимных уверениях и воспоминаниях. По-русски Гедин говорит свободно, но очень неправильно. "Войновают между себе". После обеда пошли к нам. Фотограф-китаец снял обоих путешественников отдельно и затем - вместе со всеми нами. Зашли к нам в юрту. Здесь Н.В., я [272 стр.] и Ел.П. попросили дать Свена Гедина автограф.

Вечером был у Жамцарано. Записал от Боен-Ульзбуя №№ 57-63. Сегодня, между прочим, утром П.К. сказал мне: "Я могу выразить Вам свою признательность только тем, что произвожу вас в старшие помощники". Заходил днем Убугунов. Опять разворачивался. Даже жалко.

24/XI. 20 ч.

Все эти дни очень много дела. Дежурства, административные прелести, размен [...] серебра и пр. и пр. Фотографии со Свеном Гединым [273 стр.] вышли очень удачно. Третьего дня был у Ж. Записал от Боен - Ульзбуя №№ 64-66. Все эти дни стоят очень сильные морозы, с ветром, до 32°С. По утрам в юрте очень холодно.

П.К. все время в очень тревожном, нервном состоянии. Трудно с ним, и очень жалко его. Кажется, простил бы ему все его резкости, часто неприятного свойства. Ответа на телеграммы нет. Верблюды худеют на плохом корму. А выехать нельзя до распоряжения правительства. Надежного помощника по верблюдам и лошадям - нет. Телешов стар. [274 стр.]

26/XI. 22 ч.

Вчера целый день прозанимался у Ж. Обрабатывал напевы. Ж. получил телеграмму от МИКа. Маленькая беспокоится обо мне. Сегодня весь день провел в городе по делам и у

П.К. Положение трудное. Верблюды худеют на плохом корму, а выступать экспедиции нельзя, нет разрешения. Завтра предстоит мне серьезно разговаривать с Юдиным. Ужинал у Бадмажапова. Там была мать Иды Павловны - музыкантша. Играл "Балладу", "Странника", "Счастье", "Триаду", [275 стр.] "У моря ночью", "Любовную мелодию", "Садовника". Играть было приятно.

Днем изрядная порция внутренней дипломатии.

28/XI. 20 ч.

Вчера произошло печальное событие. Утром, после переговоров с П.К. мы с Убугуновым отправились в консульство, для того, чтобы настоять на отправке верблюдов к 5 уртону (150 верст к W по Толе). Только что я начал говорить Юдину о положении вещей, он остановил меня и сказал, что в данную минуту расшифровывается телеграмма от Горбунова Козлову, говорящая [276 стр.] о возвращении экспедиции. Подождав телеграмму, я отнес ее П.К. Он принял мужественно и спокойно. Устроили совещание. Вечером я пошел к Ж. Там записал четыре кобдоские мелодии (№№ 68-70), беседовал с Ж. об экспедиции и потом - о различных оккультных достижениях, практикующихся в Средней Азии. Сегодня утром после второго совещания (П.К., Убугунов и старшие помощники) отправили телеграмму Горбунову с просьбой о разрешении зимовать [279 стр.] в Монголии, или же, в крайнем случае, вернуться временно в Москву, оставив баланс в Урге. Целый день, как всегда, провел в скучных административных заботах.

4/XII.

Все эти дни провел в постоянной мелочной работе. Забот много, результаты их не видны. П.К. уезжал в [...] на несколько дней. Н.В. и Ел.П. - на пастбище. Единственные ценные часы за все это время были у Ж., где я провел [280 стр.]

пятницу и ночевал, а также вечер воскресенья (№№ 71-78). За этой работой я отдыхаю. Дома же не успеваю ни заниматься сколько-нибудь сносно, ни писать писем, ни вести дневник. В довершение всего исчез из денежной коробки 5 р. золотой. В субботу был в бане, а потом долго пел и играл у Терезы Людвиговны незнакомую фортепианную пьесу Грига 71 опуса, затем арии из Игоря (вспомнил так живо Ширлево и Пулково), потом какие-то неизвестные второстепенные немецкие романсы. Потом свои вещи! Было приятно. [281 стр.] Вчера получил письмо (маленькое) от МИКа. От 23 октября. Взволновался как всегда.

8/XII. 20 ч.

Истекшие 4 дня провел главным образом в непрерывном старании продать верблюдов и привести в порядок отчетность. В свободные часы записывал у Ж. Ночевал там, дома был мало. Число напевов дотянул до 100.

Постоянные неприятности и недоразумения. По мере сил стараюсь сглаживать острые углы, но иногда это очень трудно. Инцидент из-за валенок Эрдэни. Эрдэни дает мне на чай. Возился [282 стр.] с серебром. Состояние П.К. чрезвычайно изменчиво. Недавно, будучи по делам в Центросоюзе, поиграл там немного - отвел душу.

Сегодня приехали с пастбища Н.В. и Ел.П. Отдохнули там в тишине. А у меня такое чувство, что я каждый день балансирую на канате. Сколько ежедневно приходиться проявлять такта, терпения, предусмотрительности и осторожности. Школа!

10/XII. 23 ч.

Вчера и сегодня главным образом проводил время в заботах о продаже верблюдов. Вечером был у Ж., записал от Дугаржаба №№ 95, 96. Настроение в экспедиции [283 стр.] по-прежнему беспокойно-выжидательное.

29/XII. Вечер.

Вот впервые в моем дневнике такой большой перерыв. Однако за эти 19 дней фактического материала накопилось мало. Неопределенность положения экспедиции до сих пор не разрешена.

31/XII. Вечер.

Продолжаю. Сегодня приехал новый консул Васильев,[177] который, вопреки ожиданиям, ничего не привез с собой. Вызывал для собеседования Ел.П. К экспедиции относится сочувственно, и по-видимому, его слово будет иметь в судьбе экспедиции большое значение. [284 стр.] Во всяком случае, придется запастись еще дозой терпения. Теперь о хронике. Живем мы вшестером в юрте: "интеллигенция" и Гусев. Живем дружно. Вместе встречали праздники. Я играл им у Вязигина, потом обедали в русской столовой. Затем, на третий день праздника был обед у нас. Вся экспедиция + Бадмажаповы уместились у нас в юрте. Пили, ели и пели (граммофон).

17 декабря я разделался с верблюдами, продав их Госторгу. Помучили они меня. В сочельник ходили смотреть шаманку. Любопытно, [285 стр.] но не увлекло. Профессия, а не энтузиазм. У Жамцарано занимался порядочно. Общее число записанных мелодий достигло теперь 135. Сам не писал ничего. Хозяйство и администрация мешают. Надоедливо, но неизбежно. С П.К. отношения совсем наладились. Я к нему приспособился, и он ко мне тоже, кажется, привыкает.

Прочитал нашим вслух "Мистерии". Маленькая не должна обижаться на меня за это. Я так много вспомнил при этом чтении. Читал и еще кое-что вслух: [286 стр.] "Пана", "Балладу Рабингской тюрьмы", Джерома про гуся. Чаще заходит теперь к нам Ел.Вл. Как-то мы с ней очень интересно поговорили. Впрочем, говорил главным образом я - о магии. Вчера она мне дала "доверительно" своеобразную анкету с вопросами, касающимися опыта жизни и миросозерцания. Я

эту анкету заполнил, но оставил ее себе, а ее (Ел.Вл.), попрошу переписать.

На днях были в Гандане[73], на философском ламском диспуте. Застали момент, когда ламы [287 стр.] пели что-то вместе перед изображением Будды. Простые напевы молитвенные они поют довольно приличным унисоном, но более сложные поют и параллельными квартами, и п. секундами, и п. квинтами - как придется! Впечатление замечательное.

А Богдо-Ула по-прежнему льет отраду.

Ночь, ты даешь отраду мне,
Такую старую отраду
Бродить в морозной тишине,
Смотреть на звездные лампады.

И думать, что весь пестрый звон
И гам, и суета дневная
Назойливый, нелепый сон,
Пустынного, глухого края. [288 стр.]

Получил сегодня письмо от МИКа от 6/XII. Так хорошо. Она верит в то, что мы увидимся. Может быть, эта минута и придет.

1924 г.

10/I. Вечер.

1 января прибыл новый полпред Васильев, на приезд которого мы все возлагали большие надежды. Мои соображения о причине задержки экспедиции, столь оспариваемые П.К., оправдались. В Москву для улаживания дел, по совету консула, едет одна Ел.П. Шансов на дальнейшее путешествие очень немного, но все же они есть. Откомандированы от экспедиции Телешов, Степанов, Худяков, Касимов и Помытов. [289 стр.] Последние уехали вчера. Осталась хорошая компания. Но все от безрезультатного ожидания нервничают. Полу-

чил от МИКа письмо. Страдает от того, что не пишу. Ответил ей.

В моей личной жизни два новых события: сближение с Ел.Вл. и поездка в Мандал. Ел.Вл. я дал прочитать "Христос и христианство". Книга произвела на нее огромное впечатление. Еще до этого она попросила меня заполнить своеобразную анкету с вопросами, ответы на которые должны выяснить в главных чертах мировоззрение. Дала она мне прочитать кое-что [290 стр.] из своих личных заметок, а также вчера - довольно обстоятельные впечатления о книге. Я не ошибся в ее характеристике. Только не думал, что напряженность ее духовной жизни так значительна. По ее словам - я ей много дал. Это радостно.

Поездка в Мандал (50 верст к N от Урги) вышла замечательной. Отправились мы прощупывать почву для большой облавы втроем: я, Н.В. и Котик. Выехали на лошадях утром 5-го, приехали в тот же день вечером. В Мандале пробыли 2 дня, выехали 8-го утром [291 стр.] обратно, и в тот же день поздно вечером приехали домой. В эту поездку впервые для меня с потрясающей силой раскрылась красота Монголии. Сумрачные горы, то голые, то покрытые лесом, то изобилующие дичью, безлюдье и надо всем - пламенная и неповторимая игра закатных красок. Были ясность, холод, тишина и ни чем не омраченная красота леса и гор. Подниматься верхом на вершину и покоить взгляд на море гор! Бродить с винтовкой по лесу, который кажется мертвым, но дышит осторожной и таинственной [292 стр.] жизнью, видеть косуль, мелькающих, как призраки, среди деревьев. Смотреть на орлов, увенчивающих утесы. Возвращаться к очагу с добычей на плече, усталому, голодному как зверь, пьяному от лесного воздуха. Не забуду этих дней.

20/II.

Заимка О.Я. на Баин Булаке.

Воспользуюсь свободным временем, чтобы отметить все самое существенное за истекшие 2 месяца. 28/I уехала в Харбин Ел.Вл., а 29/I - в Москву Ел.П. хлопотать за экспедицию. Таким образом, в нашей юрте осталось 7 обитателей: я, Н.В., Пахомов (оставленный [293 стр.] в экспедиции по моей просьбе), Котик, Симуков и Гусев. Юрту перенесли к югу от барака, что позволило отказаться от надоевших всем дежурств. Я, как будто, нашел надлежащий modus vivas li с П.К., а это хорошо отзывается на ежедневной жизни экспедиции. Единственное, оставшееся темное пятно, это взаимный антагонизм между П.К. и Н.В., который, несмотря на мои старания, боюсь, усиливается. Я, для сохранения дружеских отношений с Н.В., совершенно перестал разговаривать с ним на отвлеченные темы, и вижу, что сделал очень хорошо. Нет волнений. [294 стр.]

О работе (моей).

У Ж. я больше не работал. Ему нужно дать отдых. За все это время сделал лишь несколько случайных записей, общее число которых к настоящему времени достигло 150. Предварительный отчет о моей работе послал в Географическое общество. Из него же отрывки 3 раза печатались в газете «Заря» (ургинская),[74] с 2 по 10 февраля. Был в экскурсии на Толе, верстах в 40 к востоку от Урги. Поехал туда поохотиться на волков и рысь, а вместо этого открыл памятник VII - IX века (каменная статуя и плита саркофага, [295 стр.] торчащие из земли. Кроме того, привез серию мелких цоу [75] и бурханов,[76] взятых мною в гранитной пещере в долине Убуз. Ездили мы на ту охоту вместе с Владимиром Васильевичем Драгоценным,[77] служащим в Цырик-ямане, действительно драгоценным спутником. Ходили по долинам, лазали по горам, две ночи провели в лесу у костра. Было по-звериному хорошо. Подробный отчет об этой экскурсии написал для П.К. Он остался им, а также моими открытиями, очень доволен и даже как-то [296 стр.] воспрянул духом, в нашей атмосфере мрач-

ного бездействия. Результатом явилось motto[78] в сторону археологических разведок и открытий. И вот сегодня я вновь выехал на север в Дзун Модо,[79] уже на более долгое время и соответствующим образом снаряженный. (Вместе с Пахомовым и Ежо). Первый раз пострелял из дробовика птичек.

Играл сравнительно немного: дважды - для наших экспедиционных любителей и один раз в Центросоюзе для консула. Было человек 30 - 40. Nigte Life – Урги[80].

В последнее время частенько [297 стр.] поигрывал в 4 руки с И.П. Бадмажаповой. Сам Ц.Г. уехал в Китай. Играем Бетховена, Мендельсона, Грига ("Сигурд Йорлсафар") и Рахманинова ("Баркарола № 4"). Последняя очень красива.

Занимались (правда не систематически) с Симуковым и Котиком английским. Выучил их обоих, а также Гусева и Пахомова играть в шахматы. Теперь они половину времени проводят за ними. Сыграли один турнир, в котором I место занял Котик (100% !), за что получил плитку шоколада. Я очень рад, что сумел развлечь их немного. [298 стр.] Играл два вечера в шахматы с консулом. Это самый приятный и самый сильный из всех знакомых мне игроков в Урге. Он сдержан и страстен. Пока выиграл у него 7 партий. Вообще, в консульстве время стараются проводить весело. Сам Васильев постоянно ездит охотиться. Потом каждую неделю у него собирается молодежь поесть, попить и поговорить. Сам консул умен, жив, толст и вышколен. Голос зычный, манеры открытые. Вообще примечательная фигура! Еще новая фигура - Нина Павловна Шастина - милая барышня, пишущая стихи. [299 стр.] Получил наконец известия из Пулково от папы и объемистое, содержательное письмо от Сони, три письма от МИКа и одно от С.Ан. Сам отправил письма домой, МИКу, С.Ан. и ругательное в ГИМН (по поводу фонографа). К МИКу отношение прежнее – непоколебимое. [306 стр.]

20/II. 22 ч.

Заимка Ежо в Баин Булаке.

Выехали из Урги (я, Ежо и Пахомов) в 14 ч. Сильный встречный в NNO. Дорогу перемело. Верстах в 3 от города в долине Сельбы стоит часовня (капитальная постройка, красный цвет, деревянная крыша пагодной формы). Внутри нечто вроде алтаря с отправлением культа. С внешней стороны в углублениях южной стены много глиняных цоу и бурханов. Надо взять на обратном пути. Часовня построена у отдушин Сельбы. По словам Ежо, воду отсюда пьют больные раком или катаром желудка. [307 стр.] Около отдушин, верстах в 10 от Урги на левом берегу Сельбы - небольшая еловая роща. Все покрыто наледью, легко проламывающейся. Под ней вода. В роще видел сорок и ворон. Убить не удалось. Приехали на заимку 18 ч. 15м. Монголы предупредили Ежо о том, что ламы сказали о предстоящем в этот вечер затмении луны. Действительно в 21 ч. 45 м. уже 0,35 диска было закрыто полутенью. Далее затмение протекало следующим образом. [308 стр.][82]. Весь вечер луну сопровождало обычное гало (довольно бледное), в 30 градусов в d. Лег спать. [309 стр.] Один местный бурят следующим образом объяснил в кухне у Ежо механику лунного затмения. Какой-то большой человек ее съедает, а потом луна выходит у него сзади. Я ему сказал - Это пустяки! Луна затмевается оттого, что солнце освещает землю, а земля тенью своей покрывает луну. Бурят подумал и сказал: "Это тоже верно".

21/II. 22 ч.

Мандал. Дом Воробьева. С утра охотились в Баин Булаке. Видели стадо коз (8голов). Встретил в лесу кедровку. По ёрнику в обилии чечетки. Одну убил. Погода скверная. По прежнему сильно метет. Ежо и буряты отговаривали [310 стр.] переждать и не ехать дальше. Но я решил двинуться. Около солнца в мглистом от пыли воздухе было обычное га-

ло. К моему изумлению оно проектировалось на склоне пади. Один вонзался в землю шагах в 400 от меня. При дальнейшем приближении к нему он расплылся и исчез. Выехали по холоду и буре в 12 ч. Ехали через Харганат. Высота перевала (относительная) 1400 футов. Опять видели коз (голов 6). В долину Мандала въехали непосредственно после захода солнца. Стемнело [311 стр.] из-за мглы быстро. Дорога поминутно ускользает от нас. Мы начали плутать. Только в начале 9-го приехали, наконец, в Мандал. Правило: не всегда можно доверять даже местным жителям в сведениях относительно пути. Нас всячески отговаривали ехать через Харганат, уверяя, что там дорогу совершенно замело. Но я все-таки рискнул отправиться по этому кратчайшему пути. И оказалось, что дорога, оказалась менее исковерканной метелью, чем какая-либо другая часть пути. К концу трудного пути [312 стр.] Пахомов, сильно проголодавшись, несколько скуксился. Ежо же был великолепен: неутомим и жизнерадостен.

22/II. 24.

Мандал. Дом Воробьевых. С утра поехали в Сугунур[83]. Погода становится лучше. В Сугунуре я с Пахомовым прогуливался вверх по долине верст за 7. Окаймляющие хребты высоки (до 1500 футов). Северный склон покрыт лиственницей, южный - гол и каменист. В долине березняк, ивы, тополь, лиственницы. Из птиц видел в обилии чечерок. Встречались синицы. Далее видел поползня, пестрого дятла с красной [313стр.] головой и пестрого дятла с желтым хохолком на голове. Последнего убил. Пахомов кроме этого видел сойку и убил птицу свиристель, гималайская разновидность которой имеет красную полосу вместо желтой на хвосте. Сегодня же приехал с охоты Тугаринов. Привез кабана. Через два дня он едет в Ургу. Написал ему записку для П. К. Возвратились в Мандал с закатом. Погода, кажется, устанавливается. Купили крепкие сани за 2 янчана. Вчера вечером у меня вдруг остано-

вились часы. Очень неприятно. На гумных [314 стр.] и навозных кучах в изобилии воробьи и вьюрки. Попадаются и рогатые жаворонки.

23/II.

Вечер после захода солнца. Китайская фанза у впадения Дзурунтая в Хунцал. Сегодня в 8 утра выехали из Мандала в Дзун Модо. Дорогу совсем перемело. С Мандала вел съемку вплоть до данного населенного пункта, куда пришли около 3 часов. Верст 10 к северу от Мандала долина реки сильно расширяется. Здесь с востока Хора принимает Сугунур и Баянгол, а с запада - Хунцал и Гуджиртэ. Хунцал при впадении течет каньонистыми рукавами. На отвесных обрывиках множество нор. Повсюду пищат суслики. Хребты, окаймляющие Хунцал, [315 стр.] почти безлесны. Клочками на теневом склоне растет лиственница. Долина реки покрыта дересуном. По дороге попадались следы лисицы и зайца. Птиц никаких не встречалось, не считая воробьев и вьюрков у жилья. Остановились в скудной китайской фанзе в 17-ти верстах от Мандала. Маленький поселок насчитывает 3-4 фанзы, да в версте к северу по долине Дзунмандал - еще 2. Китайцы занимаются здесь хлебопашеством. Сеют пшеницу. Сейчас 6 ч. Вечер длинен. Займусь описанием китайской фанзы[84]. [320 стр.]

24/II.

Утро до восхода. Видел во сне последовательно и ясно множество добрых знакомых: папу, мамочку, Веру, Надю, Соню, дядю Гришу, Льва Михайл., Колю Морина, Катю Морину, А.Апол., Иванова, Костинского, Вильева, Павлушу.

21 ч.

У костра рядом с заброшенным зимовьем в верховье Дзурумтэ (32 версты от Мандала). Сегодня в 8 ч. утра выехали от китайца и вплоть до 4-х ч. дня поднимались по Дзурумтэ.

Вел все время съемку. Идти все время было трудно: нет дороги, глубокий снег (до 1.5 фута) и значительный подъем. От фанз 11 верст путь идет в NW направлении по однообразной [321 стр.] долине Дзурумтэ. С обеих сторон голые горы. Единственные встречающиеся живые существа - суслики, все время аккомпанирующие своим писком нашему медленному шествию. Одного я убил первым номером дроби. На 12 версте от фанз долина встречает хребет и поворачивает на север. Местность резко меняет характер. У русла реки появляется кустарник. И северные и южные склоны гор покрываются лесом (сосна и в меньшем количестве лиственница), рельеф становится более капризным, и в самом месте поворота выполнение хорошего плана потребовало бы большего времени. В этом пункте [322 стр.] сливаются по-видимому 3 речки. Основное русло Дзурумтэ - восточное. Версты через 3.5 река опять поворачивает на NW и сейчас же за поворотом - избушка, место нашего ночлега. Сегодня на планшете пришлось вычертить солнечные часы. По ним легко отсчитывать время с точностью до 10 минут. Погода прекрасная. Тихо, ясно и не слишком холодно. Попавшийся нам сегодня встречный путник из Дзун Модо всячески уговаривал нас вернуться и ехать объездом по тракту: на предстоящем нам перевале снега до 2 аршин. Ежо струхнул. Я, однако, решил [323 стр.] пойти по этому кратчайшему и наиболее интересному для нас пути. Под вечер подошел к нам пешеход - китаец, идущий на юг. Покормили его и оставили ночевать.

25/II

Квартира Алексея Александровича Кузнецова. Стан Дзун Модо. Сегодня ночью было холодно. От мороза часа в 3 проснулись. Беседовал с Ежо. Затем опять заснули. В 7 ч. утра вышел с Ежо на разведку. Могильные курганы оказались тут же рядом. Насчитал их 8. Все осмотрел и записал в масштабе 100 см. в 1 дюйме. С внешней стороны курган представляет

небольшое возвышение (2-3 фута) круглой формы, [324 стр.] с воронкообразным углублением в середине. Размеры окружности 110-170 шагов. В трех из них нашли старые крепы, сохранившиеся в кургане, где работал Ежо. На глубине примерно 1.5 сажен в деревянном колодце замерзшая масса. Во время съемки видел чечеток, дятла и сойку. Снег до 2 футов. Кончил съемку к 10 ч. Пришли на стоянку, отдохнули и двинулись дальше. Через перевал спустились в верховья Судзуктэ[85]. Там сейчас же после спуска, в долине на площади около 1 десятины сосредоточено от 12 до 15 подобных же [325 стр.] курганов. Никакой съемки не делал, так как было уже поздно, а пройти еще оставалось порядочно. Пересекли долину и поднялись на хребет в ее северо-восточном углу. Ежо сообщил, что несколько ниже по долине есть еще ряд аналогичных курганов. Не доходя полверсты перевала, расположен стан из 15-17 домиков при Судзуктинском прииске. Теперь там живет только один караульный. Заходили в штольню. Взял оттуда образец пород, также - с перевала. На перевале я задержался некоторое время. Вид с него величественен и прекрасен. Здесь хребты образуют узел и ряд замкнутых падей, [326 стр.] которые дают начало Судзуктэ на SW, Баян-голу на NW, Бальбук на восток и Дзурумтэ на SO. На юго-западе выделяется мощный горный массив, ограниченный Судзуктой с севера и Дзурумтэ с востока. И всюду - теряющиеся в далеких горизонтах горы. После перевала дорога спиралями по крутым склонам идет, спускаясь к стану Дзун Модо. В некоторых местах в предупреждение обвалов устроены бревенчатые подпорки, в других - мостики. Видно, что дорогу прокладывали русские специально для связи между прииском Судзуктэ и станом Дзун Модо. Как только глубоко внизу в долине похолодало, [327 стр.] я прекратил съемку, которую в масштабе 1 верста в дюйме вел на протяжении 40 верст от Мандала. Можно было наконец сесть в свои сани, и мы быстро проехали последние 6 верст. Приехали в стан около 6 ч. Заведующий

приисками А.А. Кузнецов очень гостеприимно встретил нас. Отогревшись, я приступил с ним к обстоятельному разговору, из которого окончательно выяснилось, что все осмотренные мною курганы представляют собою могилы, а не шурфы. Затем я переговорил с ним относительно всех подробностей предстоящих [328 стр.] раскопок. Позже отдыхали и слушали интересные рассказы хозяина - опытного охотника. Сейчас утомившиеся спутники спят. Засну и я, с приятным сознанием, что наш трудный путь пройден недаром.

26/II.

Сегодня на рассвете я, Володя и А.А. Кузнецов отправились на коз. Пройдя с полверсты вниз по течению реки, мы свернули на хребтик одного из северных распадков. Идти вверх было трудновато: круто, глубоко и снежно. [329 стр.] Дойдя до половины хребта, заглянули в восточную падь, где, по предположению Кузнецова ,должны были быть козы. Действительно, в верху пади мы увидели двух уходящих к северу коз. Сделав еще маленький обход, увидели ниже табун в 5 коз, шагах в 300- х, по которым мы и открыли стрельбу. Козы пошли на восточный хребет пади. Мы сделали выстрелов 15. У меня заело затвор .Повозившись с ним добрую минуту, я выстрелил еще раз и убил гурана на расстоянии 350 шагов. Пошли к убитому гурану, освежевали его и решили пройти [330 стр.] еще по гриве распадка на хребет поискать тетеревов. Но едва мы дошли до гривки, как А.А. заглянув в смежную падь съежился и прошептал: "Козы!". Заглянули и мы. В небольшой, котлообразной малой пади мы в 150 шагах увидели трех коз. Они стояли и прислушивались. Мы тотчас же начали стрелять. Очень быстро я свалил гурана. Через несколько секунд Володя другого. Коза же пошла прямо на нас. Володя волновался, кричал, ругал козу: "У, тварь", стрелял в нее, но мазал. У Алексея Александровича вышли все патроны. Володя выстрелил последний. Коза [331 стр.] продолжала

идти на нас. Я сделал несколько шагов вперед, положил винтовку на ветку кустарника и выстрелил. Пуля попала в грудь и вышла из ляжки. Коза сразу упала. К этому времени она уже успела подойти к нам на 60-70 шагов. Освежевав зверей, мы с А.А. поволокли их на веревках вниз по пади к дому. А Володя отправился за первым гураном. Вернулись домой в 9 ч. Через некоторое время пришел от супруги Баллод Ежо, и принес хранившиеся у нее остатки вещей, выкопанных из могилы на Дзурумтэ: несколько мелких обломков листового золота (один с инкрустацией), [332 стр.] маленькие кусочки серовато-той материи, которой были обклеены стены комнат, кусок дерева, отполированный с двух сторон, прядь черных волос и змея из прозрачной оранжевой массы, напоминающей не то янтарь, не то канифоль. После обеда я пошел охотится на птичек. Проходил часа 3, но не видел ничего, кроме чечеток. Уже подходя к дому, увидел сойку, которую и убил. Но вечером ее съела кошка. Экспедиции положительно не везет на соек. Вечером с удовольствием слушал у А.А. патефон. Было очень приятно. На вечерней заре Володя и Ежо ходили опять [333 стр.] за козами, но безрезультатно.

27/II. 7 ч.

Утром, перед отъездом из Дзун Модо, зашел к нам Баллод. Они с детьми бедствуют чрезвычайно. Подарил им тушу гурана. Деметиста Макаровна Баллод предала мне образчики, оставшиеся после мужа. Получил от нее письмо к Китову, у которого хранятся несколько вещей из раскопок Баллода, на предмет передачи их экспедиции. В половине десятого уехали из гостеприимного дома Кузнецова. Проехав верст вниз по [334 стр.] течению, повернули на NO, объехав таким образом высокий Урт-Дабан. По отличной дороге мы быстро проехали 30 верст и уже в половину второго были на поле. Недалеко от устья мы через полчаса выехали в экскурсию на гору в 2 верстах к югу. Там я осмотрел «каменную тропу», про которую мне сообщил Кузнецов. В южном распадке скалы находится

конусообразное углубление с отдушиной вверху. Высота его 5 аршин, площадь основания 1х2 сажени. В задней части углубления сделан пьедестал, обмазанный глиной с внешней стороны. Высота его 1 аршин. На стенах перед сводом [335 стр.] надписи, на незнакомом мне языке и на монгольском. Стены покрыты густой копотью. Перед входом маленькая терраса, сложенная из обломков скалы. Терраса эта расположена на другой террасе аналогичной конструкции, но больших размеров: 3х4 сажени. Помещение, по-видимому, уже не обитаемо много лет. Масса голубиного помета. Пахомов нашел за одним из камней старинный бурханчик, глиняный, с позолотой, на обратной стороне которого начертана надпись на неизвестном языке. Взял образчик породы с надписью. К западу, у подножия горы находится 6-7 курганов, подножия которых кругообразно обложены прерывистой [336 стр.] линией камней. Детальное рассмотрение невозможно из-за глубокого снега. Вечером на стойбище стрелял куропаток, которые здесь весьма многочисленны. Убил 9 штук.

29/II. 20 ч.

Заимко Ежо. Сначала опишу вчерашний день. Выехали из конторы на казенном поле 7 ч. 30 мин. Перед отъездом я все-таки забежал на стойбище и убил еще 3 куропаток. Затем отправился вверх мимо заимки Кузнецова. Вскоре свернули в один из восточных распадков. Поднявшись на перевал в его верховьях, спустились [337 стр.] в долину Хары, сократив таким образом расстояние верст на 15-20. Хара в этом месте напоминает Толу около Баин-Зура. Та же ширина долины, тот же тальник по руслу, похожие окаймляющие хребты. Дневной привал сделали у устья Тунгулика, правого притока, вблизи большого дацана. Решили остановиться в китайской фанзе. На просьбу Ежо вскипятить воду для чая, хозяин взял его за рукав и, выводя сказал: «Здесь нельзя кипятить воды, идите в другое место». Тогда мы предложили китайцу отправиться с

нами в цырик-яман в курень[86], после чего он сделался в [338 стр.] в высшей степени любезным, и мы исправно отдохнули у него. Он напоил наших лошадей, кипятил нам усердно воду, мыл чашки. Я ему дал 50 коп., и мы отправились дальше. Верст 5 выше Тунгулика видели лисицу, в которую безуспешно стреляли. Она быстро перебежала через долину, вспорхнула на хребет и скрылась за гребень. Примерно в этом же месте Хара меняет свой характер. Долина сильно сужается, делается извилистой, высокие скалы, покрытые лиственницей ,как бы сдавливают ложе [339 стр.] реки. После захода солнца наблюдал на западе интересное явление, которое замечал и в Урге неоднократно, но объяснял отсветами городских огней. Матовый конус, потом зодиакальный свет, на фоне которого гребни гор видны были отчетливее, нежели в других сторонах. Вершина конуса доходила до плеяд. Вот его примерное топографическое положение[87]. Конус был также отчетливо виден и после захода Венеры. Уже часа [340 стр.] через 2 после захода мы въехали наконец в долину Мандала, в то место, откуда я начал вести съемку. День был утомительным. Лошади устали, Ежо несколько пал духом, все озябли. Наконец уже в 21 ч. 30 мин. прибыли к Воробьевым, сделав таким образом 60 верст в 14 часов.

Сегодня выехали из Мандала около 11 ч. Ежо купил иноходца, и мы покатили к дому. По пути я еще раз оперативно измерил высоту перевала Харгахара и его длину. Оказалось, что при длине главного спуска высота изменяется на 100 сажен. В 16 ч. 30 мин. [341 стр.] приехали в заимку Ежо. Я пошел на северный хребтик посмотреть коз, но не видел ни одной.

1/III.

Заимка Ежо.

28/III.

Прииск Судзуктэ._Идет снег. Метет. Безвыходный день. Вот что было в марте. Вернулись мы в Ургу 1-го числа, прихватив с собой по пути десятка 2 бурханов из кумирни на Сельбе. Приехав домой, я узнал, что П.К. с Н.В. и полпредом уехали на охоту в Дзун Модо. Я сейчас же принялся за составление отчета, который и окончил к приезду П.К. 9 марта. Мои переговоры [342 стр.] с П.К. относительно немедленной организации работ на Дзун Модо, привели к благоприятному результату, и весь период с 5 по 20 марта прошел под знаком приготовлений и подготовлений к предстоящей экскурсии.

Кажется, 11 марта приехала Ел.Вл. с Бадмажаповым из Китая. Ел.Вл. привезла мне несколько красивых вещей, которые я вместе со шкурами гуранов отправил МИКу. Как-то вечером Ел.Вл. читала у нас в юрте свои впечатления о Храме Неба в Пекине и об Южной Гоби. Кроме того - о новгородских лесах. Все очень [343 стр.] задушевно, местами сильно, но форму портит смешение мыслей философского масштаба с мелкими натуралистическими замечаниями.

Начало марта мы почти ежедневно играли с Идой Павловной в 4 руки. Грига, «Баркаролу» Рахманинова оп. 11, венгерские танцы и первые симфонии Бетховена. Было очень приятно. С приездом Бадмажапова это прекратилось.

Один раз играл много у Салтыкова для наших (все, кроме Гусева и П.К.) и М.Н. Ринчино. Играл неважно, но все же было очень хорошо. [344 стр.] В юрте у нас по- прежнему много играют в шахматы. Отношения между П.К. и Н.В. попрежнему скверные. Я как-то с горечью высказал последнему об этом. Виноваты обе стороны. Но Н.В. должен уступить старшему, а не закусывать удила. Я рад, что Н.В. уезжает с полпредом в Пекин. По крайней мере, я буду избавлен от тех неприятностей, что оба говорят друг о друге.

От МИКа получил два письма. Оба какие-то надтреснутые, печальные. Трудно ей бедненькой со мной. Такой странный [345 стр.] цветок - наша любовь.

Вот стихотворения и два фрагмента, написанные мною в январе:

Когда оранжевый костер
Погаснет в западных просторах
И отсверкают гребни гор
Последним пламенным узором,
А в небе чистом, как нефрит,
Зажжется древний знак молчанья
И славу солнцу претворит
В нежнейшее очарованье,
Тогда по улицам глухим
По площадям пустым и пыльным
Тоскою прежнею гоним
Пойду бродить в ночи всесильной.
Ночь! Ты даешь отраду мне,
Такую старую отраду.
Бродить в морозной тишине,
Смотреть на звездные лампады
И думать, что весь пестрый звон
И гам, и суета дневная -
Назойливый, нелепый сон
Пустынного, глухого края.
Урга! Раскрашенный волан!
Ты здесь упал архипелагом,
Заброшенный из дальних стран
Неосторожным великаном.

Последнее четверостишие было приписано попозднее.

Фрагмент:

Небо раскинулось шатром.
В тридцатиградусный мороз.
Мы едем с мальчиком верхом

Стрелять волков и диких коз.
Наш путь по падям и хребтам,
Наш след - среди следов зверей,
Ах! По серебряным горам
Все звери ходят веселей.
Мы быстро спустимся с гольцов,
Выпугивая из норы
С бесстыдством дерзких пришлецов
Исконных жителей горы.

2 фрагмент:

Среди законов жизни пестрой
Один костром пылает в небо,
И кем бы ты на свете не был,
Тебя ждет пламя острое.
И, обоженный, будешь петь,
Или стонать, или молиться,
Или томительно гореть
Иль биться в клетке так, как птица.
В алькове, в небе, в кабинете,
На зеленеющих лугах
Ткет пламя огненные сети.
И только маленькие дети
Не знают их в своих мечтах.
От первых отроческих дней
До дней последнего прощанья
Все напряженней, все сильней
Его жестокое виденье. [349 стр.]

30/III.

Сегодня священный день. Весеннее моление, 2 года тому назад конец гимну невских мистерий и начало нашей. Моя милая девочка, моя прекрасная дама. Я вижу тебя, ты сидишь

на подушках перед печкой, смотришь на красные угли и плачешь.[350 стр.]

9/IV. Вечер.

Вот что я делал в день моего рождения. С 6-ти ч. утра и до 4-х ч. дня следил по горам и долинам изюбря. Выследил табун в 5 голов. Придя домой, щипал вместе с Колей рябчиков к ужину. Потом читал им вслух Конан-Дойля и очень долго пил чай.

Вот что я думал в день моего рождения:

1) Жизнь может быть радостной и печальной. Она всегда тревожна. Смерть отрадна.

2) Степень необходимости или важности тех или иных занятий, человек может определить только тогда, (351 стр.) когда на продолжительное время отойдет от них. То же и о людях.

3) Природа - как бром. Успокаивает, но притупляет чувствительность, может быть, остроту и подвижность мышления. Суета города притупляет чувствительность и не успокаивает.

4) У человека живущего в природе, в уединении теряется напряжение духовной деятельности, так как проблемы человеческих взаимоотношений, самые больные, фактически перестают касаться его.

5) Я не чувствую жалости к убитому зверю, может быть, потому, что сам хочу быть убитым.

6) Кажется, из всех людей, которых я знаю, наиболее близкий мне [352 стр.] по духу - М.М. Брендстед.

7) Я стал лучше понимать Павлушу. Люблю его.

8) Моя девочка. Мне хочется положить голову на твои колени.

9) То, что случилось в январе 1922 года - самое крупное событие в моей внутренней жизни.

10) Очень хочется послушать хорошую музыку. Писать не хочется, хотя знаю, что мог бы написать много.

15/IV.

Судзуктэ. Вот наброски "Баллады"[88], которую я задумал здесь:

На севере Халхи охотник жил.
Звали его Гава.
Крепок, как кедр, тугой, как лук,
Сильный, как лось - Гава.
По горам и лесам Гава бродил,
Высматривал свежий след.
Ах! Во всей Монголии дикой сейчас
Такого охотника нет.
Орел не видит зорче Гавы,
Изюбрь не слышит лучше Гавы,
Волк не чует тоньше Гавы,
Змея не крадется тише Гавы.
И сам он, как зверь, в пещере жил,
Скала, зола от костра -
Вот все, что осталось от того,
Кого называли Гава.
А глаза его сияли, как ночь,
Халхаская звездная ночь.
И рот его пылал, как восход,
Как в горах пурпурный восход.
И когда он спускался в долины с гор,
Близ дымных юрт проходил,
Все девушки опускали взор,
Был он страшен их сердцу и мил.
Но Гава на девушек не смотрел,
Он шкуры зверей приносил,
Менял их на наконечники стрел
И опять в хребты уходил.

***

Хорошо весной в Халхаских горах.
Зверь идет на увал.

Солнце срывает белый покров
С темного тела скал.
Птицы поют в весеннем бреду,
Зеленый славя приют.
Но звонче самых звонких птиц
Стрелы Гавы поют.
Если к солнцу летит стрела,
Взвивается на хребет -
Звери знают: это Гава
Бьет беркута в лёт.
Если стрела по траве шелестит,
Стелется, как змея -
Звери знают: это летит
Смерть моя иль твоя.
Изюбри, косули, прервав свой бег,
Склонялись пред стрелком,
Отмечая чистый, белый снег
Внезапным алым цветком.
И много раз Гаве пришлось
Слышать, как в чаще храпит
И огромным телом о землю гремит
Смертельно раненый лось.
Сжавшись в комок, натянув тетиву,
Видеть, как на дабан
Поднимается ночью с солонцов
Одинокий старый кабан.
Хитрая рысь, гневный медведь
Знакомы тоже стрелку.
Долго мешал колчан надеть
Глубокий шрам на боку.
Но Гава не боялся кровь пролить,
Звериную иль свою.
Знал, что ее пурпурная нить
Ткет узор бытию.

Тело должно отдать свою кровь
Солнцу, луне и земле
За пищу, свет, тепло и любовь
На зеленой милой земле. [357 стр.]

25/IV. Вечер.

Сегодня Страстная пятница. Мне нужно удержаться от слез, когда я начинаю внимательно вспоминать о маме и о "Парсифале".

Больше всего мне хочется умереть, потом - увидеть МИКа, потом - услышать Парсифаля.

Коллекционирование птиц, насекомых, растений, и т.п. представляется мне иногда необыкновенным чудачеством, крайне легкомысленным поведением, которому потакает обезумевшая наука, вручая там самым ложное оправдание жизни многим, многим людям. [358 стр.] По-видимому, любовь к фортепиано привита мне искусственно. Я не чувствую никакого лишения от того, что долго не слышал этого инструмента. А об оркестровой музыке стосковался.

Самое прекрасное - это третье действие "Парсифаля".

30/IV.

28-го я все вспоминал о Пасхе 1922 г. Темная комната. Мы сидели вместе в мягком кресле. Тоненькая свечка. Когда она открывала форточку - прохладный воздух и звон колоколов. [359 стр.]

28/VII.

Судзуктэ. Вот только что прошли три годовщины.
24/VII - обет и кольцо.
25/VII - Отъезд экспедиции из Петрограда.
26/VII -Рождение МИКа.

С внешней стороны для меня этот год легко распадается на 4 периода.

1) 2 месяца - VIII, IX - пестрота внешних впечатлений творчества.
2) 4 месяца - X-I. 24 г. - Жизнь в Урге. Музыкальная работа. Болезнь экспедиции.
3) 2 месяца II-III - Разъезды и подготовка к работам на Судзуктэ.
4) 4 месяца IV-VII - Жизнь на Судзуктэ. Радостная, здоровая работа в природе. Власть леса. Оцепенение творчества.

Продолжение баллады о Гаве.

Так вольно, вдали от людей долин
Жил и бродил Гава
Стройный, как трость, ловкий, как волк,
Быстрый, как барс, Гава.
Но болен охотник, болен был
Тем же, чем болен и ты -
Господь на чело его положил
Печать голодной мечты.
Знак, что жжет и ночью и днем
Неистребимым огнем.
От него и глаза пылают, как ночь,
Или сияют, как меч.
Когда о скалы ветер гремел,
Гнал и рвал облака,
Гава на дрожащее пламя смотрел,
Видел отца старика.
Вспоминал всегда одно и то же:
Зимний вечер. Юрта.
На полу куски истоптанных кож.
Едкий дым. Темнота.
Вспыхнет потухший уголь - тогда
Видно лицо старика.
И с гамзой протянутая к огню
Сморщенная рука.
Погаснет - слышен лишь волчий вой,

Шелест старческих рук.
И голос отца, свистящий, глухой,
Надтреснутый жизнью звук.
Ты Мальчик еще, Гава, но знай -
10 лет приходят к концу,
Как мудрый лама, предвещатель Ганзай
Так сказал твоему отцу:
"Сатурн был в созвездии Льва,
Когда родился Гава,
И сверкнет, как граненый рубин
Звезда Гавы - Нуруби.
Эти знаки для мудрых, как слова.
Поборов трусость и страх,
Великий охотник будет Гава
На земле и семи небесах.
Если хочет подвиг свершить,
Судьба поможет ему
Славу, как знамя водрузить,
Имени твоему".
Так сказал Ганзай. А я
Ждал и молчал до сих пор.
Тайну теперь узнай от меня,
Древнюю тайну гор.
Только храбрым дано услышать ее,
Только раз, хранящий ее,
Должен избранному передать ее.
Передав, забыть про нее.
Мать твоя умерла, Гава.
Скоро умру и я.
Слушай завещанные слова,
Молча слушай меня.
В дебрях Кентэя есть гора,
Тропы к ней заросли.
Никогда-никогда, по склонам ее

Монголы скот не пасли.
Там леса ниспадают дикой рекой
В глухие пади без дна.
Ни зверей, ни птиц -тяжкий покой,
Сумрачная тишина.
И со всех сторон сторожат тишину
Изогнувшиеся хребты,
Преграждая путь бесстрашным душой,
Избранным, как и ты.
Близ вершины есть темный лог,
Древним лесом порос.
Только с севера вход в него полог.
Там ковер из синих роз.
Охотники так говорили встарь:
В этом диком логу
Живет покровитель изюбрей- их царь,
Бессмертный Ихэ-Бугу.
На Ихэ-Бугу охотника нет -
Всякому жизнь дорога.
У него широкий, серебряный след
И нефритовые рога.
Когда я молод и силен был -
Три луны по хребтам бродил.
Но к заветной горе глухого пути
Не дано мне было пойти.
Вместе со мной пошел Норон,
Брат и товарищ мой.
30 лет прошло, как он
До сих пор не пришел домой.
Быть может, звездами избран ты
Подвиг великий свершить
Лишить изюбрей хранителя их
Ихэ-Бугу удить.
Тогда изюбри не будут знать,

Где ожидать врага.
Легко охотникам добывать
Станет весной рога.
Повсюду панты, мясо и жир.
Голодные дни пройдут.
Слава твоя просияет в мир.
Ее в века пронесут.
Да будут руки твои смелы!
Если встретишь Ихэ-Бугу.
Обмакни в свою кровь железо стрелы
И натягивай тетиву.

***

Полночный ветер о скалы гремит,
Мнет и рвет облака.
Гава неподвижно лежит, не спит,
Слышит слова старика.
"Если захочет подвиг свершить,
Судьба поможет ему
Славу, как знамя водрузить
Имени твоему".
Ах! Как дым от ночного костра,
Ушел Гава в мрак.
Бойтесь звери! Стрела остра.
Укройтесь! Идет враг.
Дни идут, как плывут облака
Зажег березу закат.
Бродит без крова Гава в лесах,
Позабыв и боль и страх.
В лохмотьях одежды израненных ног
Усталость кто испытал?
Кто ее сотни раз превозмог
На острых осыпях скал?
Но ни раны, ни холод, ни зной, ни дождь
Истребить мечту не могли.

Шел Гава, как грядущий вождь
Нерожденных богов земли.
И глаза его сияли как меч,
Высоко занесенный меч.
И раною рот его пламенел,
Как кровавый цветок, пламенел.

Вставка:

Широко разметался темный Кентэй
По старому телу земли.
Много прячет, кормит он птиц и зверей
На зеленой своей груди.
В заповедных падях крутых хребтов,
Где выслеживал врага,
Никогда не мяла лесных цветов
Человеческая нога,
Где из дальнего мира гости: лишь снег,
Дождь и солнечный свет.
Вдруг заметили звери в чаще
Незнакомый широкий след.
И никто из них не мог объяснить,
Безопасны или страшны
Серый пепел и красная нить
У корней корявой сосны.
Ведь никто из них никогда не видал
Птицу с железною головой.
Птиц, поющих в последний раз
У предела жизни земной.

Мальчику в день его рождения.

16/X 1924 г.

Когда, как огненный ветер
В шествии гаснущих дней
Первый горестный вечер

Закипает в душе твоей,
Тогда, одинокий, вспомни,
Нежно вспомни леса,
В вуали палевой вспомни
Судзуктинские небеса.
Как ты шел зимой на закате
Шестнадцатого октября
И твое освещала платье
Изумительная заря.
Вспомни всеб хребты и долы,
Нежный лиловый свет,
В лесу затерянный домик
И свои девятнадцать лет.
Подумай, как ты был беден,
И как ты был богат!
Как скуден и как свободен
Юношеский наряд!
О, вспомни истлевшие годы,
Свой неведающий покой,
Вернись в сгоревшие годы
всей засиявшей тоской,
Когда, как огненный ветер
В мельканье гаснущих дней
Первый горестный вечер
Запылает в душе твоей.

31/XII. 1924

Посвящается Коле Морину.

Тусклая, мутная луна
Провожает старый Новый год.
Черным крестом переплет окна
Отделяет меня от гор.
Луна осветила глухой провал.
Вспомни в мгновенном бреду,

Как ты меня нарисовал
В четырнадцатом году.
Человек с поседевшею головой
И изможденным лицом,
Сидит, уйдя в тяжелый покой
За пустым деревянным столом.
Далеко перед ним лиловеют холмы
Преображенной земли.
В свете вечернем плывут не холмы,
Неведомые корабли.
Я не помню, была ли на небе лена,
Но на всей красоте окрест
Перекладины от окна
Начертили узкий крест.
Те, кто били и мучали
Христа в предсмертельной истоме,
Небеса и землю певучую
Разрубили черным крестом.
Человек у окна это знает.
Плоть его - леса и поля.
Но, любя, тебя отвергает,
О, мучительная земля.

Фрагмент, законченный 8/I. 1925.

Среди законов жизни пестрой
Один костром пылает в небо.
И кем бы ты на свете не был,
Тебя заденет пламя острое.
И, обоженный, будешь петь,
Или стонать, или молиться,
Или томительно гореть,
Иль биться в клетке, как птица.
В алькове, в келье, в кабинете,
На зеленеющих лугах
Ткет пламя огненные сети,

И только маленькие дети
Не знаю их в своих мечтах.
От первых отроческих дней
До дней последнего прощанья,
Все напряженней, все сильней
Его жестокое вещанье.

Молчание и славословье
Равно бесцельны в небесах.
Металлы тусклые от крови
Вновь зародятся на крестах.
Любовь заменится любовью
И мудрость превратится в прах.
Но каждый ткет из чаши полной
Во тьме ночной и в шуме дня
Неиссякаемые волны
Неистребимого огня,
Который падями земными
Несет небесная река,
Чья воля, чей закат, чье имя -
Тоска.

Фрагмент, законченный 8/I. 1925.

По выжженному косогору
Змеёй вползает на дабан,
С трудом одолевая гору,
Громоздкий, пестрый караван.
Как радостно смотреть с подводы
На горы в позднем сентябре.
Темнозеленые разводы
На пламенеющем ковре.
Нам медленно плывут навстречу
Расцвечивая каждый склон,
Берез оранжевые свечи
И сосен вечный халцедон.

На переломе перевала
Обо указывает путь.
И сколько ног здесь отдыхало,
Где так отрадно отдохнуть.
Затейливые амулеты,
Обломки дерева, костей,
Лоскутья, медные монеты
На груде сложенных камней.
Все это набожные руки
Безвестных странников земли
На обнаженный гребень дикий
Благоговейно принесли.
Когда просторные долины
Наполнят тени темнотой -
Обо, как некий страж вершины
Горит вечерней красотой.
О, путник! Уходя отсюда,
Обычая не позабудь.
Брось мелкий камень в эту груду,
И будет радостен твой путь. [377 стр.]

9/IV. 26 г. Урга.

И все-таки всегда отрадно помнить о смерти.

2-я книга

1925 г.

26/I. Судзуктэ

[1 стр.] Сегодня во время обработки песен мне пришла в голову следующая мысль: не возникали ли шеститоновый и семитоновый (диатоническая гамма) звукоряды путем совмещения в одной пьесе двух пятитоновых звукорядов? Распределение звукового материала во многих монгольских напевах даёт основание это предполагать. Гипотеза эта может оказаться плодотворной.

Вот сделал 81 анализ. Работаю много.

Ходил сегодня с Ел.Вл. по Судзукте показывать ей тетеревов.

Одного убил.

Yesterday, in the deep evening lady read me her dairy[1].

Ложные солнца.

Падающий тетерев.

Предположение о генезисе диатонической гаммы.

Большая Медведица, опершаяся хвостом на горизонт. [2 стр.]

27/I.

Целый день занимался музыкой. Дописав 93-ий анализ, покончил со всеми метрическими монгольскими песнями. Между делом набросал "Заклинание изюбрей".

Заезжал А.А. Я просил его вызвать Якушевского[3] из Хадакена. Хочу позверовать в Хацуртэ[4]. Работы А.А.[5] советует начать с 10-го февраля. По его словам, вода будет убывать весь февраль. Котик принес двух зайцев, убитых кряжами. Первая добыча. [3 стр.]

28/I

Сделал выводы и обобщения относительно монгольских метрических песен. Обработал вопрос об интервалах. Приступил к выяснению употребительности различных ритмических типов такта. Присочинил ещё несколько фраз к "Заклинанию изюбрей". Теперь оно почти готово. Текст писал на музыку, поэтому вышел он дурным. Да и музыкой похвалиться не могу - пёстрая, смешение разных стилей. Декламацией доволен. Кроме того приятно и поучительно сочинять без инструмента. Выучивали ещё "Лучинушку". Аранжировка Рубца. Академична и вместе с тем дурна. Андрюша недаром вспомнил о Гапоне. Вечером читал вслух из Павла Кельвера "Не уходите!" "Спрячьтесь за дерево!".

"Заклинание изюбрей" [4 стр.]

29/I.

До обеда работали втроем на засеке. Соединили северный край с серединой. Подняли упавшие кряжи. Там с гребня хребта, уходящего в Бальджу[6], широко видно во все стороны. Воздух сегодня был особенно прозрачен. Видны были Меньинские гольцы[7] и скалы на Гурбун Чулу[8]. Внизу в долинах Мандала[9] и Хары[10], в степной части Бальджи и Узурумтэ[11], тяжело и мягко покоилось мореподобное белое облако. Последние вершины, закрытые лесом, были как бы отрезаны им от своих подножий. И поэтому казались неправдоподобными, призрачными.

Закончил "Заклинание изюбрей". Приехал Якушевский. 1-го февраля думаю поехать с мальчиками в Хацуртэ на охоту.

Облако под Ноин-Улой.
"Заклинание изюбрей" [5 стр.]

30/I.

Синоптическая таблица показаний (средних месячных) ртутного барометра в Урге, анероиде - на Судзуктэ и сухих термометров в обоих означенных пунктах[13]. [6 стр.]

Утром вчетвером: я, мальчики и Якушевский, работали на засеке. Закончили всё начатое китайцами. Днем Якушевский возил солому с кургана № 24 - наследство Теплоухова[14].

Приехал Канаев. Привез Сергею интересных орлянок, разнообразных по окраске. Потом - какого-то пёстрого зайца.

Сочинил порядочную порцию музыкальной баллады в старинном стиле. Но еще не знаю, что сделать с героями. Пока они плывут по морю на корабле. Текст сомнительного достоинства. Вечером пели также "Заклинание изюбрей". Теперь выходит значительно лучше. И нелепые слова: "Гвом, Гварул, Гварол" - стали нужными.

Смолистая сосна под топором.

Полиграм - "Жених у Вельды нежный был - отрада белых плеч..."

"Заклинание изюбрей". [7 стр.]

31/I.

Занимался разнообразно. Грубо определил широту Судзуктэ. Обсуждали Андрюшин отчет. Вычислил среднюю температуру и давление за январь.

Искали с Котиком наиболее выразительную форму для кривых температуры и давления. Сравнительная оценка Ургинских и Судзуктинских данных интересна.

Поправил часы солнечным кольцом.

Якушевский возит гробовые доски с 24-го кургана[15].

Стал сегодня присочинять новую фразу к "Балладе", и вдруг последние такты её разорвали стиль пьесы и зазвучали

тем трагическим лиризмом, который так волнует меня. Лица и события в прошлом внезапно ожили. Все вспомнил в стремительной тоске.

"Юноша мой любимый! Встречу ли тебя я в смерти?" [8 стр.]

1/II.

Вчера грубо определил широту следующим образом: В момент кульминации солнца были отмечены нижний и верхний край кружка на шкале. Полусумма этих отсчетов дает положение диаметра кружка – 40,15. Эту величину подставил в формулу для нашего кольца[16]. [9 стр.]

2/II.

В 8 ч. Ел.Вл. с Якушевским отбыли в Хацуртэ. В 9 ч. и мы с Андрюшей отправимся туда съёмкой. Вчера закончил орнитологический список. Определяли (Ек.Вл. и Андрюша под моим руководством) широту. Получилось 48 гр. 31мин. Таким образом, или они плохо наблюдали, или я накануне отметил неправильно кульминацию (слишком поздно).

В Хацуртэ думаю пробыть дней пять. Вчера Ел.Вл. прочла мне следующее своё стихотворение:

Друзья мои! Не ждите.
Я не вернусь домой.
В путь меня проводите.
Благословите рукой.

Ухожу от родины милой
Пожалеть позабуду о ней,
Но не тайные силы
Овладеют душою моей.

Давно меня звала пустыня,
Давно расцветала тоска.
Пустыне сердце отныне

И пламя мое принесла.

Когда-нибудь вечером ясным,
При свете тихих лампад,
Помолись за меня перед Спасом
У сияющих царских врат.

И в день лучезарный, последний,
Когда я склонюсь на песок,.
Тихо за ранней обедней
Сплети мне терновый венок. [10 стр.]

9/II.

7/II кончилась наша, богатая событиями, поездка в Хацуртэ. 2/2 мы с Андрюшей засняли верхнюю часть водораздела между Хацуртэ и Галбан Булаком. Я отсчитывал шаги, анероид[17], термометр и часы, он делал засеки глазомерные на планшете и бусолью[18]. Уже после захода мы достигли того места гребня, под которым предполагалось разбить бивуак. Однако, сколько мы ни прислушивались, условных выстрелов не услыхали. Разложили костер и ждали час, но долина безмолвствовала. Думая, что Якушевский и Ел.Вл. по каким-либо причинам не доехали, мы повернули домой, куда прибыли около 10 ч., сильно усталые. Компаньонов дома не нашли, чем были несколько встревожены. На следующее утро я послал Фу Чина к китайцам в устье Галбан Булака для того, чтобы осведомиться, проезжали ли там наши. Сам же с Андрюшей отправился на розыски съемкой, вниз по долине Хацуртэ. Вскоре после того, как мы спустились [11 стр.] на тропу и пошли по ней, нам попался верховой след и лаконичная надпись на снегу: "Ниже". Через короткие дистанции эта надпись повторялась. Напав таким образом на след, предусмотрительно подчеркнутый Ел.Вл., мы, конечно, без труда отыскали лагерь, расположенный на месте моей августовской экскурсии в Хузуртэ. На таборе застали только Якушевского.

Обеспокоенная нашим отсутствием Ел.Вл. уехала домой. Мы уже собрались идти на вечернюю охоту, как вдруг заметили возвращающуюся Ел.Вл. Она была перехвачена Фу Чином в Галбан Булаке и, осведомленная им, вернулась обратно. Все эти осложнения, как оказалось, произошли единственно потому, что мы с Андрюшей не слыхали сигнальных выстрелов, которые Ел.Вл. подавала в большом количестве. Отсюда вывод: в пересеченной местности не полагаться на сигнализацию выстрелами. В вечернюю охоту этого дня Андрюша убил козу. [12 стр.] Я слышал какой-то незнакомый голос животного в Галбан Булаке близ гребня на открытом увале, но не заметил никого. Было поздно, заря пламенела костром.

4/II.

Мы с утра отправились по козам. Прозевали 6 штук. Видели большую стаю строгих тетеревов в березняках, ниже Ноинулинского ключа. Ел.Вл. сделала один снимок Хузуртэ снизу и поехала домой для того, чтобы переехать лагерем в устье 7-го ключа. Мы же ходили определять высоту Ноин-Улы. Выполнив это, пришли на бивуак. По дороге на Ноин-Улу видел большой табун коз, около 8 голов. На Ноин-Уле долго ждали Ел.Вл., стреляли, разводили костры, однако так её и не дождались. Очень отчетливо пришли мне в голову следующие мысли по поводу математики. Она разоблачает естество. Числовой символикой подменяет реальное бытие. Тянучими, призрачными формулами отвергает "вещь", превращает её в небытиё, быть может, в "вещь в себе". [13 стр.] Это и есть математика. Игра сил.

Вечером к нам притащился Магистр.

5/II

Андрюше баснословно повезло. Он напоролся в уреме Хузуртэ на табун изюбрей, которых, сам того не зная, Котик

выпугнул из сквера. Изюбри растерялись и долго не решались уйти куда-либо, так что Андрюше удалось выстрелить 17 раз. Две матки с перебитыми зобами скатились в урему[19], где Андрюша добил их прикладом. Как только он вернулся на табор, сейчас же запрягли лошадь и отправились за добычей. Там встретили Котика, возвращавшегося с 2-мя глухарями. Мальчики стали убирать изюбрей, а я пошел по свежему следу, который вскоре и выяснил мне, что изюбри пришли от Котика. Вернувшись на прежнее место, я стал рассматривать перепутанные следы и вскоре заметил краску на 2-х. Пройдя по одному из них, я наткнулся на тяжело раненую матку, [14 стр.] которая вскочила в 40-ка метрах от меня. Я тотчас же выстрелил на вскидку, она рухнула и покатилась по крутому откосу неглубокого ложка. Добив её прикладом и освежевав, я направился по второму следу с кровью. Однако краска скоро исчезла, след спутался с другими, и из-за наступающих сумерек пришлось вернуться на бивуак. Поздно вечером, при луне, Котик с Якушевским, завьючив слегка лошадей, пошли домой, откуда должны были вернуться с Марчуком и санями. Слабая лошадь Якушевского не могла одолеть дороги и пала в расстоянии 4-х верст от лагеря, откуда её несколько часов спустя привел Якушевский; бросив в лесу возок с мясом.

Отдыхали на бивуаке. Только вечером немного поохотились безрезультатно. После заката прибыли Котик с Марчуком. Привели с собой 2-х лошадей и сани. Такая быстрота несколько удивила нас. [15 стр.] Ночью, при луне, запрягли сани и поехали за маткой. Ел.Вл. и Котик остались на бивуаке. Магистр накануне провалился в воду и натер себе огромный пузырь на ноге, который в ту же ночь был церемониально проколот.

Лошадь Якушевского совсем ослабела. Пришлось несколько раз поднимать её. Бедный папаша разложил подле неё костер и укрыл животное своей шубой. Около 10 часов мы приволокли наконец матку. Угомонились поздно, далеко

за полночь. 7/II все тронулись в обратный путь. Ел.Вл. и Котик с караваном. Папаша с лошадью вышел несколько раньше. Мы с Андрюшей пошли съемкой становиком. Оказалось, что заниматься топографией при 21 градусах с ветром - неприятно. Домой пришли к закату. Ещё раньше приехала верхом Ел.Вл. и послала Фу Чина и Канаева на подмогу каравану, так как лошади сильно устали. [16 стр.] Якушевский добрался благополучно до китайцев в Бальджи , просил снести ему в Бальджу сена, что я и сделал, послав туда Ханчоя.

8/II

Приводили себя в порядок и отдыхали. Общие результаты экскурсии весьма хороши. Снят весь бассейн лесистого Хузуртэ, убито 3 изюбря, 1 коза, 2 глухаря, 1 тетерев и 7 рябчиков. Вся лесная дичь Ноин-Улы в полном составе.

9/II.

Сегодня утром заявился наконец Якушевский. Лошадь дошла до подъема Тальбхены. Послал опять туда Ханчоя с сеном. Приезжал А.А. с Лидой и увез Ел.Вл. По пути обещал поднять лошадь Якушевского из Тальбхен на дорогу. Послал ему в помощь всех трех китайцев.

Определил сегодня опять широту. Получил 48 гр. 24 мин. 51 сек. Таковой результат весьма близко совпадает с первым. [17 стр.]

10/II.

Подвел итоги сравнениям анероидов с барометром в Урге и гипсотермометром на Судзукте. Выводы показали, что добавочная поправка сильно увеличилась. Придав эти приращения, будем иметь предыдущую таблицу в следующем виде. [18 стр.] Сегодня А.А. привез обратно Ел.Вл. Как оказывается, она уезжает в субботу. Лошадь Якушевского привезли, но в ночь она околела. Бедный мужик в горе. Надо помочь.

Занимался метеорологией и музыкой. Начал разрабатывать бурятские напевы. Сделал 5 анализов и вчера - 1. Пели. Закончил "Балладу", неожиданно легко разделавшись со всеми её персонажами. Вот этот несуразный текст:

Как плыл безумный Полиграм домой, разбив врагов.
К себе красавицу он вез от дальних берегов.

Ах! Её красота как месяц новый - чиста.
Ах! Её красота как месяц бледный - чиста.

А Полиграм охотник был до женской красоты
Любил в свой замок привозить заморские цветы.

Ах! Её красота и т.д. [19 стр.]

Жених у Вельды был - отрада белых плеч,
Но Полиграм по рукоять в него воткнул свой меч.

Ах! Его уста, как розы рая цвели.
Ах! Его волоса солнце с собой несли.

Плывут над морем облака к далеким берегам,
Ведет незримая рука корабль твой Полиграм.

Веселы все на пышном корабле - все скоро увидят милых.
Вельда одна, как месяц, бледна. Ах! Радость погасла навсегда.
Юноша мой любимый! Встречу ли тебя я в смерти?

И сам всесильный Полиграм не смеет к Вельде подойти.
Впервые красота луны явилась на его пути.

И Вельде горный дух отцов дал слабость превозмочь.
Без крика старый рулевой исчез в седую ночь. [20 стр.]

Её небесная рука сияет на руле.
Ревущий ветер мчит корабль к неведомой скале.

Ах! Её уста ...и т.д.

Напрасно пышный замок ждет торжественных гостей.

Не выдаст старый океан разбросанных костей.

11/II.

Музыка, метеорология и пение.

Сделал 8 анализов. Хоринские напевы[21] обработал, за исключением двух протяжных. Учил Магистра обращаться с гипсотермометром, а также вычислению относительных высот. Закончил "Балладу о Полиграме". (Музыку).

Сегодня, войдя в кухню, увидел Фу Чина заклеивающим спину бумагой. На мой вопрос: "Что ты делаешь?", - он радостно ответил: "Спать худо. Клопы много!" Простое это извещение удручило меня. Клопы. [21 стр.]

12/II.

Музыка, метеорология и пение.

Покончил сегодня с метрическими бурятскими напевами. Всего 22 анализа. Я готов допустить, что, генеалогически, собственно монгольская и бурятская музыка далеки друг от друга.

Возился долго с нашей абсолютной высотой. Она что-то все не ладится. Котик понемногу приучается вычислять. Сегодня отсчитал и вычислил высоту перевала под нами - 84 град. 1 мин.

Ел.Вл. собирается послезавтра в Ургу, почему пространно беседовал с ней о разных мелочных необходимостях. "Балладу" поем, хотя скверно, но почти без остановок.

Ход работ.

Сегодня китайцы, втроем, возобновили работы на "Мокром" кургане[22]. Воды все же течет много. Яма, только что осушенная, сейчас же вновь наполняется. [22 стр.]

13/II

Беспокойный день. Все время кто-нибудь мешал заниматься. Сделал 5 анализов китайских напевов. Разбирался в

гипсометрических противоречиях, нашел одно важное упущение - не определена разность высот между Бадмажаповым и нашим новым домом. Поэтому среднее давление, выведенное для Урги за 9 месяцев, неверно. Дал по этому поводу целый ряд инструкций Ел.Вл. Какой-то бурят из Мандала прислал записку о том, что он убил медведя: просит сказать, возьмем или нет.

Определил ещё раз широту, получил 48 гр. 26 мин. 19 сек.

Ход работ.

На кургане сегодня откачивают машиной, но вода не убывает. [23 стр.]

14/II.

Утром уехала, переполненная поручениями Ел.Вл. Милый человек. "Плывут над морем облака к далеким берегам" пели мы ей с террасы. Увидит ли она ещё раз наши милые места? Отправил с ней 4-ое донесение П.К. Ходил сегодня на курган и по уреме Судзуктэ. Все как прежде: заячьи следы, рябчики. Там же пришла мелодия на слова: "Друзья мои, не ждите".

Сочинил строфу и две строфы положил на музыку. Даже немножко разучивали.

Обрабатывал сегодня размеры рябчиков. Выводил средние академических размеров и уклонения от них по формуле. Оказалось, что, в размерах, полевой биморфил выражен в несколько большей для самца длине хвоста. Впрочем, вероятно, бывает, показания перекрещиваются. Итого: для самца – 7,9 (± 0,7), для самки – 7,4 (± 0,6). [24 стр.]

Ход работ.

Уровень воды немного понизился. Потолок камеры близко, около 1-го аршина осталось пройти. Завтра посылаю Чаун Фо в Дзун Модо за тремя дополнительными рабочими.

15/II.

Необычайно низкое давление. Анероид - 612.0, 667,9. Ветрено. Солнце в полумгле.

Обработал все 8 корейских напевов. Выработал схему для вычисления гипсометрических пунктов съемки. Дал эту работу Магистру, который последнее время усердно работает. От Андрюши я ждал большей усидчивости. Ему не сидится долго за столом. Отчет он написал толковый.

Вечером немного сочинял. "Друзья мои не ждите..." - опять на три голоса. Написал 4 строфы. Пожалуй, можно и закончить этим.

Переписал начисто, с небольшими изменениями "Балладу".

"Друзья мои, не ждите...".

Работ на кургане не было. Чаун Фо пошел в Дзун Модо за новыми рабочими. [25 стр.]

16/II.

Ход работ.

С утра начали работать вшестером. К несчастью, тотчас после обеда машина по непонятным причинам перестала откачивать воду. Снял с работы троих. Одного из них послал в Дзун Модо к А.А. с письмом. Может быть, он сумеет разобраться в порче.

Обнаружил сегодня дефект в анероиде № 1462. Стрелка имеет свободный ход амплитудой в 0,7мм. деления шкалы. Также придется отсчитывать этот период.

Котик вычислял гипсометрические пункты съемки в Хацуртэ. Приводил в порядок всякие бумаги.

Сделал 3 анализа бурятских эпических песен. Был на работах, чередуясь с Андрюшей.

Разучили "Путевую песнь". Отделал её и переписал.

Впервые за всю зиму минимальный термометр в 21 ч. показал больше 30 гр. (30,5). [26 стр.]

17/II.

Приезжал А.А. и провозился целый день с машиной. Сначала исправлял её на кургане, а затем, поршни, - у нас дома. Вторично съездил на курган и в конце концов наладил. Вторая смена китайцев - 3 человек будет работать сегодня ночью.

Приступил к анализам монгольских эпических песен. Всё утро провозился с "Замбутивом". Интересно. Котик вычислил высоты, 1-го дня съемки Хацуртэ. Способ контрольных вычислений весьма полезен. Сейчас добиваюсь учета изменений добавочной поправки анероида. Сделал допущение, что в течение обратного промежутка времени она изменяется пропорционально последнему.

Отсчеты и вычисления производятся следующим образом. Пусть нужно определить высоту А относительно В. Определение производится при помощи двух анероидов, из коих один (х) берется с собой, пусть (у) остается [27 стр.] в пункте В. В момент отправления (t) оба анероида отсчитываются. Позже - t наружного воздуха. Полученные средние величины исправляем за шкалу и приводим к нулю. Разность этих исправлений отсчетов и будет разностью добавочных поправок анероидов для момента (t)[23]. [30 стр.]

Вечером пели, при этом необыкновенно фальшиво. В постели перечитывал переписку из двух углов. Вновь наслаждался при этом замечательным языком обоих друзей. Особенно волнует последнее письмо Гершензона[24].

18/II.

До 4-х занимался различными вычислениями. Всех мальчиков отпустил в Дзун Модо в гости. Пусть повеселятся без опеки.

16-го прошествовал через Боротай[25] в Ургу Васильев.

Сегодня, сколь непривычная, столь же и приятная, тишина в доме. Читал "Илиаду". На Судзуктэ она звучит парадоксом.

Рабочие продолжают работать на две смены. Кайлят землю, которая сильно промерзла. [31 стр.]

21/II.

19ч. 10мин. в одиночестве следующим образом продолжил "Гаву".

Неуклонно шел туда, где хребты
Завились змеиным узлом,
Где (каскады острых) потоки диких гребней с высоты
Образуют крутой излом.

И каждый день Гава замечал,
Как тают следы зверей.
И каждый вечер закат догорал
За громадою (стеною) скал (все) быстрей.

А лес, лес густел,
Молчаливый мертвый лес.
Умолкло пение длинных (острых) стрел,
Звериный след исчез. [32 стр.]

Усталость и голод Гава узнал,
Запеклись сухие уста,
Но не единый вздох не разжал
Крепко сомкнутого рта.

По откосам и острым гребням
Крутосклонных узких гряд
Полз Гава, отдавая камням
Свою плоть и ветхий наряд.

Но (и) когда вершины (теснины) гор Гаву
Обступили со всех сторон,

Упал Гава на сухую траву,
Погрузился в тяжкий сон.

Дважды алый (цветком) восход расцветал
И один закат угас.
Но несчастный охотник не раскрывал
Звездоподобных глаз. [33 стр.]

Тяжело поднялось с холодной земли
Истомленное тело его.

И вновь мечта Гаву (его) повела
Сквозь трущобы мертвых лесов,
Оживляемых лишь шуршанием крыл
Неведомых белых сов.

Повела меж нависших утесов и скал
По теснинам сухих (быстрых) ручьев.
Нет человека, который слыхал (отдыхал на уступах)
Их весенний яростный рев (Их берегов).

Туда повела, где меж гребней гор
Мерцают чаши озер.
Но к священной горе глухого пути
Не мог охотник найти. [34 стр.]

И в ночь седьмую, луны седьмой
Гава поник, изнемог
Не мог нести суровой судьбой (Так странник из горестной страны)
Обессиленных рук и ног (Входит в небесный чертог).

Под ним леса ниспадают рекой
В глухие пади без дна.
С высоты в угрюмый, тяжкий покой
Проливала свет луна.

И со всех сторон берегли тишину
Изогнувшиеся хребты.
Преграждая путь в немую страну
Сумрачной красоты.

Как труп, неподвижный лежал Гава
И был, как отверженный бог.
Его запрокинутая голова
Примяла блестящий мох. [35 стр.]

Выпал древний тяжелый лук
Из усталых, нежных рук.
Слезами покрыла ночная роса
Разметавшиеся волоса.

Светлела в истерзанной красоте
Усталая сильная грудь.
В недосягаемой высоте
Созвездья чертили путь.

И когда Гава глаза открыл.
В них просияла смерть.
Шатаясь, встал он, руки раскрыл
В бездонную темную твердь.

Так молился: "Великий Маньяхан-тенгри,
На раны мои посмотри,
На кровью запекшиеся уста.
Я устал. [36 стр.]

Мне звезды назначили подвиг свершить -
Ихэ Бугу убить.
Но к заклятой горе глухого пути,
Не (могу) найти.

Мучат и холод и жажда меня,
И тоска сжигает меня,
Тысячи лет прошли для меня,

19-го к вечеру вернулись мальчики, несколько позже приехал Борисов с винтовкой. Вдобавок ко всем его прегрешениям он убил лося и не только не вывез скелета, но даже не позаботился о черепе и шкуре. Решил отобрать у него совсем винтовку, но события сегодняшнего дня несколько изменили положение. Вчера утром ушел на стан (меня свез Борисов), сегодня утром [37 стр.] вернулся.

Ход работ.

Сегодня все 6 человек работали днем, одновременно углубляли шурф и откачивая воду. До сего дня работали на 2 смены. Креп положено 2 венца.

Около 4 х часов приехал из Урги Зиганшин и привез от Ел.Вл. многозначительное письмо. Мне кроме того - письмо и бандероль от папы и письмо от Есиновского.

Выдержки из писем П.К., приводимые Ел.Вл. указывают на то, что наша экспедиция вступает в новую стадию жизни. Под председательством Горбунова образована организационная комиссия для обсуждения дальнейших работ экспедиции. Телеграмма П.К. свидетельствует о том, что его доклады в этой комиссии прошли "блестяще". В виду важности письма вклеиваю его сюда целиком фотографии[26] и все нужные барометрические отсчеты. [38 стр.] Частное письмо Ел.Вл. значительно. С ним она также прислала ответ МИКа на её письмо. Письмо (от папа) замечательно и лишний раз рисует неуравновешенность П.К. во всем её диапазоне.

По поводу письма предпринял следующее. Завтра отправлю Канаева с Борисовым в Мандал. Там Канаев сторгует и отпрепарирует медведя. В это время Борисов съездит в Ургу, передаст Ел.Вл. необходимые письма и доставит из Урги деньги. Деньги и письма мне привезет из Мандалы Вильский, а Борисов с Канаевым отправляются в Гонтув[27] в поиски за совой (species nova!). Мы же, оставшиеся, обращаем особое

внимание на разработку "Мокрого" и "Верхнего" курганов. Sic. [39 стр.]

22/II.

После обеда Канаев с Борисовым отбыли в Мандал, получив самые строгие инструкции относительно добычи совы.

Еще несколько слов по поводу определения разности высот 2-х курганов при помощи 2-х анероидов. [42 стр.]

23/II.

На кургане ситуация такова. Приток воды продолжается. Теперь грунт сделался каменистым с примесью глины. Под водой на всем сечении ямы и на глубине от 0,70 м. до 1,00 м. прощупывается слой дерева. Кроме того, видно толстое бревно в W-O направлении непосредственно рядом с S границей ямы. Оно выше сплошного настила на 1,50 м.

По моим расчетам, машина при энергичном откачивании в 1 ч. отливает около 3-х куб. м. (тонн) воды. Впрочем, откачивание протекает все время с паузами. То чистится машина, то углубляется резервуарная яма для рукава. Для шестерых работы несколько не хватает. Думаю двоих снять. Возможно, что прощупываемый настил - потолок наружной камеры. [43 стр.] На работе ввел прежние дежурства. Тогда китайцы все-таки интенсивнее работают.

Глаза смотрят на звезды, а слезы падают на землю. [44 стр.]

Написал сегодня следующие строфы "Гавы".

"Путь укажи, Маньяхан-тенгри,
Лесные чары развей (чары лесные развей)
И заплатит тебе за это Гава
Телом и плотью своей".

Канул в небо пламенный крик.
Гава - прекрасен и дик.

Жаждет и ждет на жертву ответа.
Тщетно. Знамения нет.

Осунулся весь. Опустил глаза
Потонувшие в небесах. (звездных полях)
И видит: Слезы его, как роса,
На огромных синих цветах. [45 стр.]

И понял Гава, что в этот миг
Он вершины жизни достиг,
Что суровый путь в бессмертье ведет,
Что дерзающий им идет.

Благоговейно поднял лук
И колчан блестящих стрел.
Видел: между скалами темнел
Вход в лесистый лог.

Медленно, твердо пошел туда,
Как в желанную смерть герой,
Как тот, кто для жертвенного труда (кто идет нанести удар)
Простился с шумной игрой (Простившись с пустой игрой). [46 стр.]

24/II.

Ход работ.

Несмотря на обильную воду, углубления ямы подвигается. Мы попали в S-O часть помещения. Оба потолка в сечении шурфа почти бесследно разрушены. Только с W стороны вдаются в яму два рядом лежащие бревна, в W-O направлении и с уклоном к центру сечения. S внутренняя стена проходит рядом с S границей ямы. Примерно в таком же положении и O стена. Все помещение, конечно, завалено породой.

Сегодня пришлось подтянуть китайцев. Велел откачивающим воду приходить за полтора - два часа до солнца. На кургане постепенно и без ущерба дежурим все втроем.

В продолжении всего дня определяли превышение произвольного [...] по дороге к перевалу над лагерем, с целью ознакомления с суточными колебаниями высоты. Котик вторично определял [...] Судзуктэ [47 стр.] относительно лагеря. Получил результат весьма близкий к результату предыдущего определения. Последние три недели Котик работает усердно. Усидчивостью превосходит Андрюшу. Парадоксально, но так.

Вечером заезжал, возвращаясь с охоты, А.А. Просил его наведать нас на днях.

Вечером, ровно год тому назад я впервые увидел в Цзурумтэ Ноинулинские курганы. Ночевали в лесу близ разрушенного зимовья. Рекогносцировка, богатая последствиями.

Истекший год снабдил ответностью, но мудрости не прибавил. Зрелость - только условие.

Закончил сегодня анализ "Замбутива". Работал над ним с наслаждением. [[48 стр.]

25/II.

Год тому назад я впервые взошел на крыльцо нашего домика. Сани, сопутствуемые Ежо и Пахомовым, медленно тащились в гору.

Работы медленно, но упорно подвигаются. Завел специальную книжку для археологического дневника, туда все вносим наблюдения.

Сделал сегодня анализ "Думуна" и почти закончил "Джаргалтэ". Трудная и интересная работа.

Приехал сегодня радостный Якушевский, которому я отдал нашего коня. Оказывается, он уже приучил его к запряжке. Поистине "укротитель зверей". Передал ему шандзу от Ел.Вл.

Вечером ели груши. Дагестанские груши в Монголии! [49 стр.]

26/II.

Определял широту. Получил 48 гр. 27мин. 00 сек.

Утром сломалась развилка в нижнем зажиме машины. Поехал в Дзун Модо.

Получил письмо от Ел.Вл. с радостными для экспедиции новостями. Мы, по-видимому, все таки будем в Тибете. Но в Харбине тихо. Ел.Вл. хочет ехать туда. Получил от Есиновского вырезки из газет (необыкновенная предупредительность).

Вечером 3 ч. говорил мальчикам о путях жизни.

От Т.А. получил замечательное письмо. [50 стр.]

27/II.

Наконец-то обнаружился гроб. Все-таки преодолели "Мокрый". Чухломин привез кое-что из Мандала и, кроме того, - соболя. Также письма от Ел.Вл. и Канаева. У Канаева все all right. Медведя купил за 20 рублей и отпрепарировал. Соболя положу в спирт. Канаев сообщает, что прилетели дрофы. Стрелял их, но ничего не вышло.

Ел.Вл. пишет, что Н.В. продолжает делать пакости по мелочам.

Положил два эмбриона изюбря и двух колонков в спирт с надлежащими этикетками.

А.А. исправил поврежденную часть машины, и уже утром Чаун Фо принес её. [51 стр.]

28/II.

Вчера было ровно два года со дня учреждения экспедиции.

Сегодня по случаю холода и пурги работы не было. Посему целый день сидели и занимались математикой.

"Друзья! Займемся математикой!

В её письме заключено

Глубокомысленных лунатиков

Неслыханное торжество".

Учил Котика съёмке бусолью, а Андрюшу - обработке высоты. Педагогика помешала мне заняться музыкой.

Вечером определил магнитное склонение (2W) по наблюдению луны бусолью. Воспользовался диаграммой Weir,a. Утром долго возился с проблемой добавочных поправок анероида.

Вечером, в виде отдыха спели весь наш репертуар.

Заспиртовали соболя. [52 стр.]

1/III.

День первых находок в кургане. 23 нефритовых пластинки, ткани, навершия и пр. Таким образом наконец преодолена наша самая трудная археологическая задача. Я чрезвычайно доволен. Добытые предметы уже оправдывают и денежные затраты и все наши усилия. Работаем с утра до позднего вечера без передышки. До захода солнца на кургане. Затем дома. Вымыли все вещи, навязали этикетки, занесли в журнал.

После 9 ч. немного попели. Налаживается. Хочу попробовать прорастить чумизу из кургана, наподобие пшеничных зерен египетских пирамид.

Славно мы живем последнее время. Благословленная Судзуктэ. [53 стр.]

2/III.

Весь день до позднего вечера - под флагом археологических работ. На кургане кончили работать поздно. Долго возились с ковром, края которого загнули с большим трудом от стен внутренней камеры к середине её. Завтра будем вытаскивать.

Вечером писал последнее донесение к П.К. Посылаю ему следующую телеграмму: "Мокром очищена внутренняя

камера. Много нефрита, тканей. Оригинальные предметы. Большой ковер. Разработку продолжаю. К".

Сегодня добыли главным образом ткани. Большое количество кусков разнообразных сортов. Интересен большой, отлично сохранившийся, медный пест со следами позолоты. Найдены ещё шесть пластинок нефрита. Два глиняных черепка различных сортов загадочны. Где остальные? Костей пока не нашли вовсе.

Написал письмо Ел.Вл. и Есиновскому. [54 стр.]

3/III.

Вытащили ковер. Отмывали его между костров, которые я велел тут же разложить.

С попутным получил письмо от Ел.Вл. и из Мандала. В Мандале бестолочь. Канаев пишет, что отправляет деньги и посылки, а я ничего не получил.

Ел.Вл. уезжает в Харбин. Из письма её выясняется, что экспедиция вернется в 1927 г. Лето 1925г. будет работать в Монгольском Алтае, а лето 1926г. - в Цайдаме. Пишет Ел.Вл. еще о сплетнях, которые разводит Н.В. Скверно.

Вечером разобрали на ковре орнамент. Нашли изображения грифона, пятнистого оленя и рыси. Котик сделал необходимые измерения. Чрезвычайно интересен рисунок красками на нижней стороне пола гроба. [55 стр.]

4/III.

Послал в Мандал Марчука с ругательным письмом к Вильскому. Он же передаст там для дальнейшего следования в Ургу письмо В. А-у с текстами телеграмм папе и П.К.

Археологические работы сегодняшнего дня ознаменовались крупной находкой. При очистке W коридора обнаружили в N конце его огромную глиняную урну. После больших усилий освободили её кругом от глины и вычерпали, тщательно рассматривая, воду и грязь из самого сосуда. После этого с

трудом извлекли в середину помещения и, увязав, подняли наверх. Там обмыли и доставили домой. Высота её - 86 см. Объем - 125 куб. дециметров. Сосуд в полной сохранности. Котик срисовывал птицу с пола гроба.

Начал писать письмо МИКу.

Вечером немного пели. [56 стр.]

5/III.

На кургане был небольшой обвал. Урну мы высвободили как раз вовремя. Но зато теперь ненароком вошли в северный коридор. Работы осталось дня на 4. Дома занимаюсь разными мелочами. Между прочим, тщательно промыл землю, оставленную в урне. Нашел уголь мелкими кусками и много чумизы.

Вернулся Марчук из Мандала. Привез вещи, деньги, почту и письмо от Вильских, в котором они извиняются. Медведь и грудная клетка изюбря доставлены также. Письмо с телеграммами пошло в Ургу сегодня.

Нездоровится немного весь день.

Вечером первый раз в жизни пытался рисовать, да ещё акварелью. Вот что получилось[28]. [57 стр.]

6/III.

"Я не знаю, могу ли я ещё написать ей? Это ведь так понятно: я не могу не знать её через Вас. Она же не знает, с кем имеет дело, хотя луч души моей конечно, должен был проникнуть к ней с моим письмом. Слишком оно было искренне. Но этого мало. И я чувствую, что ей трудно. А потому не решаюсь форсировать дверь. Этого нельзя делать".

20/II

"Сегодня ночью видел во сне МИКа. Она сидела на диване, облокотившись на спинку, закутавшись. в шаль с рисунком. В руках у неё была не то книжка, не то тетрадка, и на

белом листке в этой книжке моим почерком было написано несколько раз слово по-тибетски. Она вглядывалась в это слово, и на лице её было недоумение."

"Всегда благодарю Вас за Вас". [58 стр.]

Просматривал археологические материалы (бумаги). Нужно выяснить несколько нерешенных мелких проблем.

На кургане работы подходят к концу. Остался О коридор и часть северного.

Писал письма Вильскому и В.А. Думаю отослать их с китайцами.

Приезжал Сосновский и долго мешал заниматься. Взял в долг 15 долларов.

Теперь остались две задачи:

1) Достать ковер из № 6.
2) Закончить съемку и детали археологической работы.

Послал письмо МИКу с фотографиями.

Китаец выйдет завтра утром.

Послал телеграмму П.К. "Извлечена неповрежденная глиняная урна. Высота 90 сантиметров. Диаметр горла 30, дна 17, наибольшее сечение 60. Высота последнего 50. Емкость 130 дециметров. Внутри немного чумизы и угля." [59 стр.]

7/III.

Обработал ургинский февраль. Привожу результаты синхронических февральских сличений в Урге и гипсотерм. на Судзуктэ. Превышение Судзуктэ над Ургой. Числа округлены до 1т.[29] [60 стр.] Сегодня днем после 13 ч. была первая оттепель.

На кургане вынул и вычистил ковер из западного коридора. Основная ткань с весьма интересным и сложным орнаментом. Фигуры тигра, обезьяны и какого-то неведомого хищника.

Днем возился с этикетированием и упаковкой археологических материалов.

К вечеру на кургане закончили штрек на N и очистили N угол О коридора.

Уже теперь ясно видно, что по богатству находок "Мокрый" курган следует поставить на втором месте после 6-го. Таким образом, моя интуиция в прошлом году оказалась весьма удачной.

Рано утром ушел в Ургу китаец с письмами.

Поздно вечером пришла печаль. [61 стр.]

10/III.

Вчера к полдню закончили разработку "Мокрого" кургана. В техническом отношении она была наиболее трудной и, вместе с тем, наиболее удачной. Гробница обследована вся, измерения сделаны с исчерпывающей полнотой.

Китайцы отдыхают. По этому случаю разрешил и мальчикам поохотиться сегодня.

Я сижу дома и разбираюсь с материалами. Вычертил урну по черепкам из О коридора. Хитрая задача.

Котик сделал несколько копий с птицы, нарисованной на полу гроба. Одну из них вклеиваю сюда.

Чаун Фо делает ящики. Пора думать о ликвидации Судзуктэ. Пора, но грустно. Упаковал с замысловатыми предосторожностями птицу и керамику (разбитую урну). [62 стр.] 9-го приезжал А.А. Пронесся слух, что Васильев нас хочет навестить. Но не приехал. А.А. привез гвоздей и Ибсена[30]. Якушевский возил сухостой эти дни. Сегодня поехал домой за сеном и пилой.

Перечерчивал съемку восточного и центрального судзуктинских полей.

Андрюша сегодня стрелял по изюбрям в Хазуртэ, а Котик убил в Узурумтэ гурана.

Быть может, все-таки Ибсена переоценили.

Проблема драматического эпилога в значительной мере - проблема моей жизни. [63 стр.]

11/III

Занимался ящиками и упаковкой. Уложил птиц, керамику и почти все остальные археологические объекты. Полки опустели, на полу солома - напоминание о скором отъезде.

За ужином спросил Фу Чина, "Что самое хорошее в жизни?" Он ответил: "Жить совсем один лесу, без баба, без мяса". Ответ наводит на размышления. Цветов много, но стебель один. Все жаждут отречения, но одни не смеют, а другие не могут. Как странно, что Фу Чин оказался ближе мне по духу, чем десятки "хороших знакомых". А ведь мы еще разной крови! [65 стр.][31] Домик на Судзуктэ. Вниз уходят сивера Судзуктэ. За ними виднеется пологий перевал в Узурумтэ. Еще дальше - массивный водораздел Узурумтэ и Гуджиртэ[32]. На последнем плане - леса Узурумтэ близ её поворота. Повсюду сосна. Лиственницы только вдали. Это - ноябрь. Но теперь март - а пейзаж тот же. Позабудем только о ссохшихся листьях на ближней березе. Около дома огород, но при нас, летом там росла только трава.

Судя по теням - около часа. Сейчас из невидимой двери, рядом с окном выйдет одна из долговязых фигур, чтобы отсчитать термометры. Место на северной стороне дома, где они висят, как раз закрыто левой березой.

Я люблю эту фотографию нежно. [66 стр.]

12 марта

Покончил с упаковкой археологических коллекций. Вышло недурно. Написал отчет о разработке "Мокрого" кургана. Котик делает по измерениям чертежи. Андрюша все еще возится с отчетом. Чаун Фа делает ящики.

Посылал Сабан на Дзун Модо за гвоздями.

Оказалось, что ящик для урны можно составлять только вне дома, так как в дверь он не пройдет. Неприятное осложнение. Ящиков вообще наберется основательная партия. Надо уже теперь думать о постепенной доставке их в Мандал.

Перечитал "Иона" - Габриэля Боркмана! Все нравится, кроме заключения. [67 стр.][33] Судзуктэ от кургана №24[34]. Эта позиция никак не раскрывает всего видимого очарования Судзуктэ. Но и отсюда хорошо. Сосновый лес по правому склону - излюбленное тетеревами место дневной кормежки. На переднем плане, сейчас же за березой - курган № 25. Здесь были добыты 35 знаменитых "подсвечников". Октябрь.[68 стр.]

Насыпь кургана № 24

[69 стр.] Октябрь. Снято в первые дни работ. На нижнем снимке человек с сумочкой на животе - С.А. Теплоухов. Ещё ниже - Г.О. Боровка[35]. Теплоухов питает отвращение ко всякому физическому усилию, возит всюду с собой складную кровать, а в разговоре очень любит употреблять выражение: "Мы, натуралисты". Собеседник остроумный, умеет выпить, любит понюхать эфира. Нервен. Консервативен.

Боровка иного склада. Любит европейскую культуру и преклоняется перед Шпендлером[36]. По-немецки тактичен и обходителен. Уши у него длинные. Конечно, только в буквальном смысле. Я ему и читал и играл, но, вероятно, напрас-

но. С Теплоуховым они частенько спорили по поводу наличности греческого влияния в предметах нашей коллекции. [70 стр.]

13/III.

Китайцы начали откачивать воду на "Верхнем" кургане. В виду необходимости поскорее закончить все наши работы, пришлось несколько увеличить нам официальный рабочий день. Работаем теперь с 7 до 12, с 13 до 16 и с 17 до 19. Таким образом - 10 часов. Почти закончил отчет о "Мокром" кургане. Котик приготовил чертежи. С беспокойством наблюдаю за все прибавляющимся снегом. Сильно помешает съемке. Завтра посылаю с Мишкой письмо в Ургу. Отправляю П.К. телеграмму такого содержания: "Разработку Мокрого успешно закончил приступил шестому. Просим альманах и жуков Якобсона. Кондратьев". [71 стр.]

14/III.

Закончил отчет о "Мокром" кургане. Приступил к реставрации съемок могильных полей. Приезжал Ваня Вильский с письмом и ящиком от В.А. (Эпизод с китайской бумагой). Произошли неприятности с удостоверением Вильских. Жамцарано потребовал возвращения документов, выданных Учкомом. По этому поводу я написал ему прочувствованное письмо.

Ел.Вл. уехала 5/III в Харбин.

От П.К. получил следующую телеграмму: "Всех приветствую поздравляю благодарю. Верхний оставьте окончание Мокрого телеграфируйте Москву уезжаю 14-го выезд Монголию телеграфирую. Козлов".

От В.А. получил чрезвычайно интересные уведомления относительно Эрдени. Письмо вклеиваю[37].

Текст письма:

"Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Отправляю Вам с Иваном Вильским 100 долл., 3ф. мыла, деревянную чашку, 1 бидон спирта с пломбой, на всякий случай купленные мною, не знаю для чего, 100 листов китайской бумаги. Наверное пригодится. А также посылаю выделанную шкуру волка с черепом. Вам наверное писала Ел.Вл. Это для полпреда, который просил меня сделать для него ковер. А к Ел.Вл. приезжал какой-то вновь прибывший доктор, и просил её от своего имени сделать для него, а он уже преподнесет Алекс. Ник. А потому Ел.Вл. решила так: Мы волка снимем, выделаем, пошлем к Вам, чтобы Канаев сделал голову (я не умею), и в таком виде передадим доктору, а он уже пусть как нужно, доделывает сам. Тут ведь порядочно пойдет сукна, надо делать насечку, а у нас такого инструмента нет. Ваши козьи шкурки тоже скоро будут готовы, одну уже принесли, стоит по 1 долл.

Теперь сообщаю Вам сенсационную новость. Сегодня встретился на улице с Ирдынеевым, который четыре дня тому назад вернулся из Тибета. Завел я его к нам, и вот что от него узнал: Он 11/III Шагдар Ирдынеев прибыл в Ургу 7/III (передаю так, как мог понять сам, названия местностей, вероятно, не правильно, но Вы, наверное их восстановите). От Урги до Кутлик Монгол[38] прошли в 112 дней, от Кутлика до Лхасы 55 дней, в Лхасе жил 28 дней, от Лхасы до Урги 5 месяцев. В Лхасе встретил Борисова, и с ним совершил обратный путь, исполняя обязанности повара. Недалеко от Урги от Борисова отделился, т.к. заехал в какой-то монастырь. Ирдынеев три раза видел лично Далай-ламу, который три раза касался своей рукой его головы, благословляя его. По дороге в Лхасу, и в самой Лхасе все ламы знали о нашей экспедиции, и с интересом расспрашивали о нас. Но также знали о нас и англичане, и было послано ими в Лхасу несколько телеграмм с требованием, чтобы нас туда не допускали. Наш путь был свободен только до Накту (Это в 18 днях пути на быках до Лхасы), а если мы пойдем дальше, то чтобы нас арестовали и препрово-

дили за пределы Тибета. О том, что была нам выслана встреча, он не знает. О секретно распространившемся в Урге, слухе про смерть Далай-ламы, он тоже не знает, и был очень удивлен моим вопросом.

Передний и обратный путь Ирдынеев прошел прямой дорогой, т.е. от Урги на Кутлик, Накту, Лхасу. Борисов же шел в передний путь обходной дорогой, т.е. трактом; Урга Кутлик, Улан-добан, Майкат, Норин-зуха, Дом-быри, Лхаса, а обратно по Ирдынеевской дороге. Пришлось пройти от 8 до 10 перевалов (трудных). В передний путь из их каравана (т.е. Ирдынеева) умерло на перевалах четыре человека, и в обратный путь - один. Особенно, говорит он, тяжело толстому человеку. На перевалах он принимал какое-то бурято-монгольское снадобье, говорит, что хорошо помогает, а один раз даже пускал кровь из правой руки. Операцию эту проделывал какой-то лама. Чувствует себя Ирдынеев расслабленным, торопится домой, хочет полечиться на аршане. Другой раз в Тибет идти не хочет. Шибко, говорит, трудно. Но, все-таки, своей поездкой очень доволен, и при рассказе весь сияет. Выглядит довольно утомленным. Я ходил сегодня с ним в полпредство, и И.М. Кармилин, сразу устроил ему бесплатный пропуск на выезд в Верхнеудинск. Обо всех спрашивает, всех помнит, даже по именам. Забыл только Ел.П. и назвал её почему-то производительшей, т.е. делопроизводительшей. Он считал её женой Ник.Вас. Он долго нас искал по Урге, и если бы не случайная встреча, то так бы и уехал. Завтра придет с каким-то монголом, который имеет что-то передать Петру Кузьм. Сегодня опять видел Ц.Ж. Жамцарано, который дал выписку, на чье имя было ими выдано удостоверение на право охоты и рыбной ловли, и говорит, что чем скорее эти лица вернут их разрешения, тем лучше, а то не пришлось бы им, говорит, побывать в подвале. Их обвиняют в том, что человек, имея разрешение, подбирает себе артель и они устраивают не охоту, а для себя промысел. Имеющие удостоверения:

Вильский, Плешков, Тугаринов и Кочетов. Борисов свое просроченное удостоверение вернул.

Прошел сегодня на разведку за консульство, ни одной сороки, держатся, канальи, у самого жилья. Хочу положить приманку во дворе и стрелять из сеней, все не так будет слышно. Вторая вышла хорошо, но экземпляр неважный, какая-то короткохвостая, на целых 5,0 короче первой. С китайцами послано письма, фотографии и синдетикон в вате.

Всего наилучшего

Ваш Вильский 11/III 25. Урга." [72 стр.]

15/III.

Под ногами синели цветы
Неведомой красоты.
Черным флагом касалась травы
Тихая тень Гавы.

Прикосновения стройных ног
Незнакомы были цветам.
Черным (мрачным) зевом раскрылся лог
Навстречу легким шагам.

Оцепеневший древний лес,
Седой, поросший мхом
Сумрачно встретил твердый блеск
Глаз под ясным челом (лбом).

Мрак и сырость вили покров
Над мхами и тонкой травой.
Лунный луч замирал в ветвях,
Сомкнутых над Гавой. [73 стр.]

Но лишь только Гава вошел во тьму,
Мерцающий тихий свет
На темной земле предстал ему -
Широкий мерцающий след.

Змеей серебряной (сияющей) вился след,
Уводил в бесшумный мрак.
Но в пылающем (горящем) сердце мрака (страха) нет,
Ему неведом мрак (желанен враг).

Гибкие руки сжимали лук.
Взгляд впивался в ночь.
Беззвучна (ы) поступь (шаги). Тьму вдруг
Разрезал лунный луч.

Лес расступился. Узка и светла
Поляна у диких скал.
В страстном трепете видит Гава
Того, кого искал. [74 стр.]

На камне Ихэ-Бугу стоял,
На огромном (громадном) обломке скал.
Как каменный, Ихэ-Бугу стоял,
Точно врезанный в пьедестал.

15/III

Мальчики снимали сегодня 4-ю группу могил на Судзуктэ. Кроме того, сняли три малые могилы, разработанные нами прошлым летом.

Приезжал А.А. Был на кургане № 6. Уровень воды уже ниже потолка помещения. Послезавтра приедет опять, чтобы обсудить вопрос о штреке. Переложил сегодня в чистый 80%-ный спирт колонков, зародышей изюбрей и соболя[39]. [75 стр.]

16/III

Марчук поехал в Ургу. Послал с ним письма П.К. и полпреду. В последнем приветствую и благодарю его.

Читал законченный отчет Андрюши. Очень дельно. Котик принялся сегодня за отделку съемок могильных полей. С Марчуком отправил Вильскому ящик с керамикой. Начали

разгружаться. Уложил аккуратно птицу. Их всего осталось 20. Вечером много пели. [76 стр.]

17/III.

Приезжал А.А. Осматривал положение в № 6. А.А. советует работать штреком. Мне это не по душе. С другой стороны за параллельный шурф китайцы просят 180 долларов. Я считаю, что это дорого. Поэтому согласился с А.А. Теперь он подыскивает двух русских рабочих. S коридор очистили от насыпавшегося в него песку. Котик обрабатывает съемки курганов[40].

Теперь по вечерам штудируем метеорологию. [77 стр.][41] Андрюша Симуков с 2-мя убитыми им изюбрями. На таборе близ устья 7-го ключа Хацуртэ. Приблизительно в то же самое время, когда Ел.Вл. делает этот снимок, я добиваю 3-го изюбря. Рядом с этим шестом - костер, обнесенный с запада зеленой изгородью сосновых веток. Вероятно, жарится свежая печенка. Сейчас начнут мерить и обдирать зверей. Холодные дни были. А.Д.! Помните, как мы шли съемкой по становищу при ветре! [78 стр.]

18/III.

Закончил список. Андрюша обрабатывает размеры птиц, Котик вычерчивает могильные поля. С разработкой кургана дело усложняется. Китайцы, по-видимому, хотят отказаться работать в компании с русскими рабочими. Причина - в неприязненном отношению к Кузнецову. Не знаю, как выйду из положения. Продолжаем работать все тем же темпом. Оглядываясь, вижу, что за истекший месяц мы сделали очень много. Мальчики молодцом. Теперь осталось преодолеть съемку, и тогда все намеченные планы будут выполнены.

Как хочется побродить по лесу! Но, пока нельзя. [79 стр.][42] Долина Судзуктэ. Вид с восточного борта чаши. На острый выступ из сосен, который виден вдали справа, перене-

тали в декабре тетерева, будучи потревожены на месте тока. Последнее - как раз против выступа - в уреме. Слева, близ последнего лесистого мыса - небольшой китайский поселок. Дальше за ними русский станок и тракт. Сама чаша видна здесь только в своей нижней части.

"Судзуктэ" означает "Молитвенная". [80 стр.]

19/III.

С работами дело уладилось. Русские рабочие (Банчиков и К.) заломили неслыханную цену. А с нашими китайцами я условился так: плачу им сдельно за очистку всей гробницы штреками от 80 до125 долларов в зависимости от количества и качества находок.

Мальчишки рассердили меня сегодня. Один разбил термометр во время съемки, другой "позабыл" привезти отстреленную лопатку изюбря.

А.А. привез в подарок голову изюбря с великолепными12-ти конечными рогами.

В высокой степени надоедал Зимирев.

Одним словом - пестрый день. Вечером присочинил следующее: [81 стр.]

Был он громаден, и был он бел,
Покровитель далеких стад;
Грива его струилась по телу,
Как седой водопад.

Настал предначертанный небом час
Для одной из длинных стрел.
Страшным взглядом вещих глаз
На охотника зверь смотрел.

Левый бок обнажил Гава
И воткнул в него стрелу.
Вспомнил последние слова
Завещанные ему. [82 стр.]

Темной дугой выгнулся лук
Под натянутой тетивой.
Полный, протяжный, низкий звук (дрожащий)
Разорвал застывший покой. (разбил)

Внезапный вихрь из звездных просторов
Застонавшие ветви взметнул.
В темных каменных недрах гор
Прокатился и замер гул.

Глубоко в бок вонзилась стрела,
Под сердцем вонзилась в бок.
На колени Ихэ-Бугу упал,
Проливая багряный сок.

Надеюсь, что осталось не более 30 строф. [83 стр.] Водораздел Хазуртэ и Билютыя. Вид на О. Это недалеко от самой горы Ноин-Ула. По отношению к фотографии она несколько левее. С этого места, при прозрачной атмосфере можно видеть не только Сугунурские гольцы[43], но даже гольцы в верховье Мензи[44].

По этим местам, быть может, когда-нибудь проходил Гава в I стадии своего путешествия. [84 стр.]

20/III.

Сегодня ровно год, как мы с В.А. выехали в Дзун Модо. Днем писал статьи об определении разности высот при помощи двух анероидов. Вечером приехали Дакаев с Борисовым. Несмотря на все поиски, совы не встретили ни разу. В гольцах трудно. Снег и ветер все время. Дакаев привез много мелких птичек. Интересна большая серия различных овсянок. Среди прочих чечетки, синицы и пр. Кроме того, привезли колонка, кабаргу, два эмбриона кабарги и кабана. Убили 4 небольших кабанов. Так что в общем не так плохо. Заспиртовали еще одного эмбриона изюбря вместе с местом. [85 стр.][45] Арангату[46]. Октябрь. Арангату всего пленительней ранним

летом. На её лугах травы особенно пышны, а цветы обильны. В большом левом раскате за густой уремой мы с В.А. провели у костра одну июньскую ночь. Луна и козодои. А на Троицу, 15 июля, мы ходили сюда всей компанией. Помню, что ботанические и энтомологические сборы были необыкновенно богаты. Летом и весной Арангату овеяна какой-то целомудренной женственностью. Она самая юная из своих братьев и сестер. [86 стр.]

Вид с террасы нашего домика на юг.

Февраль. То же видно и из моего окна. Только здесь сосны. А вдали Тогот[47].

Возлюбленное.

Помнишь ли ты?

Все помню. [87 стр.]

21/III.

Закончил небольшую статью под заглавием "К вопросу об определении относительных высот при помощи 2-х анероидов". Уехал Борисов. Сдал ему череп Андрюшиного изюбря, его конечности и лопатку, а также 3 черепа. Ящик с кера-

микой отправлен Вильским ранее. Мальчики усердно занимаются обтиранием птиц и чисткой скелетов.

Приехал из Урги Марчук и привез от В.А. ящик с разными мелкими необходимостями, а также письмо мне от Жамцарано, который весьма жалуется на Гольцова, уродующего монгольскую музыку.

Оказывается в Урге – Штейн[48].

Бурят, продавший нам медведя, хочет попасть в экспедицию. Надо будет иметь ввиду. [88 стр.][49] Тайн-гол[50]. Февраль. Самая суровая из рек Ноин-Улы. Жестокие сивера и каменистые увалы. Снимок сделан с откопной дороги, которая вьется по косогорам от Дзун Модо к Судзуктэ. Верховье Тайн-гола одно из наиболее красивых мест на Ноин-Уле. С ним по характеру сходны некоторые ключи Хацуртэ и вершина Билютыя. По этому склону мы однажды верхами с Андрюшей, выслеживая изюбрей. [89 стр.]

22/III.

Ровно год тому назад мы приехали В.А. в наш домик. По этому случаю немного полакомились сегодня. Мальчики даже немного выпили. Днем все вчетвером усердно чистили кости, которых накопилось большое количество.

Скомбинировал материалы для дополнительного отчета об археологических разработках. В него войдет описание отдельных могильных полей, дополнительные сведения о "Кондратьевском"[51] кургане и несколько слов о разработке малых могил.

Вечером возился над проблемой "золотого сечения". По-видимому здесь основная пружина - не уравнение, а своеобразное движение разности катетов, стремление к нулю при [...] положении перекладины.

Немного пели. [90 стр.]

23/III.

Почти закончил "Дополнительный отчет об археологических разработках".

Мальчики продолжают усердно чистить скелеты.

Получил известие, что в Мандале нам предлагают росомаху. Пожалуй, можно ассигновать 15 долларов.

Днем около солнца были замечательные круги и дуги.

Чтение "Метеорологии" Клейна[52] закончили. Перешли к статье Милля[53] в "Справочнике путешественника". [91 стр.]

Василий Андреевич и собачки.

Февраль. Та, которая сидит у правой руки В.А., проделала путь с караваном из Троицкосавска. Две другие - её ургинские дети. А посередине - милый траппер. Драгоценный человек. Ровный, ласковый и изобретательный. Я думаю, что в экспедиции он полезнее каждого из нас. Он - благонадежная основа всех передвижений, перемещений, укладок, укупорок и пр. пр.! Все знает, обо всем вспомнит. [92 стр.]

24/III.

Закончил и почти переписал дополнительный отчет по археологии. Это последняя работа относительно Ноинулинских курганов. И, как раз сегодня, заканчивается наш археологический год. Именно 24/III были начаты работы на "Мокром" и "Верхнем" курганах. Чистка скелетов подходит к концу. Скоро можно будет отправить партию ящиков в Мандал. Теперь осталось только закончить съемку. Потом будем прощаться с Судзуктэ. Потом простимся. Все тот же круг. Странник не должен очаровываться. Странник должен проходить. [93 стр.]

25/III. [95 стр.]

Ну, уж теперь-то не больше 25-ти строф осталось.

Закончил переписывать начисто последний отчет по археологии и привел в порядок все бумаги.

Китайцы принесли из западного коридора замечательные куски тканей, весьма плотных, с художественным фигурным орнаментом. По-видимому, весь потолок гробницы был задрапирован.

К несчастью, китайцы хотят отказываться работать: прокладка штрека становится весьма затруднительной. Грунт осыпается. Во всяком случае как-нибудь надо изворачиваться. Слишком привлекательна дальнейшая разработка.

Андрюше положительно везет на изюбрей. Сегодня пошел вечером немного пройтись и наткнулся на 3-х в Суцзуктском ключе. Стрелял и следил до темноты, может быть, ранил одного. [96 стр.]

26/III.

Мальчики снимали водораздел Цзурунтэ и Гуджиртэ.

Осматривал гробницу. Оказывается, весь потолок покрыт сплошным ковром. Его фигурный покров положен непосредственно на тщательно отесанные бревна. Поверх того

покрова наложен предохранительный плотный, хорошей работы, войлок. Сверх него - слой спрессовавшегося мха (мелкие сучки, листья брусники и т.д.) от 5 до 6 см.

Очевидно, что вести штрек нельзя. Поэтому послал одного китайца на Дзун Модо за рабочими. Придется пускать параллельный шурф в две смены. Ночью и днем. Завтра трудная задача - засечь яму наиболее выгодно. Заготовили на этот предмет два отвеса и две мерных сажени. [97 стр.] Приезжал А.А. Привез неинтересные газеты и 7 пудов муки.

Отправил Марчука разыскивать Андрюшиного изюбря. Вскоре он действительно нашел небольшую матку, уже мертвую. Живой вес её - 5 пудов. С проезжими в Мандал отправил Вильскому 4 изюбриные шкуры.

Китайцам за работу в штреке следует получить 30 долларов (6 дней). За предварительные работы на "Верхнем" им причитается 32 доллара. Сюда же входит плата Чаун Фо за ящики. Выдано им 4 пачки дунзы. Чаун Фо также нужно заплатить за прогулку в Дзун Модо.

Вечером обдумывал конец "Баллады". Может быть, заключительными [98 стр.] строфами будут следующие: [99 стр.]

27/III.

Целый день работали внизу по Судзуктэ. Провешивали и мерили торный базис для съемки. В стол пересеченной местности, как Ноин-Ула, для съемки интересующей нас площади нужен ломаный, под прямым углом базис, каждая из сторон которого, имела бы не меньше версты. К сожалению эти условия в рельефе Судзуктэ невыполнимы. Пришлось ограничиться небольшим ломаным базисом с наибольшим отрезком в 330 сажен.

С раскопками - осложнения. Китайцы решили содрать как можно больше денег, заметив, с одной стороны, что раскопки представляют интерес, а с другой, - что рабочих найти затруднительно. Я им предложил 250 дол. за разработку па-

раллельным шурфом, [100 стр.] а они потребовали 350! (Сабан - 400!). В результате я предложил Марчуку организовать русскую артель, для чего он и выехал сейчас в Хадакен[54].

От П.К. не имею ничего, послал поэтому ему следующую телеграмму: "Верхнем ткани типа всадников. Разработку продолжаю."

Я несколько утомился. Не количеством работы, а ее беспорядочностью и пестротой. Не удивляюсь, что П.К. сделался к старости раздражительным. С большим усилием можно иногда на четверть часа внутренне изолироваться. И самый сон всегда беспокоен. [101 стр.]

28/III.

Бесполезные дни. Надо работать, а рабочих нет. Проходил сегодня из Урги на Русь русский кожевник с Чиркоя[55]. Приходится возвращаться домой, так как нет 12-ти рублей на монгольский паспорт. И вот кожевник проделывает пешком по горам 600 верст. Направил его к Марчуку. Написал следующее:[56] [105 стр.]

29/III.

Мальчики снимали водораздел Бальджи и Б-Буинка. Уложили все кости, чучела и шкуры. Список предметов в биологическом журнале. Приступил к переводу статей Berkey. Вечером приехал Онуфриев и привез росомаху. Зверь необычайный. Дьявол!

Вечером написал следующее:

Закончил-таки! [108 стр.]

30/III.

Диктовал Котику перевод статьи "The discovery of an unknown Continent". Андрюша перечерчивает таблицы.

В Дзун Модо приехал консул. Завтра его жена собирается к нам. Приходил Иван. Осматривал гробницу. Высказыва-

ется за параллельный шурф. Согласился работать. Получил письмо от Н.М. Абраменковой. Оказывается, Мих.Мих. исполнил мою просьбу. Ел. Алексеевна вышла замуж за Алексея Абруновича. День моления 3/1. Мистерии. Закончил Гаву. [109 стр.]

3 апреля.

31/ III целый день буря и снег. Будучи уверен, что гости не приедут в такую погоду, я с Андрюшей отправился в Дзун Модо, так как по многим причинам хотел повидаться с Васильевым. Против снега и ветра, с обледеневшими лицами, добрались мы наконец до Дзун Модо Но оказалось, что Васильев рано утром выехал в Ургу. Первоначальный план - возвратиться мимо нас был из-за непогоды, конечно, изменен. К сожаленью, Васильев не сказал А.А. когда приедет П.К. Во всяком случае за ним выслан автомобиль. Я из Дзун Модо послал П.К. следующую телеграмму: "Верхнем ткани типа всадников. Прошу телеграфировать Дзун Модо выезд Троицкосавска".

В.А. послал письмо, с просьбой выслать [110 стр.] 300 долларов. Их привезет Зиганшин, который едет в Ургу в субботу через Боротай. Переговорил с рабочими. Иван, Марчук и два из Дадакена придут на днях. Говорил по телефону с полпредом относительно способа передвижения П.К. А.А. и Васильев видели 30/III турпана. Мы с Андрюшей 1/IV [...]. Время прилета обеих птиц весьма близко к прошлогоднему.

Возвратились домой мы на следующий день (1 апреля). Идти было ещё труднее, так как мело целую ночь. Местами приходилось сходить с дороги на косогор. Вскоре после того, как мы вошли в бассейн Тани-юла, заметили на увале, на расстоянии [111 стр.] версты, 4-х пасущихся изюбрей. Долго мы смотрели на них. Было ветрено, и шел снег. Во мгле покоились леса и хребты. А звери тихо бродили. Всё было также и сотни тысяч лет тому назад.

Вечером прочел мальчикам Гаву.

На следующий день пошел за изюбрями. К сожалению, не рассчитав трудностей дороги, вышел слишком поздно. Когда подходил к Таверну, солнце уже взошло. Зверей увидел на том же месте, но ближе к гребню. Каждую минуту они могли уйти в сивер на лежку. Пришлось обходить их по сиверу Таверны. Когда дошел до каменистой вершины, от которой отходил "изюбриный" гребень, я стал решать [112 стр.] вопрос: как идти? Они могли оказаться и по ту, и по другую сторону гребня. Пришлось идти поэтому по самому гребню. Я стал медленно приближаться по глубокому снегу, держа винтовку в руках и внимательно осматривая оба склона. Как вдруг, снежный намет, по которому я шел, внезапно кончился и я увидел скрытых им от меня до этой минуты 4-х изюбрей без рогов, на расстоянии 180 шагов. Звери стояли вплотную, один за другим, левым боком ко мне. Ко мне были повернуты и все головы. Удачная пуля могла бы пронизать их всех. Прятаться было поздно и я, почти на вскидку, выстрелил, тотчас же все звери стремительно бросились от меня в сивер. Я выстрелил ещё несколько раз по бегущим. [113 стр.] Я пошел по следу и через 600 - 700 шагов вдруг увидел краску на следу. Однако, по ходу было видно, что изюбрь лишь слегка задет. Вскоре след, далеко видный на голых увалах, показал мне, что звери ушли в Дзун Модо. Я пошел домой. В табуне было три матки и один самец варгол. Возвратился я первым ключом Баян-гола, предварительно отдохнув у китайцев, что заготовляют доски в вершине Баян-гола. Я долго наблюдал за их споркой работой распиливания бруса на доски. Дорога Баингольским ключом была весьма трудной. Едва доплелся домой. Мальчики вычисляют птицу и делают чертежи из "Natural History". Вася прекрасно сделал волка для полпреда. [115 стр.] Пришли трое рабочих. Кроме того, - Якушевский, которого вместе с Сабан поставлю пилить дрова. Из рабочих двое из Дадакена, и один - тот самый, который за неимением 12 долларов делает 600 верст пешком. Возились с Котиком над метеорологиче-

скими таблицами. Перевод закончили. Теперь надо будет ещё перевести статью Berkey. Обе они хороши, правда с оттенком рекламы, но сжаты и выпуклы. Кажется все домашние работы подвигаются к концу. Чтобы окончить съемку, потребную для археологического отчета, осталось сделать два маршрута. Барометр необычайно высок [116 стр.]

4/IV.

Мальчики снимают Гуджиртэ (лесистую часть). Я возился со статьей Berkey. Вечером диктовал её Котику. Сговорился с Марчуком относительно поставки леса, из расчета: 50 3-х-саженных бревен за 18 долларов.

На кургане до сих пор мерзлота, хотя прошли 2 метра.

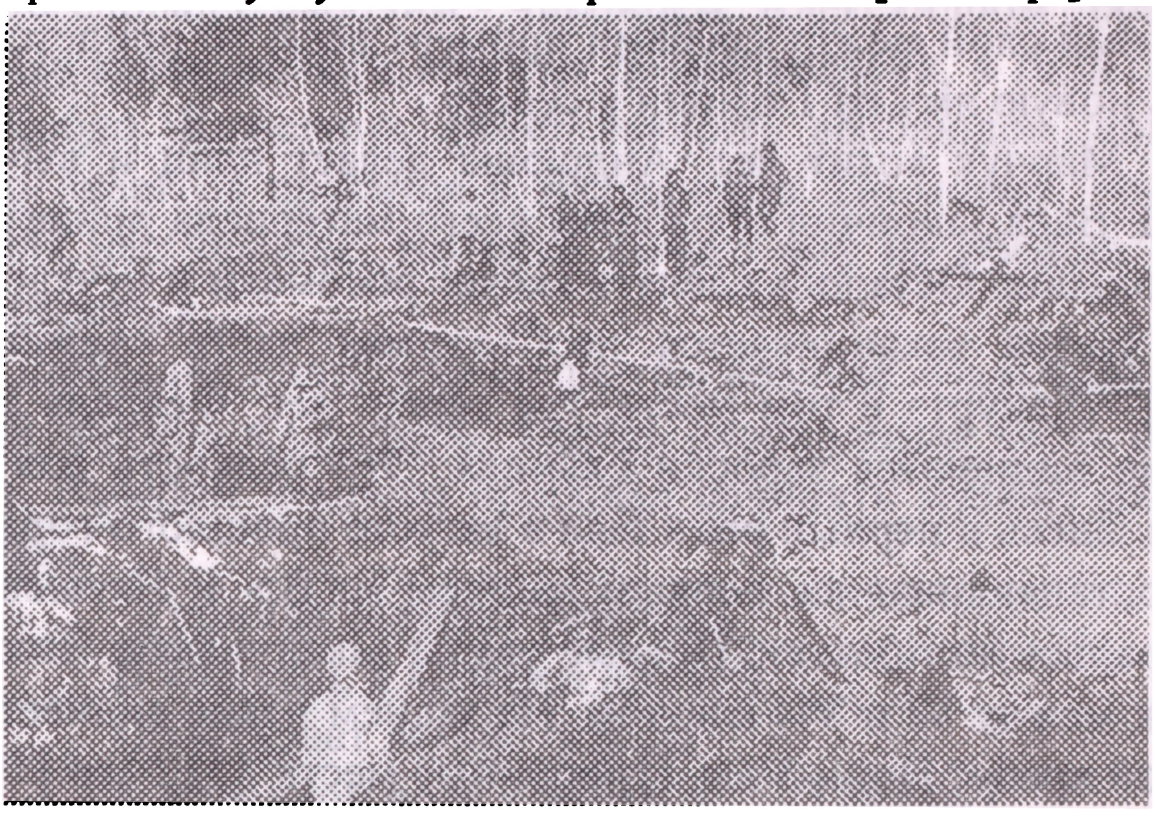
Зимиреву велел расчистить дорогу в наиболее трудных местах, близ перевалов в Бальджу, Баян-гол и Таверн. С удовольствием читаю Сервантеса.[117стр.]

У кургана № 24. Октябрь 1924 года

Высокий человек в рысьей куртке - Юдин. Рядом с ним, отставив левую ногу, стоит Теплоухов. В просвете за ним виднеюсь я. Левее меня - Боровко, а еще левее - А.А. Кузнецов. Всё это - совершенно разные люди. Группа не бог весть

какая приятная. Снимок тоже не из удачных. Налево, лесистые прелести Судзуктэ совсем расплылись. [118 стр.]

Курган №24 в начале разработки.

[119 стр.] На обеих фотографиях на заднем плане стоят унылые персоналии той же группы, кроме Теплоухова, который снимает. По доскам, которые разбросаны повсюду, вывозят песок из ямы.

С этой эпохой у меня связаны довольно неприятные воспоминания. На Судзуктэ была бестолочь. Постоянно приезжали и уезжали гости; работало и просто околачивалось множество рабочих; в доме жили чужие по духу люди. Как всегда хорошо было только в лесу, куда мы и уходили при первой возможности. А эти ненужные разговоры по вечерам. Конечно, было плохо еще и потому, что положение экспедиции еще не определилось.

Моя последующая поездка в Ургу тоже не была особенно радостной. [120 стр.]

5/IV.

Диктовал Котику статью Berkey (по-русски). Завтра закончу. На работах прошли 1,75 сажени. Меня беспокоит не-

прекращающаяся мерзлота в S стороне шурфа, как раз той, которая ближе всех к N стороне прежнего шурфа. Если вертикальный слой между срубами промерз весь, то придется сдвинуть новую яму на 1 аршин к северу.

Марчук возит лес. Андрюша делает птиц и вычисляет птиц. Вася закончил обработку всего материала привезенного из гольцов. Осталось сделать скелет росомахи и чучело глухаря. Завтра заканчивается необходимая часть съемки. [121 стр.][57] Хацуртэ в том месте, где теряет лес. Февраль 1925. В уреме виднеются заросли ельника. Это редкость для Ноин-Улы. Здесь в первый раз я был в августе прошлого года. Здесь же останавливались первым лагерем Ел.Вл. и Якушевский в февральскую поездку. Правые увалы заканчивают массивный кряж между VI и VII ключом. На заднем плане виднеется становой хребет Ноин-Улы. Изюбриные места. [122 стр.]

Вид к северу с водораздела Хазуртэ - Билютэй.
Февраль 1924.

Снимок не из удачных. Не вышла великолепная с этого места долина Хоры. Пункт, с которого сделан снимок, близко от самой Ноин-Улы. Как раз в тот день мы с Андрюшей делали съемку Ноин-Улы. [123 стр.]

6/IV.

Беседовал с рабочим - чикойцем, Александром Ладыженским. Он казак, холост, говорит по-монгольски, 4 года служил близ Кобдо. Кожевник, умеет вьючить верблюдов, конечно, лошадь знает. И просится в экспедицию. По-моему, подходящий для нас человек. Но пока ничего ему не обещал - хочу присмотреться.

Определил широту на открытом воздухе. Мальчики сняли правый гребень и Судзуктэ. Теперь необходимая часть съемки готова. Вечером немного пробовал сочинять музыку на текст Гумилева:

"Уронила девушка перстень
В колодец, в колодец ночной.
Простирает легкие персты
К холодной воде ключевой"... [124 стр.]

7/IV.

Определил ещё раз широту на открытом воздухе.

Большая согласность этих данных говорит за то, что первые определения были ошибочными. Работал над примечаниями к отчету по метеорологии.

Вечером было всеобщее состязание в определениях мелких расстояний. После многократных измерений определились следующие ошибки (в процентах): я – 7,5; Д. – 8,0; С. – 11,5; К. – 10,5. [125 стр.]

9/IV.

Вчера закончил обработку метеорологических записей за год (1/IV 1924 г. - 31/III 1925). Написал пояснительный лист примечаний. Абсолютную высоту Судзуктэ следует принять в 1500 м. Вчера же закончили (мальчики) чертежи к статьям Osborn,a и Berkey. Теперь осталось вычертить съемку и составить список гипсометрических пунктов.

Сегодня, по случаю дня рождения, был в лесу. Весна идет. Свистят рябчики, прилетели дрозды.

Ход работ.

Прокопано 1,85 саженей. Закреплено 1,35 саженей. Состав рабочих на этот раз очень удачен. Ладыженский старается изо всех сил, двое других русских тоже усердны. Думаю, поставить еще ночную смену. [126 стр.] Сегодня день моего рождения. 29 лет. Я прочитал то, что написал год тому назад. И все это повторяю. Трудно установить связь между обогащением внешнего опыта и путем бессознательной духовной жизни. Так же трудно, как связать небо и землю. И в то же время, как тело бродит по горам, а рассудок решает тысячи мелких задач хлопотливой повседневности, в глубине растет печаль, любовь и сострадание к близким по духу. Как в творчестве путь к простоте идет через сложности, так в жизни встречаешь человека, пройдя одиночество. Только эти встречи несут обетования. Они неизгладимы, так как живут своей обособленной жизнью и не блекнут со временем. [127 стр.]

10/IV.

Ход работ.

Все утро был на работах. К вечеру прорыто и закреплено 2,10 саженей. Начала работать ночная смена: Якушевский, Сабан и два новых китайца. Якушевский - leader. Марчук привез всего 65 3-х саженных 5-ти вершковых бревен, за что получил 24 доллара.

День теплый. Первый, со средней температурой выше нуля. Снег садится на глазах.

Сегодня Андрюша закончил съемку, а Котик переписал начисто список гипсометрических пунктов. Таким образом, все намеченное сделано. Вася вчера рано утром ушел на Хару. Вчера же слышал утром тетеревов на отдаленных вершинах. Гусей пока не видно. Подробно читаю[58] [129 стр.] Вокальный антракт. Февраль. Налево - Котик. Направо - А. Симуков. В

середине - я. Поем "Заклинание изюбрей". Большой белый лист на стене - на самом деле - карта Ноин-Улы. В данный момент мы с Андрюшей тянем знаменитую "квинту". Сделать это на протяжении 20 секунд экспозиции - подвиг.

Уголок Котика[59]. Здесь жила Ел.Вл., когда гостила у нас. Гуран, который прикреплен к стене, убит мною в апреле 1924 г, удачным выстрелом. Я его застал вечером на лёжке, причем была видна только его рогатая голова. В нее и пришлось стрелять на 120 шагов. Пуля пробила череп над глазом. Хорошо умереть так неожиданно и мгновенно. [130 стр.]

11/IV

Предоставил мальчикам работать некоторое время самостоятельно. Они решили заняться подробной легендой к съемке Ноин-Улы. Кроме того, чертят поперечные профили долин в створе могильников.

С учреждением ночной смены работа пошла быстрым темпом. Полагаю, что 14-го пятая сажень будет закончена.

Усердно читаю "Across Mongolian plains".

Вечером пели, что теперь редко случается. Выучили столь знакомое Пулковское "За ваше мы здоровье пьем"... [131 стр.]

12/IV.

Зимирев принес слухи о том, что 10/IV через Боротай проследовал П.К. Подробности неизвестны. Беспокоит отсутствие Ивана. Для выяснения вопроса послал Андрюшу в Дзун Модо. Приехал Зиганшин. Вероятно, Андрюша принесет интересные новости.

Ход работ.

Обвалилась немного W стена (незакрепленное место внизу), что задержало работу. Всего прорыто и закреплено 3.28 саженей. В дневную смену взял еще Зимирева.

Определял широту. Котик видел 1 стаю гусей.

Штудировал [...] [132 стр.]

13/IV.

Андрюша вернулся из Дзун Модо с запоздавшей телефонограммой от П.К. Он 9-го выехал из Троицкосавска. В Боротай передал, что скоро приедет на Судзуктэ. В.А. прислал через Зиганшина деньги, вещи и письмо мне от М.Ф. Белопольской (!). Письмо просто трогательное. К нему приложены следующие вырезки:

№1 "П.К. Козлов о "Мокром кургане".

Вчера, в зале Певческой капеллы, состоялась устроенная секцией научных работников Губпроса лекция П.К. Козлова о его последней экспедиции в Монголию. Знаменитый путешественник в своей лекции коснулся, между прочим, новых раскопок в "Мокром кургане", о которых у нас вчера сообщалось. "Мокрый курган" предположено было разработать еще в апреле 1924 года, но это не удавалось сделать из-за воды, наполняющей курган. Попытки откачать воду 3-мя машинами-насосами не имели успеха. Курган представлял из себя недоступный колодец. Только в феврале, когда грунтовые воды почти прекратили движение, явилась возможность спуститься во внутреннее погребальное помещение и приступить к разработке.

"Мокрый курган" представляет большую ценность для экспедиции именно в виду своей недоступности. Грабители, хозяйничавшие в соседних курганах, сюда, видимо, не проникли, на что указывают обнаруженные здесь нефритовые изделия, - то, чего не удавалось найти в других погребальных помещениях.

Обнаруженный во время раскопок ковер с мелкими изображениями пятнистого оленя, рыси и лося прольет новый свет на ту эпоху, которую от нас отделяют свыше 2 тыс. лет. Животные: рысь и лось - всегда были известны в Сев. Монголии вообще, и в горах Ноин-Ула, в частности. Что же касается

пятнистого оленя, то он обитает только в окрестностях Владивостока и на острове Аскольде."

№2 "Новые успехи экспедиции Козлова".

Вчера П.К. Козловым получена от своего заместителя в Урге, старшего помощника начальника монгольской экспедиции, Кондратьева, следующая телеграмма: "По вашему указанию, наконец мог приступить **к разработке "Мокрого кургана". Грунтовые воды в феврале почти прекратили движение. Очищено внутреннее погребальное помещение. Добыто много нефритовых изделий, всевозможных тканей, оригинальные предметы, большой ковер.** В орнаменте ковра - иероглифы и мелкие изображения грифона, рыси, пятнистого оленя. Разработку продолжаю. Сердечно приветствуем вас с новым успехом".

В первой вырезке почти все не соответствует действительности. Во второй - текст моей телеграммы дополнен и переиначен Петром Кузмичем. См. текст моей телеграммы на стр. 53. К нему были добавлены еще следующие слова: "... в орнаменте пятнистый олень, грифон, рысь. Разработку продолжаю".

Интерпретация П.К-а. характерна для него.

В.А. пишет, что пришло письмо от Ел.Вл. Я очень рад. Значит она благополучно добралась.

Иван приедет, по-видимому, только на следующей неделе. Поэтому шестую сажень придется очищать после Пасхи.

Прилетели коршуны. [134 стр.]

14/IV.

Сегодня мы устроили генеральную стрельбу в цель, которая показала только, что погрешности наших винтовок больше погрешностей наших индивидуальных ошибок.

Вечером неожиданная радость. Приехал С.Ан. с Колей Пржевальским. С С.Ан. мы тотчас же перешли на "ты". Конечно, долго не спали в разговорах о Пулкове. Как все прекрасно

устраивается. Получил длинное письмо от П.К. Ответил ему на 8 страницах.

Ночная смена прекратила работы. Идет крупный камень с конца 4.05 сажени. Сруб немного оседает. Поставили распоры.

Получил письмо от МИКа. [135 стр.]

15/IV.

Приезжал А.А. Были с ним и Сережей (вместо С.Ан. ранее - И.К.) на кургане. Там все идет хорошо, но несколько медленно из-за крупного камня. Прорыто и закреплено 4.02 сажени. Китайцы носят сухой 4-х вершковый лес для пирамидальной части сруба.

Вечером разучивали вчетвером "Ноченьку". Сережа очень музыкален. Пели ему мои вещи, которые, несмотря на скверное исполнение, по-видимому произвели на него большое впечатление.

На вопрос П.К. относительно дальнейшего участия Павлова в работах экспедиции, я высказался в том смысле, что судить о важности его исследований не могу, но, что как товарищ и член экспедиционной сети он мне несимпатичен. [136 стр.]

18/IV.

16-го и 17-го показывал Сереже наши владения. 16-го посетили Судзуктинский тетеревиный ток. Я пару убил. 17-го были на Цзурумтинском току, откуда пошли на Тогот, захватив по дороге капкан. Видели коз, тетеревов и тетерок. Во время обеих прогулок, Сережа подробно рассказал мне обо всем том, что передал ему Лев Михайлович. Это значительно и требует размышлений. Вчера вечером начал высказываться и я.

Вот уже несколько дней, как мы закончили все наши работы. Ходим охотиться. Мальчики натаскивают Колю, а я ввожу в наши занятия Сережу. Сегодня он учился определять широту солнечным кольцом. [137 стр.]

Работы на раскопках приостановились на праздники. Прорыто и закреплено 4,65 сажени. Сложены 3 нижние венца пирамидальной части сруба. Заготовлен материал для остальной части. Читал Сереже "Гаву". Причем долго беседовали по поводу моего тезиса: "Важны средства, а не цель".

"Он, кажется, позабыл обо мне, как о живом человеке" - так сказала она.

Так вот. Охотимся, отдыхаем и ждем П.К. Завтра вся компания, кроме меня, отправится на Дзун Модо. Ладыженский принес кулич, яйца и окорок от Кузнецовых.

Кончил Andrews'a[60]. Занимательная книжка, но слишком популярная, и не свободная, при том, от ошибок. [138 стр.]

20/IV.

Пасху мы встретили очень уютно. Пели и мальчики пили. Вместо скатерти накрыли стол моим спальным мешком, сшитым Ел.Вл. Из Дзун Модо нам прислали кулич и крашенные яйца. Кроме того, кабаний окорок.

19-го все, кроме меня, пошли в гости к А.А. Таким образом, первый день праздника я проводил в приятном одиночестве. Читал и думал.

Труден путь человечества от радостей тела и игры ума к духовной жизни. И этот путь каждый индивидуум повторяет в своем безграничном микрокосмосе. Новая жизнь рождается, как ребенок, в страданиях. [139 стр.]

Дополнил список результатами Канаевской экскурсии в Сугунур. Вечером читали Шопенгауэра[61], и немного дискуссировали. Читал между прочим "Дополнения к учению о страданиях мира". Я люблю глубоко религиозный дух философии Шопенгауэра. Что значат сарказм и желчь в сравнении с его неистовыми страданиями! Метафизическое объяснение виновности, а значит и горя, мира - грехопадением - вот философема, просторней которой не знает философия этики.

Потом до полночи беседовали мы с Сережей. Говорили о планах Льва Михайловича. Я продолжал развивать свою идеологию. Относительно практической работы, мое мнение таково: не надо искать особых условий, они всегда налицо. [140 стр.]

21/IV.

Видел стаю журавлей, которая долго растерянно кружилась над Судзуктэ и потом скрылась.

Во время вечерней экскурсии Андрюша с Колей видели стадо кабанов (8 голов) в пятой пади Судзуктэ. Звери кормились близ гребня. Мальчики стреляли, но безуспешно.

Читал Проута "Прикладную физику"[62], которую мне прислал папа ошибочно вместо "Музыкальной формы".

"Хорошо весной в Халхаских горах.
Зверь идет на увал.
Солнце срывает белый покров
С темного тела скал". [141 стр.]

29/IV.

22-ое число прошло тихо и мирно. Но уже к вечеру 23-го произошли решительные изменения во внутренней жизни экспедиции. Перехожу к последовательному изложению событий.

23/IV приехал А.А., и мы втроем (с С.Ан) пошли на курган. На обед мы с Сережей вернулись домой, а А.А. остался на работах. Захватив свечку, мы вновь отправились на курган во 2 часу. Мы шли уже по тропинке, сворачивающей с главной дороги, как вдруг услышали голос А.А., окликавшего нас снизу. Тотчас все мы увидели его, стоящего у автомобиля и разговаривающего с П.К. Мы подошли. П.К. встретил нас, в особенности меня, весьма недружелюбно, и сразу набросился на нас за то, что он не получил от нас письма, что я не получал вовремя телеграммы, что не прислал Канаева и т.д. и т. д. Затем он взял С.Ан. и пошел с ним медленно [132 стр.] в гору, а я

пошел за рабочими, для того чтобы они помогли автомобилю выбраться на гору. Как мне потом сказал Сережа, по дороге домой П.К. все время расспрашивал его о подробностях моей семейной жизни.

Как только я вернулся домой, П.К. сейчас же потребовал от нас всех, чтобы мы отдали ему все имеющиеся у нас фотографии, плохо объяснив это тем, что "они нужны ему для различных журналов". Только потом я понял, что он искал снимки Ел.Вл., сделанные на Судзуктэ в феврале. Когда этот осмотр кончился, и несколько незначительных фотографий было отобрано, П.К. немедленно попросил меня показать ему находки. Мельком просмотрев вышивки из "Верхнего" кургана, он перешел к находкам из "Мокрого" кургана и накинулся на меня за то, что ящики сделаны [143 стр.] недостаточно длинными и слишком широкими. Я стал ему возражать. Он тотчас же пришел в сильнейшее возбуждение и прошипел мне угрожающим тоном: "Мне еще надо поговорить с Вами по одному вопросу! Вот выйдем вместе потом туда!", и показал пальцем на дверь. Затем полушепотом добавил: "И это еще называется близкий человек! Мерзавец!" В это время пришли мальчики. Я тотчас же попросил их удалиться и потребовал у П.К. объяснений. В сбивчивых и скользких фразах он стал говорить мне о МИКе, Павлове, письмах Ел.Вл. МИКу, пребывании Ел.Вл. на Судзуктэ и пр. Я через минуту понял в чем дело. От негодования и гнева у меня вскочила опухоль в горле. Не давая мне прервать его, он предложил мне ехать в Москву с коллекциями, а затем в самостоятельный [144 стр.] разъезд для определения астрономических пунктов в Северной Монголии. Когда он кончил, начал говорить я. Боюсь, что не совсем спокойно. Я сказал, что только теперь узнал его по-настоящему, во всей подлости его души, что он низкий и негодный человек, что я глубоко презираю его, и тотчас же уеду из экспедиции, постараюсь как можно быстрее забыть о нем. П.К. растерялся и сказал, что он надеется на то, что я прежде закончу необходимые работы, что в

этом "мой долг". На это я ответил в том смысле, что наш долг - быть нравственно чистыми, а не собирать тряпки и насекомых.

Вслед за этим, под прозрачным предлогом: "не перевраны ли телеграммы", он попросил меня показать ему письма Ел.Вл, что я [145 стр.] с отвращением сделал, дабы не причинять лишних неприятностей ей.

Затем я стал сдавать ему все отчеты и материалы, заявив, что я немедленно уезжаю. Причем, напоследок, дал ему совет держать себя с мальчиками приличнее, так как в экспедиции все против него в большей или меньшей степени ожесточены. Он вдруг грустно сказал: "Спасибо за совет. Я это знаю". Вслед за тем я сказал ему, что обо всем происшедшем я немедленно поставлю в известность С.Ан., причем, если угодно П.К. то в его присутствии. П.К. вскрикнул: "Ну уж вот это свинство!" Я ответил: "Теперь мне совершенно безразличны Ваши характеристики моих поступков. Я это сделаю, так как считаю, что достаточно одному человеку [146 стр.] поплатиться за 2-х летнюю ошибку". В таком стиле мы разговаривали несколько часов. Затем, как-то вдруг, П.К. ослабел и попросил довести его до постели. Если это был фарс, то, во всяком случае, талантливо разыгранный. Я отвел его до постели, принес одеяло, подушку и уложил старика. Он стал раскаиваться и просить, просто умолять, прощения у меня. Говорил, что только теперь он понял, как я ему дорог, что он – безумец, что ему нельзя больше путешествовать, что ревность – это страшная болезнь, и что он не в силах думать о том, что экспедиция так внезапно развалится. Он лежал измученный, осунувшийся и, как это ни странно, но мне стало его жалко. Затем он просто вымолил у меня рукопожатие и [147 стр.] поцелуй. Во время этой последней стадии разговора он посвятил меня в ужасные подробности экспедиций Пржевальского.

Я ушел от него в мучительном недоумении: хитрит ли он, чтобы исправить скверное положение, или же раскаивается искренне.

Как только я пришел в свою комнату, меня вызвал Сережа, который невольно услышал несколько фраз П.К. в начале нашей "беседы". Фразы эти привели его в ужас. Он спросил меня, может ли случиться, что я уйду из экспедиции? Я ответил: "Может". Он сказал: "В тот день, когда уйдешь ты, уйду и я". После этого я пошел спать. Чувствовал себя совсем разбитым. Почему-то сильно болело горло. [148 стр.] На следующее утро, 24/IV, мы с Сережей пошли на работы. По дороге я рассказал ему подробно о нашем разговоре с П.К. Я изложил лишь фактическую сторону дела, а выводы предоставил делать ему самому.

После обеда мы пошли с ним далеко в лес и степь вниз по Судзуктэ. Во время этой прогулки и выяснились пути нашего дальнейшего поведения. Он согласился с некоторой затруднительностью оценки поведения П.К. (вспышка безумия или планомерное поведение?) И поэтому сочувственно отнесся к моему проекту: предоставить в положении права решающего голоса Ел.Вл. Вместе с тем решили, что если мы даже и останемся в экспедиции, то будем [149 стр.] работать независимо от П.К.

На следующее утро я написал Ел.Вл. следующее письмо.

"Дорогая Елизавета Владимировна!

23/IV, Петр Кузьмич, сейчас же после своего приезда на Судзуктэ, в форме, более чем неприятной, высказал мне свои скверные подозрения относительно наших с Вами взаимоотношений, наметив вместе с тем план, изолирующий мою работу от работы всей экспедиции.

После этого я изложил ему все, что имел сказать, по поводу его душевного строя, отказался от всякого участия в дальнейших работах экспедиции, которые стали мне противными. Всякие соображения о так называемом "долге" здесь неуместны, так как, конечно, наш главный долг - быть по [150 стр.] возможности чистыми сердцем, а не собирать куски древних тряпок, птиц и т.п. Я всегда смотрел на экспедицию прež-

де всего, как на условия нравственного воспитания, а не как на процесс обогащения случайными находками.

Под весьма недвусмысленным предлогом П.К. просил меня показать ему Ваши письма, что я с отвращением сделал, только для того, чтобы не создавать лишних неприятностей Вам. Для этого же прошу Вас показать П.К. все мои письма. Причины его подозрений для меня, конечно, совершенно не интересны.

Вслед за этим П.К. как-то весь осунулся и ослабел и стал просить у меня прощения [151 стр.] за все сказанное. Как это ни странно, но мне стало его очень жалко. И я начал колебаться. Не слишком ли жестокую кару понесет П.К. за свое безумие?

С.Ан. слышал невольно из соседней комнаты несколько фраз П.К., которые привели его в ужас. Он вызвал меня к себе и спросил, останусь ли я в экспедиции? Я ответил: "Может быть, нет". Он сказал: "В тот день, когда ты уйдешь, уйду и я".

Впрочем, если бы С.Ан. и не слышал ничего, то я все равно рассказал бы ему обо всем происшедшем. Так как считаю, что совершенно достаточно и одному человеку поплатиться за 2-х летнюю ошибку. Я предлагал П.К. сделать это в его присутствии.

Мальчикам я ничего не скажу. Считаю, что им слишком рано знать о подобных гадостях. [152 стр.] Но оба они сильно стосковались по дому. И думаю, что я не отклонюсь от истины, если скажу, что решимость идти дальше поддерживалась только мною. Вот по всем этим причинам, я полагаю, что мой уход из экспедиции может вызвать её развал. И вот я медлю и думаю.

К сожалению, после всего того, что я услышал от П.К., я потерял к нему всякое доверие. И поэтому не знаю, искренне ли его раскаяние, или же просто он понял, что слишком далеко зашел и хочет избежать неприятных осложнений. Я не знаю.

П.К. слишком труден и сложен для меня. Вы знаете его лучше, чем мы все, взятые вместе.

Если происшедшее было вспышкой, безумием, [153 стр.] то я готов простить его в своей душе, ибо я сам не знаю, что значит ревность. Тогда я останусь работать в экспедиции, но, по возможности, независимо. Если же все это явилось следствием постоянного подозрения и недоверия ко мне, то я, несмотря ни на какие последствия, должен и хочу тотчас же во всем порвать с экспедицией, и постараться как можно скорее забыть о П.К.

При моем недостаточном знании П.К. и то, и другое решение может быть серьезной ошибкой. Поэтому я и обращаюсь к Вам, чтобы Вы, как всегда, чистосердечно, ответили мне на следующий вопрос: "Простили бы Вы П.Кузмича, будучи на моем месте?" Я тем более имею право задать Вам такой вопрос, ибо все высказанное П.К. [154 стр.] касается в одинаковой степени и Вас.

В ожидании Вашего личного или письменного ответа, я буду продолжать текущую работу, которая стала для меня совершенно неинтересной. Прошу Вас ответить возможно скорее.

С. Кондратьев."

В дальнейшем события разворачивались следующим образом. Едва я успел написать начерно вышеприведенное письмо, как из Дзун Модо приехал Зиганшин с 2-мя заседланными лошадьми. П.К. стал упрашивать меня поехать вместе с ним. Я отговаривался, мотивируя тем, что мне совершенно не до гостей, но он продолжал уговаривать меня, так, что в конце концов я поехал. Очевидно, это был [155 стр.] просто маневр, разъединяющий нас с Сережей. По первоначальному плану П.К. должен был уехать в понедельник. Ехали мы молча, каждый занятый своими мыслями. День в гостях прошел томительно. Ели, слушали цыганские романсы в граммофоне и безудержно хвастливую речь подвыпившего П.К. Удивительно,

как я раньше не замечал всей пошлости этого хвастовства! Как его подсаживали в автомобиль, с каким почтением к нему отнеслись в ГПУ, как за ним ухаживали в поезде и т.д. и т.д. Невольно вспомнилось о том, что Шопенгауэр писал о спеси и старости. В конце концов стал рассказывать Кузнецовым о МИКе, а затем делать мне выговор за то, что я не получил вовремя телеграммы. Мне было противно и я молчал. Вечером я рано пошел спать, а они ещё [156 стр.] долго забавлялись граммофоном.

Рано утром 26/IV мы выехали в обратный путь. В конце Таверна и по Баян-голу П.К. гнал лошадь неистовым карьером, как будто желал выместить на ней что-то. Мне будет памятна эта бешенная скачка. Уже в самом конце дороги П.К. сказал мне следующее: "Я бы очень хотел, чтобы Ел.Вл. не знала ничего о происшедшем". На это я ему ответил, что как раз я буду просить его передать письмо Ел.Вл., и что мы с С.Ан. будем ждать ответа на это письмо. Это вызвало ряд бессмысленных упреков и сетований по поводу участия в экспедиции Сережи. Затем он вдруг добавил, что уезжает тотчас же. Очевидно, этим своим решением [157 стр.] он хотел застать меня врасплох. Лишь только мы приехали домой, он начал спешно собираться. Я сел писать краткий конспект о работах на "Верхнем". Закончив его, стал переписывать письмо Ел.Вл.

В это время П.К. разговаривал с Сережей, как мне передал потом последний, который высказал ему все то, что и хотел сказать. В высшей степени раздраженный П.К. заявил ему: "Ну, в таком случае надо экспедицию кончать!". Но затем опять изменил курс и предложил Сереже, чтобы мы подумали об идее нашего самостоятельного совместного разъезда. Затем, уже одетый, он стал ожидать окончания моего письма. Когда я поставил точку и дал ему прочитать [158 стр.] написанное, он пробежал глазами несколько строчек, стал нервно дергать бумагу и, наконец, скомкав письмо, сунул его в карман. После этого, попросил меня дать ему поскорее все нужные бумаги, и

пошел усаживаться в автомобиль. Через несколько минут автомобиль скрылся, увозя П.К., Васю Канаева, ящики с коллекциями, изюбриный череп ветвисторогий и пр. и пр.

И опять с неба неслышно пролилась тишина, как будто ничего не изменилось, ничего не произошло. На самом же деле в тот самый момент, когда "экспедиция РГО под начальством П.К. Козлова" достигла, как казалось, своего наивысшего благополучия и расцвета, она треснула сверху донизу, раскрыв гнилую сердцевину. [159 стр.]

Бросая теперь на все происшедшее ретроспективный философский взгляд, вижу я во всем происшедшем не несчастный случай, а закономерное следствие многих причин. У экспедиции были только традиции, но не было идеи. Ведь нельзя же назвать идеей стремление Козлова елико возможно расширить свою популярность и удовлетворить свое тщеславие. А это было именно так. Вот почему все стремления сводятся к тому, чтобы добыть находки, интересные с точки зрения случайной научной моды. Вот почему самостоятельные исследования сотрудников допускались с неохотой. Вот почему в газетах появлялись столь нелепые статьи о работах экспедиции. Теперь многие мелочи и особенности в поведении Козлова стали понятными и объяснимыми для меня. И поступки, которые раньше представлялись мне аномальными уклонениями, внезапно осмыслились в новой перспективе его характера, в каковом доминируют нравственная [160 стр.] распущенность, и тщеславие сочетались с деспотизмом и раздражительностью. Если два последние качества можно извинить тяжелой школой путешествий, влиянием Пржевальского и старости, то первые два неизвинимы для человека, который берется руководить юношеством. Священное слово "учитель" звучит смешно в сочетании с именем Козлова. И странный парадокс в том, что если мы примем от него его наиболее ценное качество - благоговение к учителю - то мы этим самым совершим слепое пре-

ступление по отношению к самим себе, так как вместо идеала поставим себе идола, гнилого внутри.

Отвратительные обвинения, высказанные им, не столько оскорбили меня, так как ведь я не сделался ни [161 стр.] хуже, ни лучше, сколько ужаснули меня той низостью, носителю которой я был предан в течение 2-х лет. Я, как бы мгновенно понял свою ошибку и долгие месяцы корыстного отношения ко мне, корыстного, ибо оно покоилось исключительно на той пользе, которую я приносил. Я понял также, что какого-нибудь неокрепшего духом юношу подобное разоблачение могло бы сломить, или нравственно изуродовать, навсегда сделав мизантропом. И только благодаря тому, что я уже силен духом, происшедший инцидент вызвал во мне с одной стороны лишь отвращение, а с другой - радостное предчувствие грядущей свободы. И теперь все мое существо стремится отряхнуть с себя экспедиционную пыль. [162 стр.]

27-го устраивали совместный поход на тетеревов. Застали их высоко на Судзуктэ, в том месте, где они ночевали в феврале. Разогнав этот ток, спустились на основной. В общем убили 8!! Я - 4, Котик - 2, С.А. и Коля - по одному.

28-го приводил в порядок свои бумаги. Андрюша и Сережа козовали близ поворота Бальджи, в Гуджиртэ. Сережа убил свою первую козу. Пришлось ему таким образом быстро познакомиться с удовольствием тащить 7 верст козу. Хотя несли они её поочередно, но тем не менее измотались основательно.

Ход работ.

Углубление подвигается чрезвычайно медленно из-за бревен, которые все время обнаруживаются в яме. 27-го вынули 3 бревна, лежавшие в NS направлении на расстоянии друг от друга 20 - 40 см. 28-го 3 бревна в OW направлении, на таком же взаимном [163 стр.] расстоянии. Сегодня 6(!) бревен опять в NS направлении. Бревна от 18 до 30 см. в диаметре. Так как сруб приходится расширять, то перерубать бревна нельзя, и

приходится вытаскивать их целиком. Бревна лишены коры и, может быть, части луба. Их колодцеобразное сложение и обилие угля в грунте, как будто, свидетельствуют о погребальном костре. Вспоминаются еще остатки сбруи.

28-го послал П.К. с оказией следующее письмо. (Сегодня, к сожалению, оно вернулось, т.к. китаец, взявший его, почему-то не пошел в Ургу).

"Петр Кузьмич!

Досылаю Вам программу Павлова, которую я позабыл передать при той спешке, с какой Вы уезжали. Кроме того, по Вашей просьбе, напоминаю Вам о "Баллодовской" печати у Бадмажапова. Работа на кургане подвигается, но [164 стр.] медленно. В грунте стали обнаруживаться длинные толстые бревна, удаление которых сильно задерживает темп углубления. Положение и размеры бревен регистрируются. Начали опускать пирамидальную часть сруба.

Теперь о личных делах. Вы напрасно скомкали мое письмо к Ел.Вл. Независимо от того, останусь я в экспедиции или нет, Ел.Вл. узнает обо всем. Вы имели смелость несправедливо оскорбить и меня и её, имейте же мужество нести все последствия. Как оказалось, я недостаточно узнал Вас за 2 года, но, по-видимому, и Вы не вполне разобрались во мне. Иначе Вы были бы осторожней. С С.Ан. мы больше не разговариваем [165 стр.] об этом инциденте, так как уже пришли к определенному решению. Теперь я жду ответа Ел.Вл. В Ваших интересах ускорить его.

С. Кондратьев."

30/IV.

Приехал В.А. за урной и привез прилагаемое письмо от П.К.

"Дорогие Сергей Александрович
и Сергей Анатольевич!

Вы молодые, сильные, крепкие, Вы можете все сделать. Сделайте же такое чудо, что бы все то, что произошло 23/IV в

Судзуктэ, казалось только кошмарным сном, а не ужасной действительностью. Об этом я Вас прошу всей силою моего внутреннего Я.

Если Вы это сделаете, если вернете мне мой прежний крепкий дух и восхищение природой Азии, я улыбнусь Вам всей моей обновленной душой. Не закрывайте же заветной двери в Ц. Азию тому, кто её открыл обоим Вам!

Наш общий светлый друг Елизавета Владимировна не должна омрачиться знанием прошлой ужасной действительности. Её надо беречь, т.к. она чистая-чистая, и никогда не знала нехорошего. В немногих словах я сказал все - очень многое, продуманное глубоко, после ряда мучительных бессонных ночей.

Спасибо Вам обоим, в особенности Сергею Александровичу, за прекрасные живые письма Ваши, полученные мной, в день возвращения из Судзуктэ. Глубоко скорблю, что они не попали мне в руки вовремя!

Примерно через неделю, постараюсь навестить Вас в нашем любимом, родном Судзуктэ.

Ваши прежние ласковые лица, добродушные улыбки при прежних встречах встретят ли меня теперь вновь при первом предстоящем свидании? Если да, то Ваш старший товарищ никогда-никогда не забудет доверие и награды Вашей!

Крепко обнимаю и целую Вас, Всегда Ваш П. Козлов.

P.S. Особых известий нет. Ел.Вл. сидит в Харбине. Её отъезд связан с отъездом Дудукалова. До моего отъезда к Вам она едва ли вернется. Не сердитесь при виде Ваших писем. Нашим милым мальчикам мой сердечный привет".

Поговорил с Сережей и мальчиками, с последними о том, смогут ли они идти с П.К., если мы с Сережей уедем в самостоятельный разъезд. Отвечаю на письмо следующим образом:

"Мы получили Ваше письмо, Петр Кузьмич, и вот что отвечу я. Прочитав Ваши слова, я вижу, несмотря на все происшедшее, мне представляется слишком жестоким омрачить [166 стр.] закат Вашей исследовательской деятельности. Хотя не скрою, что мне тяжело оставаться в экспедиции. Я не мальчик. Я многое принес в жертву, поступая в экспедицию. Я работал добросовестно, но не ставлю себе это в заслугу, так как считаю это справедливой платой за проникновение в сердце Азии. Но я оставил близких мне людей, приостановил развитие моего композиторского дарования, ни для того, чтобы после 2-х лет напряженной работы **для Вас**, получить в ответ столько же чудовищное, сколько и беспочвенное оскорбление. Подумайте об этом как следует и поймите, насколько трудно постараться [167 стр.] забыть об этом, а тем более "ласково улыбнуться" Вам. Я не хочу быть фальшивым. Мне ещё долго будет тяжело видеться с Вами.

Конечно, я знаю, что от всего сказанного Вами мне, я не стал ни хуже, ни лучше. Но доверие и признательность к Вам пошатнулись в основании. Трудно перенести такое внезапное разочарование в человеке. Тем более, когда связан с ним всей деятельностью. Вы, вероятно, сами чувствуете, что в дальнейшем ходе экспедиции нам нельзя будет работать вместе. След пережитого слишком болезнен. И потому, хотя бы слабое подобие происшедшего приведет к непоправимым осложнениям. И потому в Вашем присутствии и я, и С.Ан. все время [168 стр.] будем находиться в состоянии хронического беспокойства. И какая же при этом работа!

Таким образом, единственный, по нашему мнению, сохраняющий экспедицию выход, это предоставить нам независимый совместный разъезд по выработанному Вами плану. Но прежде чем пойти на это, подумайте пожалуйста как следует. И поймите, что мы не форсируем положение, а только стремимся склеить разбитое. И мы предупреждаем Вас заранее, что инцидент, хоть в малой степени подобный бывшему, с кем бы из

нас он у Вас не произошел, немедленно повлечет за собой наш уход.

Что касается плана, района и времени нашего разъезда, то мы, конечно, подчинимся [169 стр.] Вам по всем пунктам. Монголия нам неизвестна, и я полагаю, что любую задачу мы постараемся выполнить, как можно лучше.

Я употреблю все мое влияние на мальчиков, чтобы они достойным образом провели путешествие с Вами, и чтобы оберегали Вас от разных мелочей, что всегда старался делать и я, хотя Вы, может быть, и не замечали этого. С своей стороны и Вы, Петр Кузьмич, не задергивайте их, не кричите на них из-за всякой их оплошности. Относитесь к ним мягче, и они воздадут Вам сторицей. Вы сами знаете, что это хороший материал, из которого можно вылепить, что угодно. На них, как на породистых лошадей, ласка и спокойная строгость действуют лучше, чем хлыст. Ведь в Ваших же собственных намерениях [170 стр.] расстаться после экспедиции с учениками, а не с враждебно настроенными к Вам людьми.

На этом я пока и закончу. В Ваш ближайший приезд постараемся спокойно обсудить будущее и решить окончательно все вопросы.

С. Кондратьев."

2/V.

Вчера был день чреватый событиями. Утром приехали на автомобиле из Дзун Модо Жамцарано, Кузнецов, Даян-Дамба и еще один бурят. Ходили вместе на работы и осматривали курганы. Показывал Жамцарано погребальное помещение верхнего кургана. По дороге домой я изложил ему план работы, проектируемой мной инициативной группы по созданию монгольского Национального музея. Он отнесся к этому проекту весьма [171 стр.] сочувственно. Вскоре после того, как гости уехали, прибежал с работ Ладыженский со словами: "Якушевский упал в шурф". Как впоследствии было установлено, накат в том месте, где был сращен, расплелся, и несчаст-

ный свалился с высоты около 2-х сажен, ударившись при падении еще о деревянный выступ сруба. Сейчас же мальчики с импровизированными носилками были командированы вниз. К этому времени Якушевского уже вытащили. Поддерживаемый, он сам имел силы дойти до дому. Осмотрев его, мы нашли перелом левой плечевой кости и сильный ушиб верхней части левого бока и спины. Общими усилиями поставили ему на плечо спиртовой компресс и забинтовали руку, закрепив повязку полосами подошвенной кожи и деревянными дощечками. Сейчас же я командировал [172 стр.] Котика в Дзун Модо за лошадьми и повозкой, а также за верховой лошадью для гонца в Ургу. Вернувшись, Котик стал просить меня отпустить в Ургу его, на что я, после короткого колебания, согласился. Задача - найти автомобиль в Урге и снарядить его в Мандал. На тот случай, если в течении 2/V нельзя будет командировать автомобиль - заранее заказать в Мандале пару лошадей.

Вечером приехал к нам на лошади Сосновский, и сегодня утром вся процессия, носившая поистине символический вид, выступила в Мандал. Впереди телега с огромным ящиком, заключающим урну, сзади телега с привязанным к ней Якушевским. Беднягу жаль. Вот кому не везет в жизни. Сегодня же отправил Зимирева [173 стр.] с пособием для семьи Якушевского и за мукой. Вечером имел с Андрюшей и С. Ан. разговор на "серьезные" темы.

Привел в порядок суточные метеорологические наблюдения. Все это впрочем не важно. Существенно же то, что мне надо уйти из экспедиции. Я предчувствую, что мне придется раскаиваться в своей уступчивости.

3/V

Вчера поздно вечером вернулся Сосновский. Якушевский благополучно доставлен в Мандал.

Над нами все время проходят частичные циклоны и депрессии. Барометр все время подвижен, но низок. Холодно.

Почти все время пасмурно. Временами снег. И порывистый ветер. Последние дни все читал Ибсена. Его жизнь, статьи о нем, потом античную двулогию. Опять все та же проблема: быть или творить. С одной стороны - благополучный бюргер, тщеславный, самолюбивый, несколько жадный до денег, раб этикета, с другой - пророк свободы, с пламенным сердцем, обширным умом и специфическим талантом драматурга. И все пламя ушло в творчество. А призрачное бытие подчинилось рутине. Светильник, который стоит в пыли и горит ночью, и затмевает звезды. Заслуга Ибсена в том, что он с силой первоклассного художника символизировал наиболее жесткие проблемы, и никогда не ставил точек. А ведь это последнее и отличает художника от проповедника. Потому читателю позволяется идти за [175 стр.] автором так далеко, как позволят его, читателя, духовные силы. В этом же главные условия всякого действенного живого влияния.

Когда читаешь Ибсена, то кажется, что образы, созданные им, путем глубокой интуиции и длительного анализа, начинают вскоре жить своей собственной жизнью, независимой от поползновений художника, который лишь выделяет моменты, характерные для линии их духовной жизни.

Ибсен впервые захватил меня в пятнадцатилетнем возрасте, сначала "Брандом", потом "Пер Гюнтом". Затем я охладел к нему, быть может, под влиянием Гамсуна. Символика Ибсена стала представляться мне напыщенной, пафос во многих местах надуманным. Теперь я могу понять Ибсена шире. Но нет уже той юношеской впечатлительности, [176 стр.] которая заставляла меня плакать над "Брандом". Насколько я помню, меня познакомил с Ибсеном Сережа Шимановский.

Фрагмент.

Тело мое земля.
Кровь моя вода.
Истоптанным полям
Тело и кровь отдам.

А что сияло во мне
Отблеском звезды,
Когда я стану нем,
Канет в небо как дым. [177 стр.]

5/V.

Прилетели удоды. Безрезультатно ходим за мясом. Любовался сегодня на глухаря на току. Глухой лес, предутренний сумрак и огромное черное тело, то припадающее, то как бы плывущее по земле. Зрелище незабываемое.

Вчера прочел несколько рассказов Уэллса, между прочим один прелестный - "The door in the wall"[63].

На работах плохо. Днем, когда я там был, все было превосходно. Но к закату положение внезапно изменилось. Восточную стену выпирает внутрь, подшивочные жерди лопнули, на протяжении всего сруба не прекращается треск. Рабочие, конечно, все вылезли. Надо дать движению затихнуть, а потом придется крепить по середине сруба. [178 стр.]

7/V.

Вчера пришлось мне с Ладыженским распирать шурф, так как остальные рабочие побоялись спуститься. Послал Котика на Дзун Модо за А.М.

Он приехал сегодня утром и, осмотрев положение, мы устроили консультацию. В общем, вчера, мы исправили положение, и движение в срубе прекратилось. Вчера Андрюша ухлопал трех коз. Опять мясо есть.

А я теперь по ночам хожу в лес. Так чудесно! Луна, потом предутренний сумрак и прохлада, а потом на восходе - как будто внезапно расцветает сад. Вчера хорошо поговорили втроем. О путях совершенства. [179 стр.] Котик вернулся в ночь с 5-го на 6-е. Я не особенно доволен его поездкой. Поль-

зы она принесла мало, т. к. ему не удалось настоять на автомобиле, а денег истратил много.

Жизнь идет сейчас у нас довольно безалаберно. Но как-то не хочется налаживать. Поскорее бы разделаться с экспедицией.

8/V.

Утром наставлял Колю Пржевальского по части энтомологии.

На кургане благополучно. Начал обнаруживаться штрек в помещении. Сруб прикрепили длинными бревнами к двум основательным сырым сосновым стволам, которые положили горизонтально близ столбов ворота. Осадка прекратилась.

Вечером долго читал вслух Шопенгауэра. [180 стр.]

10/V.

Вчера учил Сережу [...] к глухарю.

Работа близится к концу. Между шурфами уже установилось сообщение.

Вспомнить о муравьях и белой сойке.

Сегодня опять ночью пошел в лес. Долго наблюдал за рябчиками, которых подманил. Дрались они необыкновенно забавно.

Рабочие сегодня отдыхают.

Диалоги с Ив. Зимиревым по меньшей мере утомительны.

Прибыла посылка из Урги. [181 стр.]

12/V.

Оба истекшие дня почти целиком провел в шурфе. Там все время работает также Андрюша. За эти 2 дня сделали много. 11/V начали обнажать с севера потолок. На первых трех бревнах обнаружили только войлок. Ковер начался с 4-го бревна. К сегодняшнему вечеру удалось снять ковер с 6-ти бре-

вен потолка, как в W, так и в О половине. Ткань сохранилась недурно, но разорвана или надорвана на отдельные полотнища по границам между отдельными бревнами, каковые осели неравномерно, что и вызвало разрывы покрова. Наиболее повреждена ткань посередине потолка, в месте, где бревна поломаны. Край ковра (N-1,O-2 и W) грубо обрезаны. В О части край ковра был прикрыт непосредственно "мхом", без войлока. [182 стр.] Схема настоящей ситуации такова[64]. На западной половине потолка ткань без орнамента. По-видимому, над гробом приходится наиболее богатая часть ковра в отношении орнамента.

Вся работа носит неприятный характер. В срубе все время угрожающие потрескивания, а закрепить его снизу представляется весьма трудным. Так и ждем каждую минуту [183 стр.] катастрофы. Вчера отпустил обоих Зимиревых. Вместо них пришел Фун Чин.

Извлекли вчера 6 бревен наружного потолка. Также одно бревно внутреннего потолка, для того, чтобы поскорее добраться до земли и поставить стойку под толстое бревно. [184 стр.]

13/V.

Все время на работах. Сегодня сильно двинули очистку N части погребального помещения. Вынули много бревен внутреннего и наружного потолка. На стойках и матицах кое-где сохранились обрывки тонкой ткани. На сохранившихся наружных стойках ясно видны остатки капителей. Много времени ушло на крепление. Под точку А подвели бревна в N-S направлении, которые утвердили на двух стойках, упирающихся в пол помещения. Не смотря на все предупредительные меры W стена сруба продолжает оседать. Скоба, сшивающая два подшивных бревна, сильно погнулась и разорвала отверстие в верхнем бревне. Пришлось дополнительно скрепить эти бревна двумя скобами. Все же Дамоклов меч продолжает висеть все время. [185 стр.]

16/V. Утро.

Два истекшие дня были всеми посвящены целиком археологии. Сруб закрепили с возможной тщательностью и приступили к очистке гробницы. В старый шурф опустили машину, но она не взяла много воды по той причине, что уклон пола гробницы к N-O. Поэтому перенесли машину в новый шурф, и в N-O углу пола прорубили отверстие. К вечеру 15-го очищены N коридор и N часть внутренней камеры. Найдены косы в большом количестве, обрывки различных тканей, куски животной перепонки, керамика от 2-х разбитых урн, части седла, две деревянные пилястры и пр. и пр.

Среди тканей попадаются весьма значительные в художественном отношении образцы. В северном найдены небольшие [186 стр.] участки толстого ковра, за стойками - обрывки мотива: "человек и птица".

Работа идет успешно. Трое или четверо из нас постоянно присутствуют на кургане, принимая участие в работе. Лучше всех работает Ханчой. Хорошо - Андрюша. Вечером - отмывание находок. Утром, остающиеся дома наклеивают этикетки.

15-го вечером получили из Урги посылку со следующим письмом П.К. Мы посмеялись с Сережей над его замечательной тактикой: ни слова в ответ на наше предложение , и отъезд в Китай, для дела, кстати, совершенно лишний, т.к. при современном развале в Китае, разрешения, выданные в Пекине, [187 стр.] будут иметь очень мало веса на окраинах. С другой стороны, П.К. знает, что я не брошу работы в его отсутствие, и потому ему, конечно. выгодно отложить свидание сколь возможно, если он решил пренебречь нашим предложением. Письмо хорошо тем, что - официально, по крайней мере, не фальшиво. Кроме того - толково и систематично, что относительно редко для писем П.К.

"К сведению С.А. Кондратьева и С.А. Глаголева.

1. 9-го мая я еду в Китай на три недели с целью обстоятельно переговорить с Караханом[65], частным образом по пово-

ду дальнейшего маршрута экспедиции, хотя бы только до Хара-Хото и его окрестностей.

2. По окончании полной разработки "Верхнего", надо тотчас перейти в Гуджиртэ и там, на одном из наиболее подходящих курганов, продолжать по прежнему раскопки. Выбор кургана всецело предоставляю С.А. Кондратьеву. Его разработку желательно вести успешно в смысле времени, если явится необходимость в прибавке рабочим заработной платы, можно её повысить, но немного. С.А. Глаголеву, с геологической точки зрения, осветить горы Ноин-Ула в такой полноте, в какой они освещены в растительном и животном отношениях. Ботанические сборы вести полностью. В свободное время заглядывать на археологические раскопки, присматриваться к ведению работ и помогать С.А. Кондратьеву.

С Андрюши, который будет уделять время, главным образом, археологическим раскопкам, спрошу наблюдения за птицами и зверями; самое необходимое - приращение коллекций, в виде шкурок зверьков и птиц в особенности. Именно с этой целью, уезжая в Россию, я оставил С.А.К. наставление Андрюше на зимнее время выучиться препараторству для летних разъездов.

Котику, так умело и успешно поработавшему в прошлом году и обогатившем энтомологическую коллекцию экспедиции, остается пожелать нового успеха, по возможности, придерживаясь новой, дополнительной инструкции А.П. Сем. Т-Ш[66].

Коле экскурсировать с Котиком, но главным образом, с С.А. Глаголевым, помогая ему в его сборах, поучаться, имея всегда при себе морилку для насекомых и баночку со спиртом. (Не бить посуды, не терять копалок или геологического молотка).

Ко всем охотникам. Не брать эмбрио от копытных. Эмбрио маралухи неумело консервировалось, сгнило, выброшено

(да его и не следовало брать в таком большом размере). Следует брать только эмбрио [...]

Надо принять к сведению, колонков - два: судзукский (их у нас много) и ноинулинский (только в одном экземпляре). Последний меньше и бледнее по окраске. Из птиц очень желательны: белоспинный. дятел, гольцовая сова, и гольц. [...].

Семье Якушевского (несчастного) выдать пособие в полном размере заработной платы - это долг экспедиции.

Тарабаганов в сборе экспедиции три формы.

Оттиски с печати "Баллодовского" кургана.

Урга. 7/V 1925 г. П. Козлов."

А в общем, все это – тлен!

Видел сегодня во сне Льва Михайловича. (Сережа тоже его видел). Он шел ко мне с просветленным лицом, на котором были какие-то странные черные полосы. [188 стр.] Вторую половину дня был на кургане. Начали вести штрек на S в О части помещения. Не очень легко. Через несколько дней придется послать кого-нибудь в Ургу. Нужно отправить П.К. телеграмму в Пекин с запросом относительно работ на Гуджиртэ. У нас один накат, и я боюсь, что раньше июля мы не закончим. Затем надо привезти деньги и кое-какие продукты.

Ночами вижу длинные утомительные сны. Встречаю множество лиц, живу лихорадочной жизнью, просыпаюсь утомленным.

"Напутственная песня". [189 стр.]

17/V.

В гробнице почти закончили штрек в О половине. Восточная наружная стена немного сдала. Подкрепили её.

Ходил в Гуджиртэ осматривать могилы. Приглянулась 11-я в верхней группе. Хочу сдать работу отрядно.

Охотился днем. Побили в верховье правого ключа Гуджиртэ 2-х коз. Выстрелил дважды в бегущих, но промахнулся. Подходя к верхнему Боротайскому току, увидел штук 15-20

косачей. Они сидели на сухой сосне, большие, черные, неподвижные. Трижды я подходил к стае. Убил одного. Был на глухарином току. Там безмолвно. На закате все небо было в темных рваных облаках. На востоке густо синела туча. [190 стр.]

23/V.

Истекшие 6 дней прошли в общей и напряженной работе на кургане. Фактически раскопки прекратили 21-го, но с предварительной обработкой и упаковкой материала думаю покончить только завтра.

Я очень доволен, что мы благополучно закончили эту наиболее опасную разработку. В особенности меня беспокоит слой земли между стенами обоих срубов. Как говорят, все последние дни мы "под Богом" ходили в гробнице. А основательно закрепить штрек было невозможно, так как тогда было бы весьма трудной задачей хорошо очистить все помещение.

18/V из-за непогоды не работали. Выпал снег в 0,17 м., который сплошной пеленой покрыл землю на 2 дня.

19/V прошли штреком до конца восточную половину [191 стр.] начали штрек в западной.

20/V очистили O коридор, гроб, который затем вынули по частям, и O половину внутренней камеры. Кроме того, выбрали остатки надпотолочного ковра на востоке.

21/V очистили W половину внутренней камеры, W коридор и вынули южную часть надпотолочного ковра в западной половине.

Работали либо все на кургане, либо часть занималась дома промывкой и просушиванием вещей. Находок весьма много.

Из всех наиболее важны:

1. Надпотолочный ковер (4×4,5 м.)
2. Одежда покойника.
3. Ковер из внутренней камеры.
4. 2 тисненых на металле барельефа аргали и изюбря.

5. Вышивка типа "человек и птица".
6. Материя с крылатыми всадниками.
7. Лакированные крашенные пилястры и чашка. [192 стр.]

Всего добыто, не считая керамики и частей ковра, около 500 отдельных предметов, из них более 60 кос и футляров от них. Покойник был, по-видимому, вытащен из гроба и брошен (засунут) в восточный коридор в сидячем положении, так как площадь, на которой найдена одежда, не превышает в длину метра. Промывая у колодца части одежды, мы вытащили из кальсон остатки (почти истлевшие) костей, обильно покрытые зелеными кристаллами моноклинической системы. Одежда покойника издавала резкий неприятный запах. Быть может, следы благовоний. Когда я промывал эти остатки костей с кальсонами в нашей суповой кастрюле, мне, между прочим, пришла в голову мысль: насколько во мне угасла брезгливость. [193 стр.] Вся одежда довольно сильно потрепана, так что промыли ее мы поверхностно. Она состоит из шелкового халата с плотным стеганым войлоком внутри, весьма широких темно-красных шаровар запорожского типа, со сборками у колен, шелковых кальсон, также до колен, наголенников из плотного фигурного шелка, в которые вшиты наголенники из материала кальсон, низких войлочных сапог, чепчикообразной шляпы с развалившимся каркасом из бересты. Кроме того, около одежды мы нашли еще целый ряд предметов, могущих иметь к ней отношение. Тут же были вынуты из глинистой грязи барельефы аргали. Они с большим вкусом стилизованы.

Нижняя часть штанов (наголенников) с большим напуском. Но отверстие для ноги - узко. Совсем как у половецких персонажей в "Князе Игоре"! [194 стр.] Почти весь надпотолочный ковер оказался разрозненным на части, соответствующие отдельным бревнам потолка. В южной части, где половина ковра сильно изодрана, вероятно, по ним ходили грабители, ход которых был шире нашего шурфа. В этой части, на западе и на востоке, ткань гладкая, орнамента нет. Весь ковер состоит

из трех мотивов: 1) голова быка, 2) птицы и "саламандры", 3) черепахи и тритоны. Два различных по виду ромбических орнамента соответствуют 2-м последним мотивам. Все три мотива сочетаются друг с другом случайными кусками без общего выдержанного плана. Наиболее богатый орнамент на надгробной части потолка. Интересно, что повторяющиеся эпизоды с черепахами и тритонами различны в подробностях. В этом мотиве встречаются еще бабочки. [195 стр.] Внутренний ковер оказался в хорошей сохранности. Был он весь в складках, а лежки гроба найдены в сильно смещенном положении. По-видимому, грабители передвигали гроб и туда, и сюда. В самом гробу в земле мы не нашли ничего. Но зато под гробом обнаружено в беспорядке много вещей. Ковер внутренней камеры продран лишь в одном месте, там, где на него давила южная лежка. Лежки гроба были покрыты плотным шелком с весьма интересным орнаментом (крылатые всадники и крылатые олени).

Между N наружной стеной и прилегающими к ней стойками найдены редкостные куски тканей типа "человек и птица". Вероятно, все стены были изнутри обиты такой материей. Но ее сорвали грабители. В противном случае отдельные куски ее конечно сохранились бы. [196 стр.]

Выяснились следующие дополнительные детали постройки:

1) В северном коридоре – 6 стоек, а не 3.

2) Многие стойки несут на себе следы капителей.

3) Наружные матицы врезаны в стены. Отверстия имеют в ширину – 23,5, в глубину – 0,13 и в высоту – 0,19.

4) Во внутренней камере меридиональные стены выступают на 0,10. В остальном, повторные измерения совпали с измерениями 1924 г.

Успеху всей разработки более всего способствовал Ханчой, а также Андрюша. [197 стр.] Хочется мне положить на

музыку для нашего квартета следующие два стихотворения Manfred Kyber[67], присланные мне уже давно МИКом. [199 стр.]

Мне понравилась ясная форма знакомых мыслей в статье Л. Толстого "О религиозном воспитании и ручном труде"[68]. Мысли эти, изложенные применительно к воспитанию детей, могут быть с одинаковой силой отнесены и к взрослым.

"...В воспитании вообще, как в физическом, так и в умственном, я полагаю, что главное – не навязывать ничего насильно детям, а выжидать и отвечать на возникающие в них требования; тем более это нужно в главном предмете воспитания – в религиозном. Как бесполезно и вредно кормить ребенка, когда ему есть не хочется, или навязывать знания по предметам, которые его не интересуют и ему не нужны, так тем более вредно внушать детям какие-нибудь религиозные понятия, [200 стр.] о которых они не спрашивают, и большей частью грубо формулировать их и нарушать этим то религиозное отношение к жизни, которое в это время, может быть, бессознательно возникает и устанавливается в ребенке. Нужно, мне кажется, только отвечать, но отвечать с полной правдивостью, на предлагаемые ребенком вопросы. Кажется, очень просто отвечать правдиво на религиозные вопросы ребенка, но в действительности это может сделать только тот, кто сам себе уже ответил правдиво на религиозные вопросы о Боге, жизни, смерти, добре и зле - те самые вопросы, которые дети всегда ставят очень ясно и определенно. И вот тут-то и подтверждается то, что я всегда думал о воспитании и что Вы говорите в своем письме, - то, что сущность [201 стр.] воспитания детей состоит в воспитании самого себя. Как ни странно это кажется, это воспитание самого себя есть самое могущественное орудие воздействия родителей на детей. И ... "совершенствуйся" есть самая высокая и, как ни странно это кажется, самая практическая - в смысле служения другим людям, воздействия на других людей - деятельность человека..."

24/V.

Ночь и весь день идет снег. Метет. Отсиживаемся по этому случаю. Развлекались: жарили на угольях в русской печи тайменя 14-ти фунтов в чешуе. И за ужином быстро уничтожили его. Вечером рассказывал "Тристан и Изольду" по Вагнеру. Радостно и больно прикасаться к этим воспоминаниям. [202 стр.]

Письмо Л.М.Г. Судзуктэ 25/V 1925 г.

"Дорогой друг!

14-го апреля приехал к нам в горы Сережа Глаголев. Была настоящая радость. В ближайшие дни я несколько раз выслушал от него то, что Вы хотели передать с ним. Отрадно мне было видеть на нем Ваше влияние - столь значительное по внутреннему смыслу и свободное от принуждений. Отрадно и за него и за Вас. Ведь это для меня живой знак роста Вашего сердца и Вашей тоски, истинный привет издалека. Я опять ясно вижу Вас, переживаю то, что связывало нас 15 лет, понимаю нашу близкую судьбу. И знаю, что 2 истекших года мы жили вместе, хотя Вы работали в Петроградском Центросоюзе, а я раскапывал могилы в монгольских горах. К Сереже Глаголеву я относился неизменно [203 стр.] дружественно, с самого начала нашего знакомства в 1923 г., когда я уже как бы предчувствовал его душевную чистоту, стремление к росту и неудовлетворенность внешними знаниями. Поэтому мне и тогда, осенью 1923 г., уже хотелось поговорить с ним по существу, что я сделаю в ближайшем будущем.

За этот месяц мы несколько раз беседовали с ним по вопросам преимущественно этического характера, причем часто расходились во мнениях. Это лишний раз убеждает в том, что всякое диалектическое рассуждение, завершенное точкой, далеко от полноты истины, и что живая истина в одеждах даже самых непорочных спекуляций - как цветы под снегом. Именно в них полнота бытия, а не в холодном футляре, как бы он ни был блестящ. Думаю еще, что не рассуждения приводят к ис-

тине, а истина к рассуждениям, так как путь жизни - путь сердца, а все [204 стр.] философские рассуждения - только след этого пути, как хвост у кометы. Тогда они стройны, ибо легко находят свои места друг подле друга, будучи закономерно связаны с ядром жизни. Но в то же время они лишь уясняют, но не ведут.

Что касается Ваших планов, то я разделяю и приветствую их. Разделяю потому, что они несут ясность, приветствую потому, что хочу живого общения с близкими мне людьми. Однако в этом нашем обоюдном желании вижу я признаки некоторого утомления городской жизнью (для Вас), и системой мелких забот, задач и принуждений, сопутствующей ежедневному обиходу экспедиционной жизни (для меня).

Экспедиция наша живет не здоровой жизнью - традициями, а не идеей. В широком смысле [205 стр.] это выплата обязательств, а не радостная и свободная работа. Каждый из нас, конечно, получил много за эти два года, но все эти приобретения - в плане и программе экспедиционной работы, которая, как это теперь видно, ведется исключительно с тем, чтобы произвести известное впечатление на общественное мнение. Во главе угла - тщеславные побуждения, а не бескорыстное стремление расширить наши представления о тех или иных явлениях и вещах.

В довершение всего П.К. по своем возвращении из России сказал мне несколько гадостей, на что я заявил ему, что презираю и немедленно ухожу из экспедиции, так как мне противно иметь какое бы то ни было общение с ним. Сережа, невольно слышавший часть нашего разговора, также решил уйти со мной. В дальнейшем П.К. стал умолять [206 стр.] меня простить его, и я начал колебаться. В конце концов мы с Сережей предложили ему единственное условие, на котором мы остаемся в экспедиции, именно: предоставление нам самостоятельного совместного разъезда, т.е. работы, вне постоянного общения с П.К.

В настоящее время П.К. в Китае, и в зависимости от его поведения по возвращении оттуда, мы и будем действовать. Мне хочется оставить экспедицию, но с другой стороны, старика все-таки жалко. Во всей этой истории меня тронуло поведение Сережи. Впрочем, и я на его месте поступил бы точно так же, т. к. на необузданную распущенность воображения и реагировать нужно соответствующим образом.

Во всяком случае, положение не решено, и потому я не строю планов и на 2 месяца. [207 стр.] Предстоящее свидание с Козловым скажет мне, что надо делать. В обоих вариантах полагаю съездить ненадолго в Петроград, в течение ближайших месяцев. Тогда мы подробно поговорим о нашем будущем.

Жамцарано все время приглашает меня работать в Монголии. Не так давно я изложил ему план организации Национального музея[69], инициативной группой которой должна быть предоставлена полная свобода в программе и ведении всех работ. Летом эта работа будет состоять в разнообразных экспедициях по всей Монголии, а, может быть, и в Тибет, зимой - в разработке собранного материала. Во главе группы встанем мы с Сережей. Все работники выбираются по нашему усмотрению. Жамцарано отнесся к этому проекту [208 стр.] весьма сочувственно. Вы представляете какие обширные перспективы открывают эти замыслы!

Единственное, что может нарушить осуществление этих планов, это мой неодновременный с Сережей уход из экспедиции, так как один я заваривать всю эту кашу не возьмусь, а ждать окончания экспедиции тоже не придется, так как жизнь все время выдвигает новые проблемы и не любит остановок. Убеждать Сережу в том или другом я тоже, конечно, не буду. Не в моей природе заниматься агитацией, да и какое значение имеет всякое несвободное решение ? Да и мое собственное поведение в ближайшем будущем темно для меня. Ведь и не знаю, что вызовет во мне П.К., повторное отвращение или жалость? Решать же вопрос теперь, с точки зрения выгоды и не-

выгоды тоже не буду. [209 стр.] Поэтому еще один месяц выжидательного положения.

Мы все еще производим археологические раскопки. Только что закончили повторную разработку "Верхнего" кургана, которая дала нам чуть ли не больше, чем все остальные раскопки. Я рад, что эта разработка на 7-ми саженной глубине закончилась. Последние дни мы там все время "под Богом" ходили, так как пришлось освобождать большое незамкнутое пространство на такой большой глубине. Снизу же основательно закрепить землю не представлялось удобным. Очень неприятно чувствовать на себе все время ответственность за возможную катастрофу. Вот я уже больше года занимаюсь подземным строительством и пришел к тому заключению, что земля - коварная стихия, нападающая внезапно и стремительно. Теперь мы перейдем [210 стр.] к последнему небольшому кургану в долине реки Гуджиртэ. Это будет, вероятно, нетрудная разработка. Во второй половине июля мы простимся с Судзуктэ.

Не смотря на жестокую работу в течение зимы, в особенности второй половины ее до середины апреля, мне все же удалось закончить поэму о "Гаве", которую я не имею мужества, однако, переписать для Вас, так как в ней более 500 стихов. Если к ней прибавить еще несколько стихотворений и "3 вокальных трио", то вот и все, чем я могу похвастаться в отношении творчества за истекший год. Немного, но постоянно мешают многочисленные крупные и мелкие заботы. И еще на руках колония "малолетних" вдобавок. Впрочем, мальчики неплохие, но это постоянное [211 стр.] менторство по мелочам не по сердцу мне. Их неокрепшее мировоззрение не насилую, но, когда можно и нужно, стараюсь вести. В этом - радостная сторона общения.

О моей же собственной внутренней жизни в немногих словах сказать трудно. Знак - что рост её не прекращается и следует неведомым мне законам. Чувствую, что в этом росте

истинный смысл, а не в случайных приложениях случайных знаний. Вижу смысл в пути, а не в цели. Все цели, за исключением одной, которая в пути, изменчивы, преходящи и призрачны. Изменчивы потому, что становятся временными и односторонними интересами, преходящи потому, что, будучи достигнуты, исчезают; призрачны потому, что не имеют в себе объективной ценности и сияют или тлеют в зависимости от отношения к ним. [212 стр.] "Каждый мерит мир собственной душой". Другими словами: то, что велико и прекрасно для одного, ничтожно для другого. Значит дело не в проблеме, а в отношении к ней, в средствах к её разрешению, в пути. "Средства оправдывают цель" - вот что верно, а не иезуитский тезис. Бескорыстие и глубокое отношение, вот что возвышает всякую цель, углубляет и расширяет всякую проблему. В противном случае, жизнь превращается в пустую игру, сокровенная динамика её подменивается сменой декораций.

Ну, вот. Заполните пустоты между этими брошенными положениями, и Вы поймете меня.

Скоро мы увидимся. Поцелуйте от меня папу и сестер. Татьяне Александровне и пулковцам дружеский привет. Если будете [213 стр.] кому-либо читать это письмо, инцидент с Козловым выпустите. Не нужно лишних разговоров. Разве что папе можно все прочитать. Я соскучился по нему. Беда вырастить детей бродяг. Часто я думаю, что мама и папа это лучшее, что у меня было в детстве и юности. Мне кажется, что дети просто не могут быть достаточно благодарными подобным родителям. И любовь, и самоотречение их (родителей) это чудо, которое в высшей степени пошло объяснять биологическими законами.

Кончаю. Примите мой вечерний привет, как знак верности и любви. Будьте сильны и ясны.

Ваш С. Кондратьев. [214 стр.]

27/V. Утро.

Вчера получил письмо от В.А., в котором он сообщает, что П.К. вероятно вернется 21-го - 22-го. Оказывается, Andrews, заручившись бумагами Китайского правительства, выбыл в Хара-Хото (!), что во всяком случае свидетельствует о его предприимчивости.

Приехал Чухломин. Сегодня после обеда поеду в Ургу. Нужно: 1) выяснить вопрос о Гуджиртэ, 2) привести в порядок с В.А. Судзуктинский отчет, 3) сделать необходимые закупки. Хочу: 1) поиграть на рояле, 2) прочитать Жамцарано "Гаву", на предмет искоренения от возможной фальши в Couleur locale[70]. Затем пора уже привести себя в приличный вид. Немножко жалко уезжать - распустился рододендрон. Лес благоухает. [215 стр.] 27-го, захватив чучело глухаря и 2 ящика с археологическими коллекциями, выехал в Ургу, куда без приключений приехал днем 28-го. П.К. еще не было. Пришлось его ждать до 3-го числа. В эти дни я привел в порядок с В.А. весь наш денежный отчет (Судзуктэ), и сделал нужные для нас закупки. Играл всего 1 раз в полпредстве, которое приобрело вязигинский рояль. Заместитель Васильева Ланде, аккуратный латыш, отнесся к моей просьбе - поиграть - весьма предупредительно. Проигрывал старые романсы, кое-что свое и "Парсифаля". Почему-то особенного удовольствия не получил.

Читал вслух несколько раз "Гаву". Прежде всего Жамцарано, для того, чтобы обсудить возможные lapsus-ы. К моему удовольствию, таковых не оказалось. Жамцарано поэма весьма понравилась. Замечательно то, что как оказалось, многие идеи и образы в "Гаве" свойственны древнему монгольскому [216 стр.] эпосу. Например, самый образ "Ихэ-Бугу" - отца, покровителя оленей. Затем превращение охотника в камень, внутреннее просветление охотника после убийства оленя и т. д. Все это наводит на примечательные мысли о творческой интуиции.

Был несколько раз у Нестерова и 3-го июня дал в Урге одновременный сеанс шахматной игры против 13-ти против-

ников. Сеанс продлился 2ч. 50м. Окончился с результатом 12÷1 (с Арханчеевым).

3-го днем вернулся из Китая П.К. с Ел.Вл. Она приехала позже - вечером.

П.К. был любезен, указал маршрут, который он наметил для меня с Сережей и сказал мне, что он отправит меня в Петроград с археологическими коллекциями. За ночь он, однако, передумал и на следующий [217 стр.] день разговаривал со мной в том смысле, что вряд ли ему удастся меня отправить в Россию. Аргументы приводил маловесные, что я и дал ему понять, сказав, что отправить или не отправить меня зависит только от его воли. Окончательного ответа он мне так и не дал.

Я прочитал ряд статей в различных журналах и газетах о наших раскопках. Они частью возмутили, частью рассмешила меня.

Полагаю, что главная причина, по которой П.К. не хочет отправить меня в Петроград - это боязнь, как бы на мою долю не пришлось части его "славы". Кроме того, он, быть может, боится разоблачения тех глупостей, которые он сообщил о наших работах.

Общие планы у экспедиции такие: зимуем близ Эдзин-гола[71], где проводим и весну. Затем уходим в Нянь-Шань[72]. [218 стр.] Мое отношение к настоящему моменту таково.

Я поеду в Петроград. Я не хочу и не могу больше мучить Мика, которому П.К. дал обещание относительно моей командировки. Далее: мне существенно нужно увидеть Л.М. и отца. Жертв для удовлетворения пустого тщеславия П.К. приносить более не следует. Я поеду независимо от того, придется мне уйти из экспедиции, или нет. Я знаю, что я выполнил все мои обязательства по отношению к П.К., и в отношении научно-деловом дал ему больше, чем он мне. Но теперь обязательства потеряли и смысл, и силу. Я не хочу мстить П.К. Во мне нет больше гнева к нему. Поэтому попрошу и Сережу и мальчиков

остаться. Мальчики еще вчера сказали мне, что они поступят [219 стр.] так, как я сочту нужным. Но мне не хочется ни демонстраций, ни скандалов. А урок, который получил П.К., быть может, научит его быть осторожнее.

В отношении деловом поездка в Петроград также необходима. Нужно отвезти коллекции, нужно привезти хороший фонограф, нужно выяснить финансовые дела экспедиции и пр.

С "Гуджиртинским" курганом мы покончим скоро. Дошли до дна камеры. Глубина всего около 2 сажен. И мерзлота. Погребальное помещение значительно меньше и более просто, чем в больших Судзуртинских курганах. Бревна сильно обгорели. Сохранились, тоже обгоревшими, нижние части стен. Очевидно, грабители шли пожогами. Пока найдены остатки урны и лошадиная челюсть. [220 стр.]

9/VI

Вчера Сережа нашел интересные мелочи в земле, наполнявшей урну: 4 продолговатых бус и 4 золотых листочка. Нашли еще части лошадиного черепа. Обнаружилось все погребальное помещение. Оно весьма невелико. Приблизительно 2.00 (OW) × 1,80 (NS). Таким образом, скоро работы на Гуджиртэ закончим. [221 стр.] 7-го июня я остался дома один. Андрюша был на кургане, а остальные пошли на экскурсию на Ноин-Улу. Думал я о том пути, на который вступает Сережа. Вспоминал близкое старое. И вдруг "увидел Хамба"[73]. Не знаю, что было, но долго плакал от непонятного счастья. Видел величие жизни, смерти и пути. Далекое стало близким. Тайное сделалось явным.

Вечером имел первую беседу с Сережей. На закате ушли мы в верхний дом. Оттуда видны просторы Судзуктэ. Дальние горы были во мгле. В долине покоился туман. Лес на склонах дышал покоем и сумраком. И смутно белели в траве благовонные анемоны.

Господь благословил тебя, брат мой. О! Как ты дорог мне в эти минуты. Разве можем говорить мы о скудости существования?! [222 стр.]

12/VI.

10-го вечером и ночью имели мы вчетвером длительный совместный разговор. Я выяснил свою позицию и просил всех товарищей остаться в экспедиции в том случае, если мне придется уйти. Поговорили мы тепло и по существу. Я высказался в том смысле, что я противник солидарности в вопросах, касающихся каких-либо личных взаимоотношений. Уход из экспедиции должен быть решен каждым в свете внутренней необходимости, а не по мотивам сочувствия. Все трое согласились на том, что попытаются остаться в экспедиции до конца этого года.

Последний фактор в решении моем поехать в Петроград - обещания, данные П.К. МИКу. Таким экспериментам я не хочу и не могу ее подвергать. [223 стр.] Теперь каждый вечер мы поем "Парсифаля".

На Гуджиртэ работы сегодня закончены. Сережу я попросил просмотреть почвенные горизонты. Кроме того, посмотрят, что находится под полом. Таким образом, наша археологическая эпопея заканчивается, а с ней и жизнь на Судзуктэ. Слово это, как медовое жужжание пчел, как нагретая солнцем сосновая смола.

Вот подходят дни прощания. Ты была бесконечно щедра ко мне. И я взял от тебя, сколько мог. Тебе же мой дар - "Гава" - дар ненужный, но от всего сердца. Видел я его на твоих широких хребтах, в густых зарослях, на лесных полянах, в прохладе звездной ночи. Принял и понял его тоску, и благоволение и пламя сердца. Благодарю тебя. [224 стр.]

14/VI.

Вчера и сегодня работал над отчетами. О "Верхнем" кургане закончил, о "Гуджиртинском" написал половину.

Вчера приходила жена Якушевского. Напомнила мне "беззащитное существо" Чехова.

В общем, дни проходят довольно беспорядочно. В воздухе мед и тепло. По вечерам засиживаемся долго. Поем, беседуем и охотимся на клопов. Встаем поздно.

Смотрю на фотографии моей девочки. У нее все такой же ясный лоб, а глаза печальные. Скоро я тебя увижу. Как-то не верится.

Какой-то поворот во мне благостный с 7-го июня.

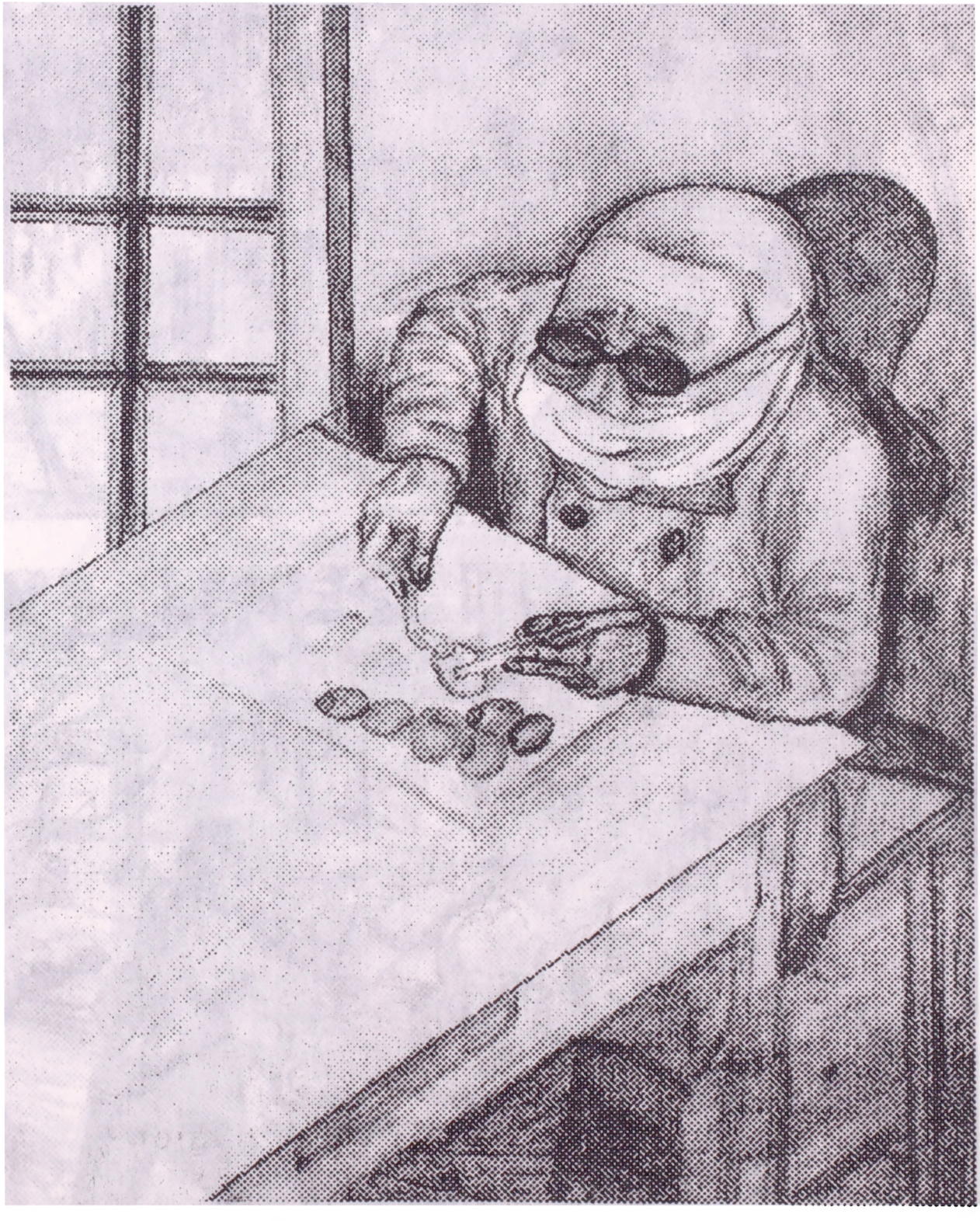
Андрюша ревнует меня к Сереже. Большой ребенок. [225 стр.]

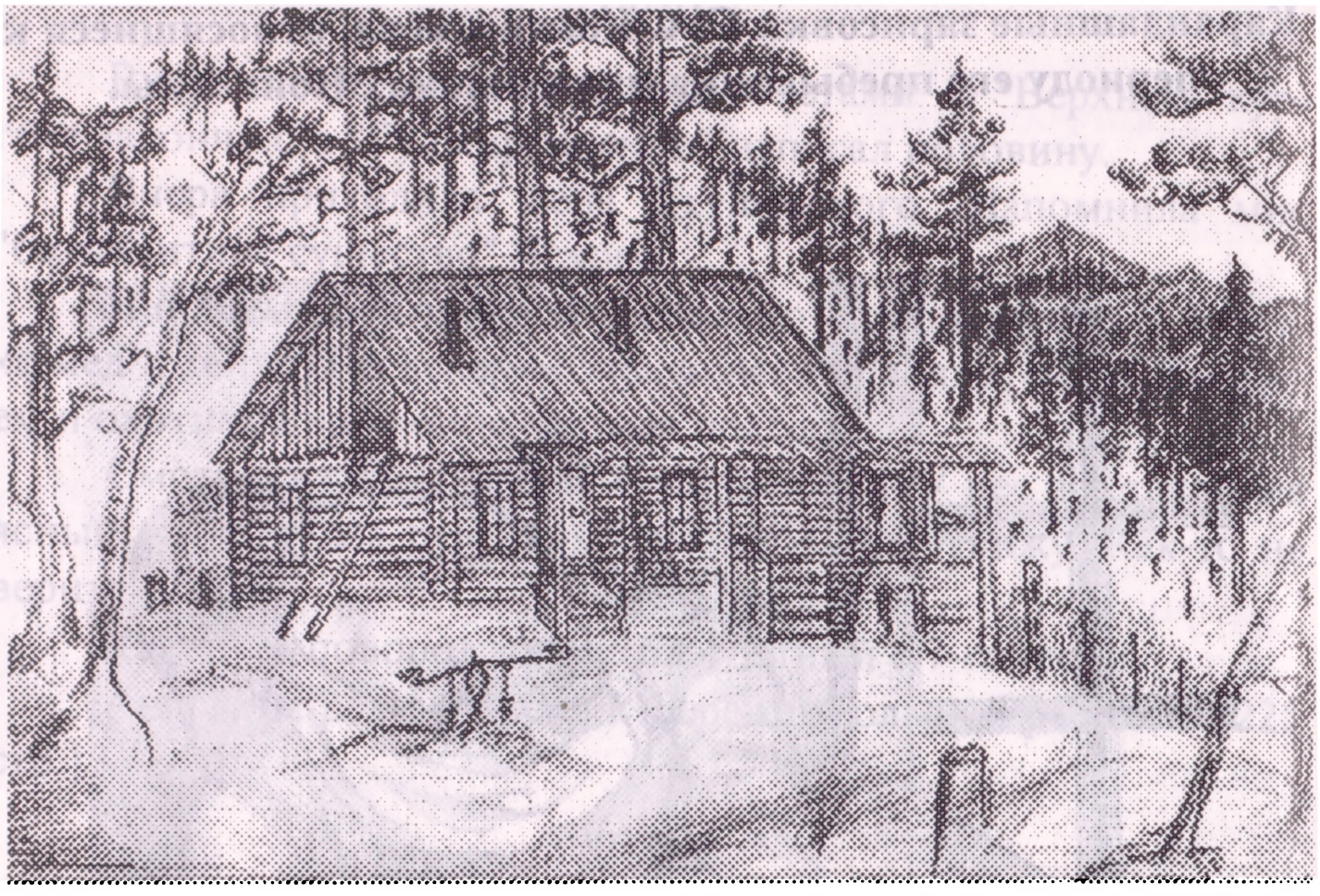
16/VI.

Закончил оба отчета: о "Верхнем" кургане и о "Гуджиртинском". Полагаю, что вместе с этим я кончил заниматься археологией. Привел в порядок и отобрал свои вещи. Могу уезжать.

А П.К. все нет. Третьего дня прошел последний срок его приезда.

Карандашные зарисовки С.А. Кондратьева, относящиеся к периоду его пребывания на раскопках Ноин Улы.

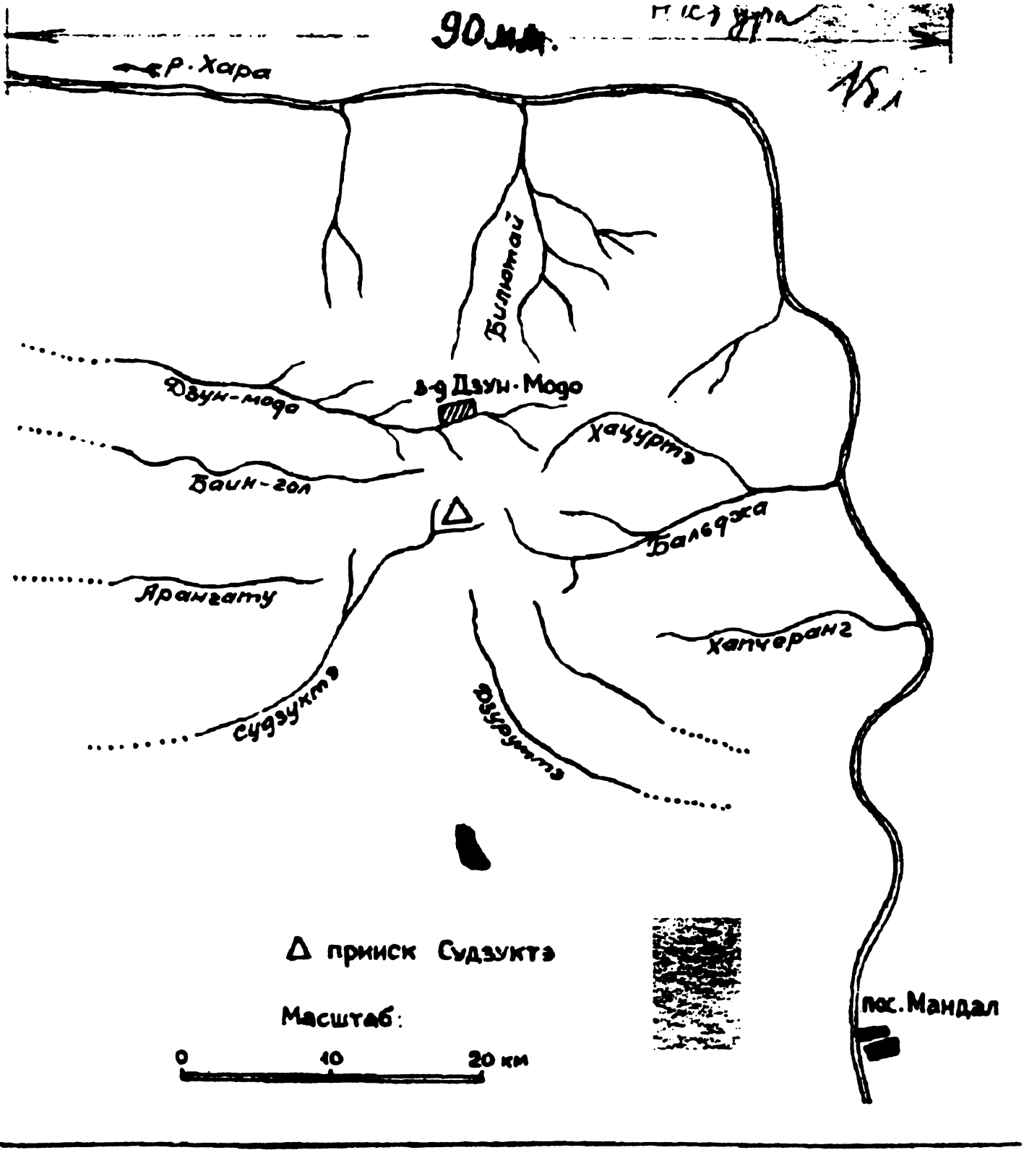

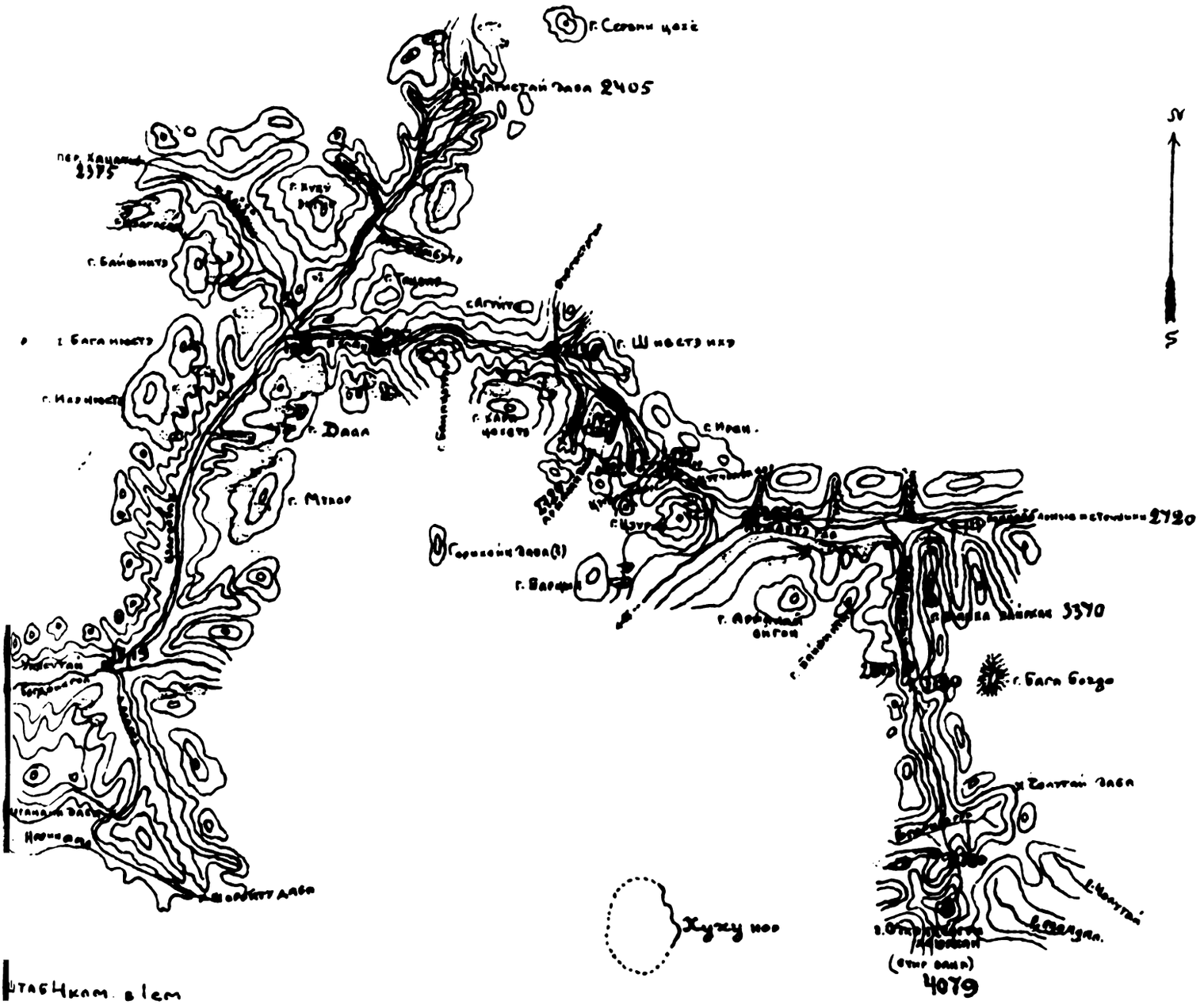

Карты археологической разведки, составленные С.А. Кондратьевым

г. Сергин цэгэ
Багатай тэвэ 2405
2375
г. Багануур
г. Багануур
г. Мянгат
г. Даваа
г. Мянгат
Сергелэн тэвэ(1)
г. Ширэнгэ
г. Шинэстэнийн
с. Ирэн.
г. Шүүр
г. Архайн онгон
2720
3370
г. Бага Богдо
Хужуу нуур
(отог овоо)
4079
1 см

ПРИМЕЧАНИЯ

К 1-й книге

1. Не названы еще два члена экспедиции: Б.М. Овчинников и Н.Н. Барсов. См.: А.Н. Андреев. От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). - Санкт-Петербург – Самара – Прага, 1997, с 118.

   О членах экспедиции:

   Елизавета Владимировна Козлова (Пушкарева) - вторая жена П.К. Козлова, участница последних его экспедиций. Орнитолог, сотрудница Зоологического музея АНСССР в Ленинграде. Собрала большую коллекцию пернатых Центральной Азии.

   Сергей Анатольевич Глаголев - третий старший помощник П.К. Козлова, географ, по заданию П.К. Козлова осуществивший самостоятельный маршрут к развалинам Хара-Хото в 1925 г.

   Николай Васильевич Павлов (1893-1971) - известный ботаник, географ, флорист, академик АНКазССР.

   Андрей Дмитриевич Симуков (1902-1942) - этнограф, географ. С 1927 г. заведующий отделом географии Ученого Комитета МНР. Автор многочисленных научных статей по хозяйству, этнографии, географии Монголии.

   Елена Петровна Горбунова - сестра Горбунова Николая Петровича, управляющего делами СНК ССР с 1920 по1928 гг.

Константин Константинович Даниленко (Котик) - младший помощник, один из самых молодых участников экспедиции в 1925 г. Участвовал в экспедиции в развалины Хара-Хото.

2. Отец С.А. Кондратьева - Кондратьев Александр Александрович. (ум 1936г.), известный астроном Пулковской обсерватории. профессор.
   МИК - Мария Ивановна Клягина-Кондратьева, жена С.А. Кондратьева с 1923г. верная спутница его по Монголии с 1925г. Ориенталист-индолог. Переводчик Р. Киплинга, Р. Тагора. Не исключено, что поводом для подобной аббревиатуры послужила Африканская поэма Н. Гумилева "МИК", которая была написана 1918 г. Второе издание ее появилось в 1922г. С творчеством Н. Гумилева Кондратьев был хорошо знаком, о чем говорят его записи в Дневниках. Общность их восприятия мира видна в экзотическом начале их поэтического творчества, в обращении не столько к быту народа, сколько к специфичности его культуры.
3. См. Кондратьев С. "Весна в Кентэе". М., 1996. с.17.
4. "Тристан и Изольда" - эпическое сказание, основанное на ирландских и валийских легендах. Позже легенда о Тристане, сыне Валуха попала на континент, обрабатывалась французскими и немецкими авторами. В 19 веке был распространен в виде французского рыцарского романа о трагической любви рыцаря Тристана и жены корнуэльского короля Изольды, о конфликте между чувством и долгом. Существует одноименная опера Р. Вагнера, на его же либретто. Впервые поставлена в Мюнхене в 1865г.
5. Мейринк Густав (1868-1932)- писатель-экспрессионист. В его романах и рассказах преобладает иррационально-фантастическая стихия. "О розах профессора" - один из его основных романов.
6. "Голем" - роман Мейринка, написанный в 1915г.
7. Цайдам - место на территории С-З Монголии в долине р. Тэс. Существует также озеро в том же месте Цайдам-нур.

Имеет, очевидно, происхождение от местности Цайдам в Тибете, в Цайдамской котловине, окруженной горами Наньшан, Куньлунь, Алтынтаг, а также солончаками, горными пустынями, солеными озерами.

8. Dampfer (от нем. dampfen - уменьшать, заглушать) - устройство, поглощающее энергию колебаний.
9. Михаил Михайлович - о нем см. далее, в тексте на урду.
10. Новониколаевск или Ново-Николаевск - название г. Новосибирска в 1903-1925 гг.
11. Томь. - р. на Ю-В. Западной Сибири, правый приток Оби. На ней стоят города Новокузнецк, Кемерово, Томск и др.
12. У МИКа сегодня, должно быть, гости. Это связано с днем рождения М.И. Клягиной -Кондратьевой 26 августа.
13. Нижнеудинск - г. (с 1783г.) в Иркутской обл. на р. Уда
14. См. С. Кондратьев. "Весна к Кентэе". - М., 1996, с. 20.
15. Даниил Убугунов - правительственный комиссар экспедиции, назначенный Управлделами СНК СССР Н.П. Горбуновым "согласно ходатайству П.К. Козлова от 5 июня 1923 г. № 401".
16. Верхнеудинск - название г. Улан-Удэ (1783-1934).
17. "Монголия и Амдо" - книга П.К. Козлова об экспедиции его по Монголии и Тибету, в 1908-1911 гг., в результате которой был открыт город Хара-Хото, принесший большую славу ученому.
18. Морлок - пренебрежительное название аборигенов.
19. ГО - Императорское Географическое Общество, созданное в Санкт-Петербурге в 1947г. для исследования стран главным образом Азии. Его отделения были сформированы по всей России , в которых работали местные добровольцы - краеведы, этнографы, языковеды, любители старины.
20. Вклеена справка об аресте Налетного следующего содержания: "Н.К.В.Д. ПРИБАЙКАЛЬСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ ОТДЕЛ УПРАВЛЕНИЯ. 16 августа 1923г. № 6356 г. Верхнеудинск Срочное Начальнику губернской милиции По

просьбе начальника Тибетской экспедиции тов. Козлова, Отдел Управления предлагает арестовать гр. Налетного, члена экспедиции, проживающего на пароходной пристани Госпароходства в Верхнеудинске на предмет отправления в Москву к месту жительства в распоряжение Кинофирмы Факел Столешников 5, согласовав предварительно свои распоряжения с начальником экспедиции. Деньги на билет и довольствие в пути будут высланы из Москвы фирмою телеграфом, на основании посланной телеграммы начальником экспедиции. Об исполнении донести. Заведывающий губернским отделом управления – (Иванов). Заведывающий административным подотделом – (Смирнов)".

21. Обо - груда камней, насыпанная на вершине горы или на переправе, в честь духа горы, понимаемая как дань ему для умилостивления его. Широко распространены во всех регионах монголоязычного мира. Имеют шаманское, а возможно, и более ранее происхождение.
22. Далее следует рисунок паромной переправы.
23. Далее следует рисунок.
24. См. Кондратьев. С. "Весна в Кентэе". С. 20.
25. Троицко-Савск или Троицкосавск, название района, слившегося позже с Кяхтой, возникшей в XVIII веке как слобода. В настоящее время пограничный город с Монголией.
26. Лхаса (букв. "Обитель богов") – до 1959 г. столица Тибета, центра северного буддизма. Образована на Тибетском нагорье в VII в. царем Сронцангамбо. В его главном дворце-монастыре Потала до 1959 г. находилась резиденция главы буддийской церкви - Далай-ламы.
27. Харбин - г. в С-В Китае на р. Сунгари. Строительство его началось в 1898 г. в связи с постройкой Россией Кит-Вост. железной дороги.
28. Маймачин = Маймачен. (от кит. майма - менять) - изначально: поселение китайских торговцев на севере Монголии.

29. Алтын-булак = Алтан булаг (монг. "Золотой источник") - населенный пункт на севере Монголии, аймачный центр.
30. Вклеен пропуск, представляющий собой лист тонкой кит. бумаги, на имя Кондратьева С.А. от 29 августа, написанный на старомонгольской графике, уставным почерком.
31. Яман - присутственное место.
32. Далее следует нотная запись романса "Дорога".
33. Далее следует нотная запись песни.
34. Н.А. Бердяев (1874-1048) - русский религиозный философ, основной темой сочинений которого была философия личности и свободы. В 1922 г. выслан за границу из России, основал там религиозно-философский журнал "Путь".
35. "Лаос" из "Павильона" - имеется в виду цикл стихов Н. Гумилева (1886-1921) "Фарфоровый павильон" (китайские стихи), написанные в 1918 г. и представляющие собой вольное переложение китайских и индийских поэтов. Главный источник цикла – "Яшмовая книга", составленная Жюдит Готье. Использованы стихи Ли Бо, Ду Фу, Ван Цзи.
36. Сочинение Н.А. Бердяева.
37. "Песнь о Викинге" - картина Н.К. Рериха (1874-1847) - русского живописца, театрального художника, археолога, писателя, инициатора движения в защиту памятников культуры, член общества "Мир искусства". С 1920 г. жил в Индии. Картина (наряду с картинами "Бой", "Триумф Викинга", "Светлой ночью", "Варяжское море") входит составной частью в живописную сюиту "Викинг", к которой художник обратился в зрелые годы своей жизни, вдохновленный суровой красотой Скандинавии. Рисовал эскизы к декорациям оперы Вагнера "Тристан и Изольда", пьесе Метерлинка "Принцесса Мален", "Сестра Беатриса".
38. Далее следует нотная запись.
39. Тара = Дара (монг. "спасительница") -наиболее популярный женский образ буддийского пантеона. Особенно почитаемы две ее спокойные формы - Белая Тара и Зеленая Тара, в от-

личие от остальных гневных ее образов. Выступает как женское проявление Авалокитешвары - олицетворения сострадания. Наиболее известны в монгольской иконографии изображения 24-х Тар знаменитого монгольского скульптора Занабазара - первого хутухты Монголии (наивысший титул духовного звания).

40. Дзамба - широко распространенное в Тибете и Монголии блюдо из жареной муки, крупного помола, заливаемой кипятком.

41. Далее идет текст следующего содержания: "О, моя дорогая МИК! Я хочу немного поговорить с тобой. Завтра наступает день, когда наша экспедиция отправится в дальние края. Может быть, я умру, а, может, снова вернусь к тебе. Трудно узнать свою судьбу. Я люблю тебя и никогда тебя не забуду. Ты моя жена, и на твоем пальце мое кольцо, золотое кольцо, кольцо судьбы, а ты знаешь его силу". (Этот и все следующие переводы с урду выполнены старшим научным сотрудником Института востоковедения (Санкт-Петербургского филиала) РАН Сектора Южной и Юго-Восточной Азии Селивановой Тамарой Петровной, которой авторы работы выражают свою искреннюю благодарность.)

42. Субурган - объект культа в буддизме, рассматриваемый как вертикальная модель мира, реликварий, воздвигаемый на месте сожжения высоких духовных лиц, иногда в них замурован не пепел, а мумифицированное тело умершего.

43. Дересун (от монг. дэрс(эн)) - чий блестящий. "Самый высокий злак, произрастающий в Монголии, и злак очень полезный. Он растет в виде снопа и достигает в уровень с грудью всадника. Такие сноповидные кусты образуют большие заросли...обыкновенно в таких местах, где под почвой скапливается влага... Где растет дересун, можно рыть колодец." (Путешествия Г.Н. Потанина по Монголии, Тибету и Китаю, обраб. М.А. Лялиной, СПб., изд. А.Ф. Девриена, б.г., с. 40)

44. Обручев Вл.Аф. (1863-1956) - русский геолог и географ, академик АН СССР (1929). Исследователь Сибири, Центральной и Средней Азии. Основные труды по геологическому строению Сибири, тектонике, неотектонике, мерзловедению. Научно-популярные книги: "Плутония" (1924), "Земля Санникова" (1926), "Мои путешествия по Сибири" (1948). В 1895-1899 гг. совершил ряд экспедиций по Бурятии вдоль трассы будущей железной дороги.
45. Уртон (от монг. урт - длинный) - станция, где меняли лошадей.
46. Далее следует текст на урду: "О, моя любимая девочка. Сейчас вечер. Все ушли спать. Я лежу на своей кровати и без слов пишу. Ты далеко. Может быть, ты сейчас сидишь в своей комнате и читаешь какую-нибудь книгу. Я люблю тебя. Ты моя жена. Я о тебе думаю каждый день, не плачь".
47. Далее следует текст на урду: "Сейчас вечер. Я хочу спать, но мне надо позаниматься языком урду. Поэтому я опишу сегодняшнее и вчерашние события на урду. Вчера после еды я долго разговаривал с Котиком. Это увольнение очень огорчило парня, и он захотел порвать с домом. Я сказал ему, что это плохо. Ему нужно радоваться, что ему надо ехать в Тибет с нашей экспедицией. В этом путешествии он окрепнет, станет сильным человеком. Отвергнутому юноше жить в городе опасно. Этот разговор длился два часа. По-моему, я хорошо говорил, и я надеюсь, что он не поедет обратно в Москву. Вчера мы двигались до самой ночи и наша стоянка была на берегу р. Толы. Вечером небо стало чистое, но на рассвете выпал снег, начался сильный ветер, и наша экспедиция в город Ургу [направилась]. Об этом городе завтра напишу по-русски."
48. На этом месте страницы нарисован план юрты.
49. Далее следует текст на урду: "Сейчас мне следует позаниматься языком урду 12 минут. Я напишу о вчерашних событиях. Сегодня у Жамцарано, кроме коменданта и Галана был

еще Бадмажапов. Все пели. Очень интересно. Теперь пойду спать."

50. На этом месте листа следует нотная запись.

51 Пржевальский Николай Михайлович (1839-1888) - русский путешественник, исследователь Центральной Азии, генерал-майор. Совершил 4 экспедиции в Центральную Азию и одну в Уссурийский край. Открыл ряд хребтов и озер, впервые описал дикого верблюда и дикую лошадь. П.К. Козлов является учеником и продолжателем его дела.

52. Дух Ормузда = Хормузда = Хормуста-тенгри. В мифах монгольских народов верховное небесное божество. Восходит к согдийскому Хурмазда. Глава 33 или 99 тенгриев - владык различных миров, пребывающих на вершине мировой горы Сумэру, ведущих постоянную борьбу с асурами - демонами.

52 Юдин В.И. - сотрудник полпредства в Монголии.

53. Лачит - китайский национальный инструмент.

54. Руднев Андрей Дмитриевич (1878-1958) - известный ученый-монголовед, лингвист, собиратель монгольского фольклора, преподаватель Восточного факультета СПбГУ. С 1917 г. проживал в Финляндии, преподавал в консерватории.

55. Хур - название группы струнных смычковых инструментов, наибольшей популярностью пользуется морин хур - инструмент с трапециевидной декой, длинным грифом, украшенный, как правило, резной головой коня.

56. Хучир - двухструнный смычковый инструмент, обладающий высоким тембром. Часто под аккомпанемент на хучире исполняются народные монгольские песни.

57. Хорочинцы = хорчин - народность, язык которой принадлежит к южным монгольским диалектам.

58. Хадак = хадаг - продолговатый кусок шелка, как правило, голубого, который преподносят почетным гостям.

59. Ходасевич Владислав Фелицианович - русский поэт, литератор, представитель "младшего" поколения зарубежной

русской литературы. Одно время сотрудничал с М. Горьким в журнале "Беседа". Проживал за границей с 1922 г.

60. Далее следует нотная запись.

61. Шанза - струнный музыкальный инструмент китайского происхождения.

62. Богдо-хан = Богдо-гэгэн (1870-1924) - последний глава буддийской церкви Монголии, восьмой по счету носитель титула джебцзун-дамба-хутухта, в 1923 г. - глава Монголии, "живой бог", был объектом божественного поклонения вплоть до самой смерти.

63. Далее следует нотная запись.

64. Далее следует текст на урду: "Сейчас восемь минут одиннадцатого. Мне надо заниматься языком урду. Сегодня наш начальник позвал и сказал, чтобы я ехал в город Майма и там поменял $600. Я поехал, но не смог выполнить это задание. Потом я зашел в столовую и там кое-что съел. После еды отправился к Жамцарано. Там были хорошие инструменты."

65. Замутив (искаж монг. Замбутив - "Мир живых существ") - название народной песни.

66. Думун (монг. Дуу монх – "Вечная песня") - название народной песни.

67. Эрдэни сайхан (монг. – "Прекрасная драгоценность") - название народной песни.

68. Речь, очевидно, идет о книге П.К. Козлова "Монголия, Амдо и мертвый город Хара-хото."

69. Алак сарал (монг. Алаг сарал – "Пегий") - название народной песни.

70. Далее следует текст на урду: "Вернулся из Маймачена. Встретил Жамцарано. Играл ему на музыкальном инструменте. Когда я вернулся, мы все немного поели. И я сейчас пойду спать. Моя красивая девочка, ты мне написала? Я хотел бы, чтобы твоя голова была на моих коленях. И так оставаться долго-долго. Я знаю, что снова тебя увижу. Не за-

бывай меня. Сегодня первый день, когда надо учить язык за прошлый раз. Год назад я поклялся, что буду заниматься по часу каждый день. Союз "тасинару" - мы были в ресторане, дали обет, каждый из нас дал обещание, я поклялся, что каждый день весь год буду заниматься по 1.5 часа языком урду. А сейчас закончено, и я рад, что я это дело сделал, хотя я и не умею как следует читать и писать на урду, но если я поеду в Индию, то я смогу говорить обо всех необходимых вещах. И все пойму. А теперь я каждые четыре дня буду заниматься урду, а монгольским - каждый день. Сейчас я знаю 200 монгольских слов и немного могу говорить. И это мне нравится. Дорогой мой МИК, наверное, ты сейчас тоже учишь монгольский.

82. Свен Гедин = Гедин (Hedin) Свен Андерс (1865-1952) - шведский путешественник Тибета, Синьцзяна, Монголии, Восточного Туркестана.
83. В этом месте тетради имеется автограф Свена Гедина.
84. Консул Васильев = А.Н. Васильев - в 1923-1926 гг. полпред в Монголии.
85. Гандан = Гандантекчинлинг - один из самых крупных буддийских монастырей в Монголии. Осн. в 1838 г. по инициативе 5-го джебзундамбы-хутухты. В 30-е годы разрушен, в настоящее время восстановлен, является действующим, с 1970 в нем функционирует Буддийская Духовная Академия.
86. Первый отчет о работе С.А. .Кондратьева появился на русском языке в ж. "Известия РГО". Т.5, вып.1 - СПб, 1924, под названием "О работах по изучению монгольской музыки в октябре-декабре 1923 г. в Урге.
87. Цоу - монгольская ладанка.
88. Бурханы (досл. монг. бог-учитель) - иконографические или скульптурное изображение Будды.
89 Цырик яман (монг. цэрэг яаман) - военное ведомство.

90 motto = moto - муз. термин, обозначающий движение. Обычно употребляется со словом con, обозначает убыстрение темпа.

91 Дзун Модо (монг Зуунмод) - местечко в 90 км на юго-восток от Улан-Батора.

92 Nigte life (очевидно, искаж. англ. night life) - ночная жизнь.

93 Шастина = Нина Павловна Шастина (1898-1964) - русский ученый - монголовед, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР, издано более 70 работ. Несколько раз была в Монголии, работала там в Ученом Комитете с 1928 по 1936 гг.

94. С 300 по 305 стр. приведен список животных, убитых во время экспедиции.

95. Далее следует рисунок лунного затмения.

96. Воробьев = Павел Иванович Воробьев - в то время советник в Монголии, затем научный сотрудник Института востоковедения АН СССР в Ленинграде.

97. Сугунур = Сугнур - селение в пять домов в одной из падей Хэнтэя, в 80 км от Улан-Батора.

98. Далее следует рисунок фанзы.

99. Алексей Александрович Кузнецов - представитель Монголора, бывший служащий прииска. Позже оказал большую помощь своими знаниями горного дела при раскопках Ноин Улы.

100. Судзуктэ - падь у горы Ноин-Улы, где располагались приисковые постройки, в которых устроили свою базу члены экспедиция, в 90 км на юг от Улан-Батора.

101. Курень (монг. хурэ – "монастырь") – здесь: храм.

102. Далее следует рисунок.

103. Полностью напечатана в книге: Кондратьев С. "Весна в Кентэе", М., 1996, с. 85-109.

104. Там же, с. 3.

Примечания

Ко 2-й книге

1. Yesterday in the deep evening lady read me her daidy (искаж. англ. diary) - Поздно вечером леди читала мне свой дневник.
2. "Заклинание изюбрей" - главы, вошедшие затем в его поэму "Гава".
3. Якушевский - один из рабочих на раскопках из отряда С.К. Кондратьева. Всего на раскопках работало в разное время от 10 до 20 человек - русские и китайцы. Среди русских были: два брата Зимиревых, Ладыженский, Зиганшин, Есиновский, Онуфриев и др., из китайцев: Ханчой, Фун Чин и др. Помогал также сын местного сторожа - Вася Марчук, охотник П. Борисов.
4. Хацуртэ - соседняя падь с Судзукте, где непосредственно находилась база экспедиции при раскопках Ноин Улы.
5. Алексей Александрович Кузнецов - представитель МОНГОЛОРа, бывший служащий прииска, оказал большую помощь своими знаниями горного дела при раскопках.
6. Бальджи - река, имеющая истоки в Ноин-Уле.
7. Меньинские гольцы = Меньзинские гольцы - гольцы по реке Меньзи (монг. Минжи), имеющей истоки в Ноин-Уле. Представляют собой очень крутые склоны, по которым "как серые горные реки спускались полосы россыпей" (П.К. Козлов Путешествие по Монголии. - М., 1949. - с.42).
8. Гурбун Чулу (монг. Гурван Чулуу - букв. три камня) - урочище в 45 км от Сугнура к Сугнурским гольцам. Место промысла местных жителей кедровыми орехами.

9. Мандал - имеется много мест с подобным названием. Здесь: поселение местных русских хлебопашцев в плодородной пади Хэнтэйских гор, окруженной лесами, в 80 км от Улан-Батора на р. Мандал.
10. Хара - приток Орхона.
11. Узурумтэ = Цзурумтэ - соседняя падь с Судзуктэ.
12. Ноин-Ула (монг. Ноин-ул - букв. Княжеская гора) - находится в Хэнтэе, в 90 км. к югу от Улан-Батора.
13. Далее следует таблица.
14. Сергей Александрович Теплоухов - известный русский археолог, в то время сотрудник Русского Музея.
15. Всего было раскопано 26 курганов. Некоторые их них имели собственные названия: "Верхний Судзуктинский", "Андреевский", "Мокрый", "Баллодовский", "Монгольский", "Нижний", "Кондратьевский". Остальные числились под номерами.
16. Далее следуют математические вычисления.
17. Анероид - барометр, измеряющий давление по величине деформации упругой металлической коробки с откачанным из нее воздухом, которая при сжатии и расширении перемещает по шкале прикрепленную в ней стрелку.
18. Бусоль - инструмент для измерения магнитного азимута направлений на местности, применяемый при геодезических работах.
19. Урема- поречье, поемный лес, поросшая лесом и кустарником низменность по руслу рек.
20. Далее следует таблица.
21. Хоринские - принадлежащие к хоринскому диалекту, одному из основных бурятских диалектов, легшему в основу современного бурятского письменного языка. Большинство населения, говорящее на хоринском диалекте проживает в Агинском округе в Бурятии.
22. "Мокрый" курган - курган в Судзукте, принесший наибольшее количество находок, относящихся к гуннской эпо-

хе. Часть их находится в Эрмитаже в Отделе Востока. (2 эт., зал 367.)

23. Далее следуют математические формулы.
24. Далее следуют математические формулы.
25. Боротай - населенный пункт на тракте Улан-Батор - Кяхта.
26. Письмо отсутствует.
27. Гонтув (монг. Гантов) - населенный пункт в Центральном аймаке.
28. Далее следует акварель с изображением заката.
29. Далее следует таблица.
30. Ибсен (Ibsen) Генрих (1828-1906) - норвежский драматург, создатель национального норвежского театра. Основные произведения - философско-социологические драматические поэмы "Бранд", "Пер Гюнт", а также остросатирические социально-реалистические драмы "Кукольный дом", "Привидения", "Враг народа" "Гедда Габлер".
31. Вклеена фотография.
32. Гуджиртэ (монг. Хужиртэ - букв. солонцы). В Монголии имеется много мест с подобным названием. В данном случае - местность в районе Ноин-Улы на западе от Дзун Мод, в Центральном аймаке.
33. Далее следует таблица.
34. Вклеена фотография.
35. Григорий Иосифович Боровка - известный русский археолог, в то время сотрудник Эрмитажа, приехал на раскопки Ноин-Улы вместе с минерологом Владимиром Ильичем Крыжановским, Борисом Борисовичем Полыновым 25 сен. 1925г. Провели на раскопках два месяца.
36. Шпендлер Освальд (1880-1936) нем. философ и историк; развил учение о культуре как множестве замкнутых "организмов", выражающих коллективную душу народа и проходящих определенные циклы. Главное сочинение – "Закат Европы".
37. Вклеено письмо.

38. Кутлик Монгол - перевал по дороге в Тибет.
39. Далее следует список птиц, убитых на Ноин-Уле.
40. Вклеена фотография.
41. Вклеена фотография.
42. Вклеена фотография.
43. Сугунурские гольцы = Сугнурские гольцы, находящиеся недалеко от Сугунура - селения в пять домов в Хэнтэе в 80 км. от Улан-Батора на р. Сугунур, являющейся притоком р. Хары, впадающей в Орхон.
44. Верховье Меньзи = Минжи - находится в горах Ноин-Улы.
45. Вклеена фотография.
46. Арангату - населенный пункт в Центральном аймаке.
47. Тогот - населенный пункт - в Центральном аймаке.
48. Штейн - Stein Aurel - английский археолог и исследователь Восточного Туркестана и Внутренней Монголии. Издана его работа по исследованию Азии "Innermost Asia" (Сокровенная Азия), Oxford, 1924.
49. Вклеена фотография.
50. Тайн-гол - река, имеющая истоки в Ноин-Уле.
51. "Кондратьевский курган" - курган, принесший самые первые находки при раскопках Ноин-Улы, относящиеся к гуннскому времени.
52. Клейн (Klein) Феликс (1849-1925) - немецкий математик, чл.-корр. Петербургской Академии наук. Имеет труды по геометрии, непрерывным группам, автоморфным функциям.
53. Милль Джон Стюард (1806-1873) английский философ, историк, экономист, общественный деятель, основатель английского позитивизма, разработавший индуктивную логику.
54. Дадакен - местность в Хэнтэе, в Центральном аймаке.
55. Чиркой = Чикой - приток Селенги, в нее впадает р. Меньзи (Минжи), течет в 100 км. от Ноин-Улы на востоке Центрального аймака.
56. Вклеена фотография.

57. Вклеена фотография.
58. Вклеена фотография.
59. Имеется карандашный рисунок.
60. Andrews = Эндрюс Рой Чепман - сотрудник Естественно-исторического музея в Нью-Йорке. Руководитель нескольких научных геологических и палеонтологических экспедиций по Монголии и Северному Китаю в 20-х гг. XX в. Занимался раскопками меловой и третичной фауны позвоночных.
61. Шопенгауэр (Schopenhauer) Артур (1788-1860) - немецкий философ-иррационалист. Главное его сочинение – "Мир как воля и представление". Его труды имели большое значение в дальнейшем развитии европейской философской мысли
62. Проут - известный физик-математик. Его труды изучались на естественных факультетах в СПГУ.
63. Уэллс (Wells) Герберт Джордж (1866-1946) - английский писатель, классик научно-фантастической литературы, связывавший проблемы научно-технического прогресса с социальными, в своем творчестве, давал нравственные прогнозы развития общества Известны его романы: "Машина времени", "Человек-невидимка", "Когда спящий проснется", "Тоно-Бенге" и др.
64. Далее следуют рисунок ковра и схема шурфа.
65. Л.М. Карахан = Караханян - востоковед, китаист, являлся членом Монгольской комиссии, неоднократно бывал в Монголии, в 1923-1924 гг. был полпредом в Китае.
66. А.П. Сем.Т-Ш. = А.П. Семенов - Тян-Шанский - видный энтомолог, брат Петра Петровича Семенова - Тян-Шанского - вице-председателя и главы Русского Географ. Общества, исследователя Тянь-Шаня, инициатора ряда экспедиций в Центральную Азию.
67. Манфред Kyber - немецкий поэт-романтик XIX в.
68. "О религиозном воспитании и ручном труде" - статья Л.Н. Толстого, написанная в 1909 г.

69. Национальный музей был образован Ц. Жамцарано в конце 20-х гг. при ходатайстве Ц.Ж. Жамцарано, большой организаторской помощи Кондратьева и Симукова, в дальнейшем последний был его директором.
70. couleur locale - фр. местный колорит.
71. Эдзин-гол - река, которая течет в Тибете и Монголии, впадает в Орог нуур - озеро на юге Монголии, в 12 км от ее дельтового рукава находится городище столицы тангутского государства Си-ся - Хара-Хото, открытие которого принадлежит П.К. Козлову в 1908 г
72. Нянь-Шан - горы Тибетского нагорья на севере Тибета
73. Хамба = хамбо-лама - титул главы духовного управления в Монголии.

В качестве приложения публикуется газетная (скорее всего, «Известия ЦИК» от 10 июля 1925 г.) статья П.К. Козлова об археологических работах экспедиции, по времени совпадающих с событиями, описанными в дневниках С.А. Кондратьева.

Сокровища Монголии.

Новые открытия Тибетской экспедиции.*

"Верхний" или "Шестой" курган расположен в восточной подгруппе Суцзуктинских могил, в ее северной части. Кругом - березняк и редкие сосновые деревья; много пней вековых сосен и много валежнику. На внутреннем скате воронки кургана имеется пень от вековой сосны 160 лет... "Шестой" курган - один из наиболее крупных Суцзуктинской группы и самый круглый этой восточной подгруппы. Основная его граница - очертание - квадрат - сторона которого 24,5 метра, высота насыпи 1,62 - 1,95, навал над входом или шлейф кургана имеет длину 22,5, ширина его основания - 9,25 м. Каменная кладка с внешней стороны кургана и у входа обильна; это обстоятельство предохранило насыпь от размывания и уберегло форму всего земляного сооружения.

Как и другие курганы, "Верхний" ориентирован по странам света. Вход и две стороны квадрата расположены в меридиональной плоскости; две другие стороны - в вертикале.

Разрабатывать именно этот курган побудили нас следующие мотивы: основательность всего сооружения, хорошая сохранность формы и его большее возвышение над горизонтом водного слоя в ручье (22,5), нежели у каждого из остальных курганов этой подгруппы.

---

* **Примечание редакции.** В настоящей корреспонденции путешественник П.К. Козлов сообщает о новых открытиях при разработке "императорских" могил под Ургой. См. "Изв. ЦИК" от 24 мая.

Первоначальная раскопка кургана началась 24 марта и закончилась 20 мая 1924 г. В результате было извлечено из кургана 145 предметов. Все археологические ценности из него с января находятся в Ленинграде и были выставлены в помещении Русского географического общества. О них я своевременно писал, и читал лекции, подчеркивая, что в 1925 году, на ряду с разработкой "Мокрого" кургана, буду вести дополнительное исследование и оказавшегося таким богатым "Верхнего" кургана.

Вторичная разработка "Верхнего" кургана была предпринята с целью извлечения подгробного ковра из внутренней камеры погребального помещения, который при первой разработке мы добыть не могли. Кроме того, представлялось желательным обследовать тонкий слой земли, накопившейся за тысячелетие над полом во всей гробнице.

Высокая научная ценность предметов, добытых в "Шестом" кургане, побудила пойти на относительно значительные материальные издержки при дальнейшей разработке его.

В начале марта рабочие приступили к откачиванию воды, накопившейся за год в гробнице и нижней части обшитой срубом ямы. После удаления воды начаты были работы по извлечению земли, и вскоре на вывалившихся частях наружной части потолка были неожиданно обнаружены куски художественно вышитой ткани. Детальный осмотр потолка на его краях и изломах, доступных наблюдению, привел к предположению, что тканный ковер покрывает значительную часть потолка.

К спуску нового сруба мои спутники приступили в начале апреля. Вероятно, в виду мелкоснежья минувшей зимы, промерзлость почвы распространилась на четыре метра от поверхности земли, что значительно отразилось на быстроте работы. Встретились и другие затруднения. 14-го апреля, когда яма была уже углублена более чем на 8 метров, сруб вдруг стал оседать. Движение это удалось остановить. Но 5-го мая без всяких видимых причин внезапно усилилось боковое давление

на восточную стенку сруба, а западная стенка начала оседать. Сруб перекосило, распорки и сшивные доски стали лопаться. Понадобилась быстрая и напряженная работа, чтобы спасти положение. Следующие дни были посвящены упрочнению сруба. Много вспомогательных приспособлений пришлось сконцентрировать и при очистке гробницы.

При настоящей разработке "Верхнего" кургана мы применили расширение нижней части сруба в форме усеченной пирамиды с площадью нижнего основания в 15 кв. м. Расширение сруба начали на расстоянии 2 метров от потолка гробницы. Этот прием, с одной стороны, позволил нам освободить сверху большую часть гробницы, с другой – ограничиться относительно весьма небольшим выбросом земли.

С глубины 9 м. Стали попадаться в большом количестве крупные обломки камня. С конца десятого метра грунт принял черный оттенок от обилия мелкого и порошкообразного угля.

При этом отмечены следующие детали погребения, не зарегистрированные при первой разработке:

1) На многих стойках сохранились слабые следы капителей.

2) В северном коридоре, окружающем погребальную камеру, обнаружены остатки трех стоек, отмеченных на плане. Таким образом, в северном коридоре шесть стоек.

3) Меридиональные стены внутренней камеры выдаются на 0,08 – 0,10 за северную и южную поперечную стены.

4) Концы наружных матиц входят в вырубленные для этой цели отверстия в стенах.

По окончании этой стадии работы приступили к исследованию и извлечению земляного наплыва из глины и песка, частью просачивающихся, частью осыпавшихся в погребальную камеру.

Прежде всего был очищен северный коридор, где были найдены остатки двух урн, косы. Обрывки различных тканей и

кожи, части седла, два деревянных пилястра, два куска толстого ковра и другие предметы.

Затем перешли к северной части внутренней камеры – до гроба и к восточному коридору. В последнем на весьма небольшой площади мои спутники нашли много предметов: кусок толстого ковра, одежду покойника, барельефы, аргали или овцебыка и т.д.

В дальнейшем с особой тщательностью была пересмотрена земля в гробу, но в ней не оказалось ничего. Освобожденный гроб извлекли по частям наружу. В некоторых местах на нем видны следы лака и краски. Подгробные лежки оказались в сильно сдвинутом положении. Они были прикрыты кусками шелка с богатым рисунком – крылатые всадники и олени. Смещенные лежки и беспорядочные складки подгробного ковра наводят на мысль о том, что грабители, посетившие могилу несколько веков тому назад, неоднократно передвигали гроб с места на место.

Покойник был, по-видимому, вытащен ими из гроба и брошен в восточном коридоре, где оказался в сидячем положении. При разработке частей широчайшей одежды из шелковых кальсон были извлечены остатки костей – коленные чашки, обломки большой берцовой кости и др., обильно покрытые зелеными кристаллами. Одежда покойника издавала резкий, но не неприятный запах, отдаленно напоминающий запах камфары. Быть может, это следы консервации трупа.

Много вещей было найдено под гробом и в западной части внутренней камеры. Извлечением большого ковра с местным орнаментом, изображавшим лося, крылатую рысь и быка с леопардом, были закончены работы в этой части погребального помещения и перенесены в западный коридор.

23 мая работы на "Верхнем", "знаменитом", кургане были закончены.

Настоящая разработка дала находки, по своей ценности, по-видимому, не уступающие предметам, ранее добытым из

этого кургана. Отметим одежду покойника, надпотолочный ковер, ковер из внутренней камеры, вышивки типа "человек и птица", барельефы копытных, ткань с "крылатыми всадниками", крашеные пилястры и др. Всего добыто, не считая керамики, около 500 отдельных предметов.

Во вторичной разработке "знаменитого" кургана принимали не только деятельное, вдумчивое, но и любовное участие почти все мои сотрудники, бывшие налицо в Суцзуктэ. Из многочисленных китайских рабочих заслуживает похвалы Ханчой, много способствовавший успеху раскопок.

Полпред СССР в Монголии А.Н. Васильев и представители монгольского правительства – Цэрэн Дорчжэ и Д.Р. Ринчино по-прежнему продолжают оказывать экспедиции всемерное содействие.

Путешественник П. Козлов.
Урга, 21 июня.

Аннотированный список имен, встречающихся в дневниках С.А. Кондратьева

1. **Аренская М.С.** - мать С.А. Кондратьева, сестра композитора А.С. Аренского.
2. **Барадийн Б.Б.** = Барадин - бурятский ученый, общественный, политический деятель, нарком просвещения Бурятии.
3. **Байков Александр Владимирович** - врач, сотрудник полпредства в Монголии с 1923 г.
4. **Бадмажапов Цогто Гармаевич** = Ц.Г. = Бадмажапов - общественный деятель Монголии: советник министра юстиции Монголии, председатель Монголстроя, член правления Монголтранса, Монценкопа. Верный спутник П.К. Козлова в его путешествии по Монголии и Тибету, побывавший в Хара-хото до П.К. Козлова.
5. **Белоголовый И.А**. - иркутский композитор.
6. **Борисов Б.Б.** - сотрудник Восточного отдела НКИД, руководитель экспедиции в Тибет в 1923-1924 гг., дошедшей до Лхасы в августе 1924 г. Экспедиция имела как политическую, так и научно-исследовательскую программу.
7. **Борисов П**. - местный охотник.
8. **Боровка Григорий Иосифович** - археолог, сотрудник Эрмитажа. Работал на раскопках Ноин-Улы осенью 1924 г вместе с С.А. Теплоуховым и В.И. Кржыжановским
9. **Бохин А.У.** - член экспедиции, присоединился в Троицкосавске.
10. **Васильев А.Н.** - советский полпред в Урге. Во время работы экспедиции П.К. Козлова в Монголии ему была передана функция политкома экспедиции от Д.М. Убугунова в апреле 1924 г.

11. **Воробьев Павел Иванович** - в то время советник посланника в Монголии, затем научный сотрудник Института востоковедения АН СССР в Ленинграде.
12. **Галсан** - лама-тибетец, принятый в состав экспедиции П.К. Козловым осенью 1923 г. без согласования с политкомом экспедиции Д.М. Убугуновым. Впоследствии участвовал в ввозе оружия в Тибет с местным монгольским караваном.
13. **Глаголев Сергей Анатольевич** - географ, член экспедиции, работал на раскопках Ноин-Улы, принимал участие в качестве старшего помощника П.К. Козлова в маршруте к низовьям Эдзин-гола в 1926 г.
14. **Глаголев Л.М.** - дядя С.А. Глаголева, работавший тогда в Петроградском Центросоюзе, друг А.А. Кондратьева - отца С.А. Кондратьева.
15. **Глаголева Татьяна Александровна** - жена Л.М. Глаголева.
16. **Горбунов Н.П.** - управделами СНК, куратор экспедиции со стороны правительства, друг Е.В. Козловой - жены П.К. Козлова. Много сделал для жизнестойкости экспедиции.
17. **Гусев В.А.** - бывший препаратор Зоологического музея.
18. **Доннир** - представитель Тибета.
19. **Доржиев Агван**- бурятский политический и общественный деятель, лама, представитель тибетского Далай-ламы. Распространитель буддийского учения среди бурят. Инициатор и организатор строительства буддийского храма в СПб.
20. **Дугаржаб** = Магсар Хурцын Дугаржаб (1893-1944) - монгольский знаменитый певец (бас), заслуженный артист Монголии, имевший в своем репертуаре громадное количество народных и авторских монгольских песен. Исполнитель знаменитой революционной песни "Улаан туг" ("Красное знамя"). Общественный деятель, революционер.

21. **Ежо Иосиф Иоганович** - хуторянин, живший недалеко от Улан-Батора. Сообщил о прииске и находках в шурфах Дзун Модо.
22. **Ербанов М.Н.** - председатель СНК Бурятии, должен был заменить в экспедиции Д.М. Убугунова в должности политкома в марте 1924г.
23. **Жамцаранов** = Жамцарано Цыбен Жамцаранович (1880-1940) – видный бурятский ученый - исследователь, востоковед, организатор науки, собиратель рукописей, фольклорных, этнографических музейных материалов, общественный деятель. Научный сотрудник Этнографического отдела Русского музея в СПб, преподаватель монгольского языка в Практической Восточной академии, на восточном факультете СПбГУ, член правительства Монголии, председатель департамента народного просвещения Монголии, сотрудник Института востоковедения АН СССР. Арестован, расстрелян.
24. **Зиганшин** - рабочий из отряда С.А. Кондратьева на раскопках в Судзуктэ.
25. **Зимирев Иван** = И. Зимирев = Иван = И. - рабочий на раскопках из отряда Кондратьева. Один из двух братьев.
26. **Карахан Л.М.** - заместитель Наркоминдел Чичерина Г.В., советский представитель в Пекине с сентября 1923 г.
27. **Козлова Елизавета Владимировна** (урож. Пушкарева) - вторая жена П.К. Козлова, верный спутник нескольких его экспедиций. Орнитолог, много лет проработала в Зоологическом институте АН СССР. Автор большой сводной работы "Птицы Юго-Западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Азии" (1930).
28. **Крыжановский Владимир Ильич** - минералог.
29. **Кузнецов Алексей Александрович** - представитель Монголора, бывший служащий прииска. Позже оказал большую

помощь своими знаниями горного дела при раскопках Ноин Улы.

30. **Ладыгин В.Ф.** - спутник П.К. Козлова в двух экспедициях.
31. **Ладыженский** - рабочий из отряда С.А. Кондратьева на раскопках в Судзуктэ.
32. **Ланде** - заместитель полпреда в Монголии А.Н. Васильева в 1923-1926 гг.
33. **Лисовский** - житель Урги, картограф. Один из организаторов Кяхтинского Краеведческого музея.
34. **Лобсанг Чултэм (Чолден)** - ургинский тибетец, представитель Далай-ламы, с которым П.К. Козлов поддерживал связь для получения сведений об экспедиции в Тибет руководимой С.С. Борисовым.
35. **Марчук Вася** = Вася = В. - сын местного сторожа.
36. **о. Малышев** - священник в Троицкосавске.
37. **Михно П.С.** - председатель Сибирского отделения Русского географического общества.
38. **Михайлова Екатерина Матвеевна** = Ек.М. = Е.М. - жительница Троицкосавска.
39. **Мольсон М.В.** = Мальсон М.В. = М.В. - ботаник, географ, была выслана вместе с мужем в Троицкосавск. Была одной из организаторов Кяхтинского Краеведческого музея. Похоронена в Кяхте.
40. **Мухрайн Булат** - бурят, проживающий в Монголии. П.К. Козлов предложил ему войти в состав собственной экспедиции, однако, поскольку НКИД включил его в состав экспедиции С.С. Борисова, он отклонил предложение П.К. Козлова.
41. **Налетный М.В.** - член экспедиции, уволенный П.К. Козловым.
42. **Намган** - представитель главы Тибетского правительства в Монголии.

43. **Павлов Николай Васильевич** - флорист, ботаникогеограф, член экспедиции, впоследствии академик Академии наук Казахской СССР.
44. **Павлова С.Н.** = С.Н.П. - Жена Н.В. Павлова.
45. **Пахомов В.П.** -член экспедиции, присоединился в Троицкосавске.
46. **Петров Сергей Кононович** - инструктор связи в Урге.
47. **Полынов Борис Борисович** - известный почвовед-геохимик, работал на раскопках Ноин-Улы осенью 1924 г.
48. **Потанина Александра Викторовна** = А.В. Потанина = А.В. - жена русского путешественника по Центральной .Азии Григория Николаевича Потанина, его верная спутница, совершила с мужем 3 экспедиции, скончалась в Китае в 1892 г., награждена золотой медалью Имп. Геогр. Об-вом, похоронена в Кяхте.
49. **Помытов Л.Е.** - бурят, переводчик бурятского и монгольского языков в экспедиции.. Вместе с Д.М. Убугуновым, его женой - К.С. Убугуновой представлял т.н. партийную тройку в отряде.
50. **Пржевальский Николай Владимирович** = Коля Пржевальский – внучатый племянник путешественника и исследователя Центральной Азии Н.М. Пржевальского.
51. **Ринчино Элбек Доржи** - бурятский общественно-политический деятель, лидер революционного движения в Бурятии, участник всех общебурятских съездов, председатель Бурятского Национального Комитета, секретарь Военно-революционного комитета Забайкальской области. Впоследствии – профессор Коммунистического университета народов Востока в Москве.
52. **М-me Ринчино** - жена Элбек-Доржи Ринчино.
53. **Савельев П.С.** - член экспедиции, отозван из Урги.
54. **Сакияева Бармажаб Цеденовна** = Б.Ц. = Б.Ц.Ж. - вторая жена Жамцарано, агинская бурятка, учительница, дочь из-

вестного в Бурятии учителя Сакияева, у которого Ц.Ж. Жамцарано собирал фольклор во время своих этнолого-лингвинистических экспедиций по Бурятии в 1903-1906 гг. При отъезде мужа в 1932 г. в Санкт-Петербург она осталась в Монголии.

55. **Саранцев П.М.** - член экспедиции, отозван из Урги.
56. **Синицын Иннокентий Дмитриевич** = И.Д. = Иннокентий Дмитриевич - житель Троицкосавска, местный охотник.
57. **Телешов Н.П.** - старый участник многих экспедиций П.К. Козлова. Принимал участие в экспедиции 1908-1911 гг. в Тибет. Присоединился к экспедиции в Троицкосавске.
58. **Теплоухов Сергей Александрович** - известный русский археолог, посетивший осенью 1924 г. раскопки на Ноин Уле, написавший о них впоследствии ряд научных статей. Сотрудник Русского музея.
59. **Тугаринов И.Д.** - местный охотник.
60. **Убугунов Д.М.** - политком экспедиции П.К. Козлова, присоединился к отряду вместе со своей женой Убугуновой К.С. и Помытовым Л.Е. в Троицкосавске. Впоследствии занимал ряд ответственных партийных и государственных должностей в Бурятии.
61. **Шастина Нина Павловна** (1898-1964) - русский ученый-монголовед, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.
62. **Шахов** - консул в Троицкосавске.
63. **Шокальский Ю.М.** - председатель Географического Общества.
64. **Эрдыниев (Эрденеев) Шагдур** = Эрдэни - бурят, переводчик, рекомендован в экспедицию П.К. Козлова Агван Доржиевым, присоединился к ней в Троицкосавске осенью 1923 г. Скоро ушел в попутным караваном в Лхасу.
65. **Юдин В.И.** - полпред в Монголии, сменил на этом посту А.Н. Васильева в 1925 г.

66. **Юнтер Зинаида Ивановна** = З.И. - жительница Троицкосавска.
67. **Телешов П.П., Бохин А.У., Гусев В.А., Пахомов В.П.** - члены экспедиции П.К. Козлова, введенные в состав отряда по согласованию с политкомом Д.М. Убугуновым вместо отозванных П.С. Савельева, П.М. Саранцева, С.А. Глаголева, М.В. Налетного.
68. **Цэцэнхан** - министр внутренних дел Монголии, министр финансов, председатель ЦКП.

Библиография

1. **Андреев. А.И.** От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). - Санкт-Петербург - Самара – Прага, 1997.
2. **Бернштам А.Н.** Изображение быка на бляхах из Ноинулинских курганов // Проблемы истории докапиталистического общества. 1935, № 5-6.
3. **Бернштам А.Н.** К вопросу о социальном строе восточных гуннов // Проблемы истории докапиталистического общества. 1935, № 8-10.
4. **Боровка Г.И.** Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции. Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии. – Л.: АН СССР, 1925.
5. **Бурдуков А.В.** В старой и новой Монголии. Воспоминания и письма. – М.: Наука, 1969.
6. **Даревская Е.М.** Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX - начале XX веков. - Иркутск: Издательство иркутского университета, 1994.
7. **Житомирский С.В.** Исследователь Монголии и Тибета П.К. Козлов. - М.: Знание, 1989.
8. **Козлов П.К.** Монгольский заповедник Богдо-Ула. // Известия русского географического общества. Т. LVI, вып. I. - М.: Госиздат, 1924.
9. **Козлов П.К.** Путешествие в Монголию. - М.: Географгиз, 1949.
10. **Козлов П.К.** Северная Монголия. Ноинульские памятники. Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной

Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. - Ленинград, 1925.
11. **Козлов П.К.** Вести из Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества // Хозяйство Монголии. Вып.1. - Улан-Батор, 1926.
12. **Козлов П.К.** Вести из Монголо-Тибетской экспедиции (1925). // Известия Русского Географического общества. Т. 58, вып. II, 1926.
13. **Козлов П.К.** Монголо-Тибетская научная экспедиция // Новый Мир. Вып. 6. - М., 1926.
14. **Козлов П.К.** Наша научная экспедиция в сердце Азии (последние сведения о советской научной экспедиции в Монголию и Тибет). // Вестник знания. Вып. 3, 1926.
15. **Кондратьев С.А.** О работах по изучению монгольской музыки в октябре-декабре 1923 г. в Урге. // Известия русского географического общества. Т. LVI, вып. I. – М.: Госиздат, 1924.
16. **Кондратьев С.А.** Весна в Кентэе. Стихи и поэмы. Вступительная статья и публикация А.Л. Никитина. – М.: IGS, 1996.
17. **Кондратьев С.А.** Необычные случаи на охоте и рыбной ловле. М.: Географгиз, 1960.
18. **Мурзаев Э.М.** В сердце Азии. - М.: Наука, 1990.
19. **Юсупова Т.И.** Лхаса - несбывшаяся мечта П.К. Козлова // Альманах Orient. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. Вып. 2-3. - СПб., 1998.

Архивные материалы и документы

1. Фотоархив Института материальной культуры РАН (СПб), ф.74.
2. Архив музея-квартиры П.К. Козлова. (СПб), дело № 10.
3. Архив востоковедов при Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН р. I, оп. 2.

Resume

Sergey Aleksandrovich Kondratiev - the man of the large erudition and broadest scientific outlook - musicologist, archaeologist, ethnographer, one of the youngest participants of P.K. Kozlov expedition in Mongolia (1923-1926). He was taken in the expedition as the collector of musical Mongolian folklore. But he became the actual chief of excavation of the Hun's mounds.

The hand-written diaries of his travels represent a fascinating narration about life of the Mongols, their ethnography and culture. Besides they are the unique written certificate offered to the reader, where the life of expedition in the difficult historical period for Russia and Mongolia, mutual relations of its participants are described from the point of view of the thin, clever, perspicacious and deeply feeling man, what was S. A. Kondratiev.

Diaries are read very easy and with the large interest. They are designed on archaeologists, historians, mongolists, and also for the widest layers of the reader.

Научное издание

Бюллетень Общества востоковедов.
Выпуск 3
«Каждый мерит мир собственной душой»
Дневник С.А. Кондратьева,
участника экспедиции П.К. Козлова в Монголию
(1923 – 1926)

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

ЛР № 040753 от 10 апреля 1996 г.

Сдано в набор 02.01.2000. Подписано в печать 29.02.2000.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 18.0. Уч.-изд. л. 16.5.
Тираж 200 экз. Заказ 35.

Институт востоковедения РАН
103031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Редакционно-издательский отдел
Заведующий отделом Ю.В. Чудодеев

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
121019 Москва, ул. Знаменка, 12